
3 1761 08821320 2

Ал. Соловьевъ.

И. А. Гончаровъ

Біографія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

Типографія Каневскаго и Вацлавовича, Зельная 20.

Оглавленіе.

Біографія Гончарова.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился въ 1812 г. въ Симбирскѣ. Будущій писатель происходилъ отъ купцовъ, но выросъ въ условіяхъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ воспитанія дѣтей въ зажиточныхъ дворянскихъ семьяхъ. Благодаря заботамъ своей матери, простой, но умной женщины, мальчикъ получилъ основательную по тому времени умственную подготовку, давшую облагораживающее направленіе его наслѣдственной дѣловитости. Отецъ Гончарова умеръ рано, оставивъ его трехлѣтнимъ ребенкомъ. Раннія впечатлѣнія мальчика — впечатлѣнія сна и застоя родного города, картина праздной и привольной жизни,—она во всѣхъ мелочахъ глубоко врѣзалась въ душу будущаго автора „Обломова". Въ воспитаніи, кромѣ матери, принималъ участіе крестный отецъ Гончарова, отставной морякъ, носящій въ воспоминаніяхъ псевдонимъ Якубова, человѣкъ просвѣщенный и любившій дѣтей. Онъ выписывалъ книги, много читалъ и бесѣдовалъ съ Гончаровымъ о математической и физической географіи, астрономіи, знакомилъ съ морскими инструментами и началами навигаціи. Послѣдняя настолько интересовала мальчика, что временами его тогда уже тянуло къ морю, или, по крайней мѣрѣ, къ водѣ, и этотъ интересъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ свою долю участія въ рѣшимости Гончарова отправиться въ кругосвѣтное плаваніе много лѣтъ спустя. Для элементарнаго образованія Гончарова помѣщали въ частные пансіоны, изъ которыхъ одинъ не остался безъ серіознаго вліянія на будущаго писателя. Это былъ дворянскій пансіонъ одного священника, жившаго по сосѣдству, въ имѣніи княгини Хованской, образованнаго и свѣтски-культурнаго человѣка. Жена его, родомъ француженка, преподавала свой родной языкъ, священникъ руководилъ чтеніемъ и уче-

ніемъ учениковъ. Послѣднее состояло изъ поучительныхъ и серіозныхъ книгъ: путешествія, произведеній Ломоносова, Державина, Карамзина, Голикова, Расина и Тасса. Дома же мальчикъ охотно читалъ мрачные романы Ратклифъ, мистическіе „Ключи къ таинствамъ природы" Эккартсгаузена, сказки, однако любимымъ чтеніемъ были разсказы мореплавателей, уносившіе фантазію то на Сандвичевы острова съ Кукомъ, то въ Камчатку съ Крашенниковымъ. Въ 1822 г. Гончарова отвезли въ Москву для дальнѣйшаго образованія и помѣстили въ одинъ изъ дворянскихъ пансіоновъ. Здѣсь Гончаровъ пробылъ восемь лѣтъ, усвоилъ иностранные языки, могъ свободно переводить Корнелія Непота, но читалъ книги въ томъ же духѣ, съ фантастическимъ элементомъ на первомъ планѣ въ родѣ „Агасѳера" или „Графа Монтекристо". Подробное чтеніе, попадавшее на благодарную почву, при всей трезвости ума Гончарова поднимало мысль слишкомъ высоко надъ родной дѣйствительностью и, естественно, мѣшало съ большимъ вниманіемъ, а главное долей личнаго участія, вглядѣться въ черты окружающей жизни. Поэтому нисколько не удивительно, что Гончаровъ въ 1831 году поступилъ на словесный факультетъ московскаго университета очень слабо развитымъ общественнымъ чувствомъ. Онъ слушалъ здѣсь Каченовскаго, Надеждина, Шевырева, Давыдова и о всѣхъ сохранилъ благодарное воспоминаніе, особенно о Надеждинѣ и Шевыревѣ. Вступивъ въ университетъ „со страхомъ и трепетомъ", какъ въ святилище, Гончаровъ чувствовалъ себя въ немъ членомъ „маленькой ученой республики, надъ которой простиралось вѣчно-ясное небо, безъ тучъ, безъ грозъ и безъ внутреннихъ потрясеній, безъ всякихъ исторій, кромѣ всеобщей и россійской, преподаваемыхъ съ каѳедръ". Заставъ въ университетѣ еще Герцена и Огарева и товарищей Станкевича, онъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не былъ знакомъ и совершенно остался чуждъ тому умственному возбужденію, той страстной восторженности, характеризовавшей кружки тридцатыхъ годовъ, которую Герценъ называлъ „кипѣніемъ", вспоминая годы своей студенческой жизни. Ни Гегель, ни Сенъ-Симонъ, ни вообще мечты о политическихъ преобразованіяхъ не волновали Гончарова тогда, какъ и позже. Онъ тщательно изучалъ иностранныя литературы и классиковъ, учился у нихъ совершенству формы

и въ своихъ позднѣйшихъ занятіяхъ слѣдовалъ указаніямъ и методамъ, вынесеннымъ со студенческой скамьи. Окончивъ въ 1836 году университетскій курсъ, молодой кандидатъ поступилъ на службу сначала въ Симбирскѣ, гдѣ оставался не долго, затѣмъ въ Петербургѣ, въ департаментъ внѣшней торговли сначала переводчикомъ, потомъ столоначальникомъ. Канцелярская служба не тяготила Гончарова, напротивъ, она шла къ его мало подвижной натурѣ и ровному характеру, она гармонировала съ общимъ направленіемъ его мысли, очарованной Шиллеромъ и Данте, витавшей такъ высоко надъ землею, что ее не задѣвали никакіе пороги и неуклюжести русской жизни. Однако можно съ увѣренностью сказать, что честолюбіе его лежало внѣ канцелярскихъ стѣнъ; впослѣдствіи оно развилось изъ сознанія своего художественнаго таланта и литературныхъ заслугъ. Въ Петербургѣ Гончаровъ сблизился съ семьей художника Майкова, въ которой господствовала эстетическая атмосфера, поклоненіе чистому „объективному“ искусству, которое дало тонъ эпикурейски-безмятежному примиренію съ жизнью и мягкому довольству собой и окружающей обстановкой. Само собой разумѣется, что Гончаровъ, познакомившись съ Бѣлинскимъ и его кружкомъ 1846 г., не могъ сойтись съ великимъ критикомъ ни на почвѣ увлеченія идеями Луи-Блана и Ледрю Роллена, а потомъ Жоржъ-Занда, волновавшими въ то время Бѣлинскаго, ни по соучастію въ той страстной тревогѣ общественной мысли, которая характеризовала этотъ кружокъ, и для которой Гончаровъ былъ слишкомъ трезвой и спокойной натурой. Ко времени знакомства съ Бѣлинскимъ Гончаровъ пять лѣтъ работалъ уже надъ „Обыкновенной исторіей“, и Бѣлинскій прочелъ ее еще въ рукописи. Когда она была напечатана въ „Современникѣ“ за 1847 г., Бѣлинскій посвятилъ ей восторженную рецензію, въ которой привѣтствовалъ Гончарова, какъ блестящаго представителя художественной школы Гоголя и Пушкина, который „изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей — одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства“, но какъ публицистъ, Бѣлинскій съ горечью отмѣчалъ, что Гончаровъ — „поэтъ, художникъ и больше ничего“. Въ слѣдующемъ году въ томъ же журналѣ былъ напечатанъ небольшой разсказъ изъ быта чиновниковъ „Иванъ Савичъ Поджабринъ“, написанный нѣсколько

лѣтъ раньше. Въ 1852 г. Гончаровъ отправился съ экспедиціей адмирала Путятина въ Японію, въ качествѣ секретаря при адмиралѣ, имѣвшемъ порученіе заключить торговый договоръ съ этой страной. Новыя впечатлѣнія, неизвѣстныя страны, о которыхъ еще въ дѣтствѣ Гончаровъ начитался разныхъ фантастическихъ сказокъ, превозмогли боязнь безпокойнаго, подверженнаго разнымъ случайностямъ путешествія. Съ дороги, кромѣ отчетовъ, Гончаровъ писалъ письма, печатавшіяся въ „Морскомъ Сборникѣ", гдѣ въ картинныхъ описаніяхъ, проникнутыхъ живымъ и свѣтлымъ юморомъ, передавалъ свои впечатлѣнія о видѣнномъ въ пути. Изъ этихъ писемъ составилась впослѣдствіи одна изъ лучшихъ книгъ русской описательной литературы, „Фрегатъ Паллада". Вернувшись въ 1855 г. на родину, Гончаровъ окончилъ „Обломова" и напечаталъ его въ 1859 г. съ большимъ успѣхомъ и вслѣдъ затѣмъ всецѣло отдался „Обрыву", надъ которымъ уже думалъ лѣтъ десять и продолжалъ обдумывать и работать надъ нимъ вплоть до появленія его въ „Вѣстникѣ Европы" въ 1869 г. Успѣхъ его далеко не соотвѣтствовалъ, да и не могъ соотвѣтствовать, по многимъ причинамъ успѣху „Обломова", что весьма огорчало Гончарова. Онъ ушелъ въ себя и показывался публикѣ съ тѣхъ поръ очень рѣдко и то, по особымъ случаямъ, небольшими работами: „Литературный вечеръ", „Милліонъ терзаній", „Замѣтки о личности Бѣлинскаго", „Лучше поздно, чѣмъ никогда", (авторская исповѣдь), „Воспоминанія", „Слуги"; изъ нихъ „Милліонъ терзаній" лучшая изъ критическихъ статей по поводу „Горе отъ ума" Грибоѣдова. Съ 1858 г. Гончаровъ служилъ въ цензурномъ вѣдомствѣ цензоромъ и членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ 1862 году былъ одно время редакторомъ „Сѣверной Почты", въ 1873 году онъ вышелъ въ отставку. Съ тѣхъ поръ однообразно и безъ волненій проводилъ Гончаровъ зиму въ Петербургѣ, въ небольшой квартирѣ, лѣто въ Усть Наровѣ, въ одной и той же привычной обстановкѣ, на попеченіи своего стараго слуги и его семьи, которой онъ завѣщалъ свою литературную собственность, такъ какъ Гончаровъ былъ холостъ. Передъ смертью Гончаровъ уничтожилъ часть своихъ старыхъ записокъ, опасаясь, чтобы онѣ не попали когда-нибудь въ печать, заранѣе опротестовавъ право посмертнаго

обнародованія безъ воли автора, біографическаго и литературнаго матеріала въ статьѣ „Нарушеніе воли“.

Общая характеристика литературной дѣятельности Гончарова.

Трудно назвать другого писателя, въ которомъ обстоятельства и впечатлѣнія дѣтства и юности сложились бы въ такой несокрушимый базисъ всего послѣдующаго развитія, какъ Гончарова. Корнями своими и Гончаровъ-художникъ и Гончаровъ-чиновникъ нисходили къ той самой почвѣ, которая доставляла обильные соки, и Адуеву, и Обломову, и Райскому, и прочимъ уроженцамъ „заспанной и всетаки поэтической Обломовки“. Но изъ нихъ Обломовъ былъ ближе, роднѣе прочихъ, какъ въ этомъ признавался самъ писатель, напоминавшій и своимъ внѣшнимъ видомъ своего героя, по собственному же описанію, — „полный съ апатичнымъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными глазами“, равнодушный, кажется, ко всему, какъ Илья Ильичъ, хоронящійся отъ жизни за китайскую стѣну. Но отожествлять Гончарова съ Обломовымъ было бы, понятно, большой ошибкой. Обломовъ-живой типъ, но не живая личность, сложная своими противорѣчіями и загадками, какой былъ Гончаровъ, авторъ колоссальныхъ по замыслу романовъ-эпопей, путешественникъ вокругъ свѣта, самолюбивый философъ. Съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гончаровъ много своего вложилъ въ Илью Ильича, какъ и въ Адуева и въ Райскаго. Имъ присуща въ числѣ другихъ одна черта, опять таки характеризующая самого Гончарова: слабость интереса, почти отсутствіе къ вопросамъ современности. У писателя она вытекала изъ любви къ прошлому, въ которомъ онъ жилъ, уже съ молодыхъ лѣтъ, воспитавъ въ себѣ поэзію отжившаго по преимуществу, поэзію легкой грусти о чемъ-то прекрасномъ и утраченномъ, о чемъ такъ отрадны воспоминанія, подернутыя мечтательной дымкой. Эту поэзію прошлаго въ Гончаровѣ создала прежде всего тихая патріархальная жизнь въ усадьбѣ среди Симбирска, гдѣ надъ закрѣпощенной жизнью царствовали вѣчныя будни, безъ головоломныхъ задачъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ. Потомъ нахлы-

нули новыя идеи изъ книгъ изъ университета, изъ столичной жизни, но онѣ не клиномъ вошли въ родовыя традиціи крѣпостного барства, а безъ борьбы и волненій отслоились на нихъ и розлили въ душѣ мягкій свѣтъ теплаго и жизнерадостнаго настроенія. Аппаратъ, отражающій и создающій жизнь въ творческомъ синтезѣ, былъ готовъ: впечатлѣнія вялой жизни, сна и застоя фиксировались въ немъ ранѣе другихъ. „У меня есть", говорилъ Гончаровъ: „своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній, — и я писалъ только то, что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, любилъ, что близко видѣлъ и зналъ — словомъ, писалъ и свою жизнь и то, что къ ней прирастало". Будучи столь ограниченъ въ своемъ творчествѣ, Гончаровъ придавалъ своимъ изображеніямъ различныхъ сторонъ русской жизни огромное, всеобъемлющее значеніе. Три эпохи, какъ онъ самъ признается, нашли отраженіе въ его произведеніяхъ, составляющихъ вмѣстѣ какъ бы одинъ послѣдовательный романъ. „Обыкновенная исторія" служитъ какъ бы прологомъ, въ ней проявляется „слабое мерцаніе сознанія необходимости труда" въ борьбѣ со всероссійскимъ застоемъ, представитель этого мерцанія — тайный совѣтникъ Петръ Ивановичъ Адуевъ, чиновникъ-дѣлецъ, заводчикъ, приводящій въ свою вѣру мечтателя-племянника. Въ „Обломовѣ" рисуется картина всероссійскаго застоя, по временамъ вспыхиваютъ яркіе проблески сознанія, хотя поле дѣятельности принадлежитъ почти исключительно практическимъ людямъ, какъ Штольцъ. Но „Обрывъ" знаменуетъ уже пробужденіе. Райскій, герой переходной эпохи, это — проснувшійся Обломовъ: „сильный новый свѣтъ брызнулъ ему въ глаза; но онъ еще потягивается, озираясь на свою обломовскую колыбель". Такъ говоритъ самъ авторъ, но съ послѣднимъ нельзя вполнѣ согласиться, такъ какъ не видно трехъ эпохъ въ его произведеніяхъ, и ясно обнаруживается одна эпоха, схваченная въ самый интересный моментъ перегаранія и обновленія. Въ „Обрывѣ", дѣйствительно, прежняя Обломовка уже затуманилась, но и новая жизнь еще не обозначилась въ яркихъ формахъ и потому вышла въ общихъ мазкахъ, дающихъ картину только издали. Послѣдствія великой реформы почти не затронуты въ романѣ, слагавшемся въ головѣ

автора, когда въ воздухѣ носились „какія-то смутныя предчувствія, потомъ прошли слухи о новыхъ началахъ, преобразованіяхъ, обнаружилось движеніе въ наукѣ, въ искусствѣ, съ профессорскихъ каѳедръ послышались живыя рѣчи“. Вслѣдствіе этого и на Райскомъ, и на всемъ романѣ отразилась какая-то двойственность: съ одной стороны, лица и типы, воплощавшіе всероссійскій застой и лѣнь, были слишкомъ ярки и живописны и такъ и просились на картину, а съ другой стороны, автору не хватило общественной и политической чуткости, чтобы дать опредѣленное мѣсто въ романѣ тому общественному теченію, которое не одними смутными предчувствіями и слухами, а протестомъ глубоко возмущеннаго человѣческаго достоинства сказалось въ ту же эпоху на творчествѣ, Тургенева, Некрасова и др. Если и допустить съ извѣстными ограниченіями, что въ лицѣ бабушки отражалась старая консервативная русская жизнь, хотя бы съ наиболѣе свѣтлыми сторонами, то въ лицѣ Марка Волохова Гончарову не удалось дать типическаго отраженія русской молодости „пробужденія“, и изображеніе это вышло каррикатурнымъ, что и содѣйствовало въ свое время, въ эпоху ожесточенныхъ споровъ „отцовъ и дѣтей“, ослабленію успѣха романа. Охватить весь огромный кругъ идей и интересовъ движенія 60-хъ годовъ Гончаровъ оказался слабымъ. Еще можно видѣть въ рѣшимости тайнаго совѣтника Адуева-старшаго взяться за практическую дѣятельность положительную черту, но никоимъ образомъ не является возможнымъ придавать общественнаго значенія обдѣлыванію своихъ дѣлишекъ Штольцемъ, какимъ бы рыцаремъ онъ ни выглядѣлъ, сравнительно съ соннымъ и лѣнивымъ, но безконечно-честнымъ и чистымъ Обломовымъ, воплотившимъ въ себѣ лучшія свойства русскаго барина. Указаніе въ лицѣ Обломова и въ родственныхъ ему типахъ формъ и размѣровъ русской обломовщины составляетъ коренное общественное значеніе и историческую заслугу романовъ Гончарова. Только на ихъ фонѣ видна та гигантская работа мысли писателей и дѣятелей эпохи освобожденія, которая безповоротно разбудила русское общество, указавъ ему путь культурнаго и нравственнаго совершенствованія, въ условіяхъ личной и общественной свободы. Огромный и своеобразный художественный талантъ Гончарова, пластичность изображеній, яркая образность слога ста-

вять его въ число лучшихъ и популярнѣйшихъ русскихъ классиковъ.

Отличительныя черты таланта Гончарова.

Съ самаго ранняго дѣтства Гончаровъ жилъ на Волгѣ. Его художественная натура чутко отражала въ себѣ красоты поволжеской природы; въ его сознаніи невольно укладывались картины природы, жизнь и бытъ окружавшей его среды, мало-по-малу составляя богатый запасъ наблюденій и образовъ, нашедшихъ впослѣдствіи мѣсто въ его литературныхъ произведеніяхъ. Онъ безсознательно запомнилъ и внѣшній обликъ соннаго Симбирска въ жаркую пору лѣтняго дня, и деревни обломовскаго округа, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ замерзшая какъ будто природа и вообще весь неодушевленный міръ, и только гдѣ-то вдали, словно случайно, медленно и лѣниво копошится человѣкъ, обладающій допотопнымъ, темнымъ міровоззрѣніемъ, и господскую усадьбу, занятую отъ мала до велика почти исключительно одною заботою о сытости желудка и ожиданіемъ вождѣленнаго отдыха. Передъ нимъ одни за другими проходили люди всевозможныхъ профессій, нравовъ и темпераментовъ, помимо его сознанія укладывавшихся въ его воображеніи, подобно тому, какъ все отражается въ зеркалѣ, съ тою только разницею, что зеркало не задерживаетъ въ себѣ отраженій, а натура Гончарова копила все то, что предъ нею проходило. Такимъ образомъ подготовился тотъ писатель объективистъ, писавшій свои произведенія при помощи картинъ, а не умственныхъ выводовъ, какого мы знаемъ въ Гончаровѣ. „Художникъ мыслитъ образами“, сказалъ Бѣлинскій, и это какъ нельзя лучше приложимо къ Гончарову. Всѣ его произведенія поражаютъ отсутствіемъ выдумки, всѣ они неподражаемо вѣрно передаютъ дѣйствительность со всѣми ея сторонами и подробностями. Всѣ выведенныя Гончаровымъ лица срисованы съ живыхъ людей, одинъ Штольцъ составляетъ изобрѣтеніе Гончарова, но зато онъ и является фикціей, идеей, а не живымъ человѣкомъ. Гончаровъ описываетъ лѣнь Обломова не помощью выводовъ, объясненія или перечисленія его дѣйствій или привычекъ, а посредствомъ изо-

браженія его самого со всей окружающей его обстановкой, такъ что читателю остается только слѣдить за Обломовымъ, всматриваться въ него и въ его поступки и ужъ самому дѣлать выводы. Но Гончаровъ пишетъ такъ, что эти выводы никакъ не могутъ оказаться ошибочными, понятно, — при томъ условіи, что читатель не лишенъ абсолютно мыслительныхъ способностей и нѣкоторой доли художественнаго чутья. Гончаровъ никогда не ошибается, пока рисуетъ, дѣлаетъ снимокъ съ того, что онъ наблюдалъ, но какъ только онъ захочетъ что-нибудь объяснить, сказать при посредствѣ разсужденія, сейчасъ же онъ начинаетъ дѣлать одну ошибку за другою. Происходитъ это по той причинѣ, что Гончаровъ художникъ, а не мыслитель, что воображеніе и инстинктъ у него безошибочны, а выводы умственные сплошь и рядомъ не вѣрны. Таково знаменитое окончаніе „Обыкновенной исторіи", такова фраза Штольца: „прощай, старая Обломовка: ты отжила свой вѣкъ", излишняя послѣ предшествующихъ объясненій Обломова, которыя и сами, пожалуй, излишни. По свидѣтельству самого Гончарова, послѣднее мѣсто вставлено въ романъ по настоянію одного его знакомаго, а не по почину автора, слѣдовательно, Гончаровъ не „слышалъ" этихъ объясненій и словъ Штольца передъ писаніемъ романа, а вставилъ ихъ сознательно. Вотъ тутъ-то обнаружилось неумѣнье Гончарова описывать то, чего онъ не видѣлъ, чего онъ не наблюдалъ, чего не пережилъ. Всѣ его дѣйствующія лица ясно и отчетливо представлялись ему, дѣлались какъ бы живыми: они не даютъ ему „покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ". „Я слышу", — разсказываетъ Гончаровъ: „отрывки ихъ разговоровъ, и мнѣ часто казалось, что я это не выдумываю, и что это все носится въ воздухѣ около меня, и мнѣ надо только смотрѣть и вдумываться". Также точно представлялся ему и весь неодушевленный міръ, другими словами, Гончаровъ созерцалъ предварительно все, что ни писалъ. Про Райскаго онъ говоритъ: „у него въ головѣ было свое царство цифръ въ образахъ", и это, вѣроятно, списано имъ съ себя самого, какъ и многое другое въ томъ же дѣйствующемъ лицѣ: недаромъ онъ заставляетъ Райскаго-юношу читать тѣ же книги, какія читалъ самъ, недаромъ живая часть дѣйствія „Обрыва" происходитъ на Волгѣ, гдѣ выросъ Гончаровъ. А оживающая

мраморная статуя, созданная воображеніемъ Райскаго, развѣ не напоминаетъ только что приведенный отрывокъ изъ статьи „Лучше поздно, чѣмъ никогда“. Развѣ не напоминаютъ того же слѣдующія слова: Райскій, „вмѣсто того, чтобъ разсуждать, вглядывается въ движеніе народовъ, какъ будто оно передъ глазами“? Словомъ, можно съ увѣренностью признать, что въ созерцаніяхъ Райскаго Гончаровъ описалъ свои собственныя созерцанія. Но этого одного мало, чтобы счесть доказаннымъ то обстоятельство, что Гончаровъ былъ созерцателемъ. У насъ имѣются свидѣтельства самого автора „Обломова“, дополняющія и подтверждающія уже сказанное. Въ авторской исповѣди онъ признается: я „увлекаюсь больше всего своею способностью рисовать“; творчество его идетъ безсознательно: онъ рѣдко знаетъ, что собственно значитъ образъ или характеръ, который онъ рисуетъ — онъ только видитъ его „живымъ передъ собою“. Такъ было, напримѣръ, съ Обломовымъ: Гончаровъ написалъ сначала „Сонъ Обломова“ и напечаталъ его, но, благодаря своей чуткости, уже предчувствовалъ, что слѣдуетъ далѣе. Относительно „Обрыва“ онъ передаетъ, что въ пріѣздѣ на Волгу въ 1849 году на него, „какъ будто сонъ, слетѣлъ весь планъ романа“, а потомъ онъ ужъ только „смотрѣлъ и писалъ“, даже не подозрѣвая, что все создаваемое имъ подготовлено предшествующими созерцаніями: „образы, а вмѣстѣ съ ними и намеки на ихъ значеніе, въ зародышѣ, присутствовали во мнѣ и инстинктивно руководили моимъ перомъ“, объясняетъ онъ впослѣдствіи процессъ своего творчества. Далѣе, по его мнѣнію, типы и образцы даются художнику безъ его вѣдома и безъ всякихъ усилій съ его стороны. Своимъ умѣніемъ вырисовывать съ удивительной тщательностью едва уловимыя детали изображаемой жизни, Гончаровъ напоминаетъ Гомера. Подобно послѣднему, Гончаровъ выдвигаетъ въ своихъ произведеніяхъ множество такъ называемаго эпическаго матеріала, даетъ тонкую, художественную обрисовку бытовой стороны жизни, костюмовъ, наружности, жилищъ и т. п. Онъ не гонится за потрясающими сценами, необыкновенными характерами, равнодушно проходитъ мимо яркихъ эфектовъ; его вниманіе, наоборотъ, привлекаетъ все обыденное, заурядное, будничное. Наконецъ, трезвое, спокойное отношеніе его къ жизни, чуждое всякаго пессимизма, проникну-

тое широкой гуманностью, добродушный юморъ, — всѣ эти черты таланта Гончарова успокаивающимъ образомъ дѣйствуютъ на читателей и доставляютъ имъ глубокое эстетическое наслажденіе, давая въ то же время обильный матеріалъ для изученія жизни русскаго общества.

Разборъ романа „Обломовъ".

Содержаніе романа.

Романъ Гончарова „Обломовъ" появился въ свѣтѣ въ 1859 году и состоитъ изъ четырехъ частей. I-ая часть заключаетъ въ себѣ 11 главъ. Уже въ началѣ романа авторъ знакомитъ насъ съ главнымъ героемъ Ильей Ильичемъ Обломовымъ. Послѣдній живетъ въ Петербургѣ, занимаетъ квартиру въ одномъ изъ многолюдныхъ домовъ. Было 1-ое мая. Обломовъ проснулся раньше обыкновеннаго, въ 8 часовъ утра, и лежитъ себѣ, одѣтый въ халатъ. Онъ очень встревоженъ по поводу письма, полученнаго имъ изъ деревни. Обломовъ неоднократно зоветъ своего лакея Захара, съ которымъ у него происходятъ разнаго рода пререкательства, имѣющія, впрочемъ, мало значенія. Въ комнатѣ у него полный безпорядокъ, и Захаръ объясняетъ это различными причинами, говоря, что надлежащій порядокъ, касающійся отдѣльныхъ предметовъ, приводится въ такое-то и такое время. Между тѣмъ къ Обломову въ этотъ же день являются одинъ за другимъ разныя лица: какъ Волковъ, Судьбинскій, Пенкинъ, Алексѣевъ, Тарантьевъ и др. Увидя ихъ, Обломовъ проситъ ихъ не приближаться къ нему изъ опасенія, что, благодаря холоду отъ ихъ прихода, онъ можетъ простудиться. Прибывшіе гости прекрасно одѣты. Они бесѣдуютъ съ Обломовымъ, передаютъ ему разныя новости. Обломовъ слушаетъ ихъ разсѣянно, мало интересуется ихъ разсказами, которые занимаютъ ихъ однихъ. Между прочимъ, гости напоминаютъ ему, что этотъ день — первое мая, просятъ его пойти съ ними на обѣдъ къ знакомымъ, у которыхъ можно будетъ весело провести время, а затѣмъ поѣхать въ Екатерингофъ. Тамъ въ этотъ день будетъ большое гулянье; тамъ можно будетъ повеселиться, встрѣтить знако-

мыхъ и т. д. Но Обломовъ отказывается, предпочитая остаться у себя на квартирѣ, гдѣ ему удобнѣе и уютнѣе. Уже съ первыхъ главъ романа мы узнаемъ, что Обломова тревожатъ два обстоятельства, которыя онъ самъ называетъ несчастіями: во-первыхъ, хозяинъ дома требуетъ отъ Обломова переѣхать на другую квартиру, съ чѣмъ Обломовъ никакъ не можетъ согласиться, и во-вторыхъ, письмо старосты изъ деревни о неурожаѣ, о бѣгствѣ мужиковъ, и о томъ, что онъ пришлетъ барину доходу на двѣ тысячи рублей меньше противъ обыкновенія. Тарантьевъ берется уладить дѣло, за что проситъ Обломова хорошо накормить и напоить его шампанскимъ и мадерой. Что касается квартиры, то Тарантьевъ совѣтуетъ ему переѣхать къ его кумѣ, у которой имѣется домъ на Выборгской сторонѣ. Тамъ же, по мнѣнію Тарантьева, для Обломова будетъ весьма выгодно и удобно, такъ какъ въ той мѣстности царитъ глубокая тишина. Въ отвѣтъ же старосты Тарантьевъ даетъ ему совѣтъ извѣстить обо всемъ мѣстнаго губернатора, чтобы послѣдній далъ объ этомъ знать исправнику; отдѣльно же необходимо попросить своихъ сосѣдей, которые могли бы въ данномъ случаѣ оказать ему помощь и т. д. Хороши ли были эти совѣты, или дурны, это другой вопросъ, но дѣло въ томъ, что Обломовъ никакъ не могъ сосредоточиться на чемъ-нибудь. Объясняется это тѣмъ, что Обломовымъ объяла такая апатія и лѣнь, что онъ по цѣлымъ днямъ только и дѣлалъ, что лежалъ въ своей кровати, зѣвалъ, вытягивался, и погружался въ какую то неодолимую дремоту. Изъ всѣхъ посѣтителей Обломова только докторъ возбудилъ его вниманіе. Докторъ серіозно угрожалъ Обломову, что, если онъ не перемѣнитъ своего лѣниваго образа жизни, то черезъ годъ, много черезъ два онъ „умретъ ударомъ". Эта же первая часть романа знакомитъ читателя съ образомъ жизни героя и съ подготовленіемъ его къ жизни. Благодаря исключительному и своеобразному воспитанію, Илья Ильичъ былъ плохо подготовленъ къ жизни; его образованіе шло безцѣльно и безсвязно. По окончаніи ученія онъ прослужилъ два года въ какой-то канцеляріи, затѣмъ самъ бросилъ службу и, сдѣлавшись по смерти родителей обладателемъ 350 душъ крестьянъ, погрузился въ рѣшительное ничего недѣланье. Обломовъ, дѣйствительно, ничѣмъ не занятъ, весь день только ѣстъ, пьетъ

и спитъ. Вслѣдствіе этого онъ разошелся со своими знакомыми, обезсилѣлъ въ пустой, ничѣмъ не занятой жизни и безполезно тратилъ время въ праздныхъ мечтаніяхъ о дѣятельности. Только болѣе оживленные разговоры, что-то въ родѣ препирательствъ происходятъ у Обломова съ его слугой Захаромъ. Послѣдній ходитъ за своимъ бариномъ съ самаго ранняго дѣтства, обходится съ нимъ фамильярно. Оказывается, что баринъ и слуга ведутъ препирательства между собою только потому, что Захаръ никакъ не можетъ одолѣть его чрезвычайной лѣни, а Обломовъ, съ своей стороны, не можетъ добиться отъ Захара чистоты и опрятности, большей почтительности къ барину и большей заботливости объ его покоѣ. Между прочимъ, авторъ рисуетъ намъ типъ Захара, какъ слуги, его жизнь, отношеніе къ барину и къ окружающей средѣ. Особенно замѣчательна въ I-ой части романа IX глава подъ названіемъ „Сонъ Обломова". Въ этой главѣ Гончаровъ рисуетъ намъ художественную картину дѣтства Ильи Ильича и типически воспроизводитъ картину барской жизни въ отдаленной провинціи во вторую четверть минувшаго столѣтія. Эта глава служитъ для насъ главнымъ доказательствомъ, почему Обломовъ былъ такъ подготовленъ къ жизни, и каковы были факторы, вліявшіе на развитіе его характера. Обломовка и его обитатели - это особый міръ, гдѣ царила тишина. Люди вели спокойную и тихую жизнь, которая весьма рѣдко нарушалась чѣмъ-то для нихъ неожиданнымъ, на которое любой человѣкъ съ болѣе или менѣе развитымъ умомъ даже не обратитъ малѣйшаго вниманія и во всякомъ случаѣ не придастъ никакого значенія. — Въ самомъ концѣ первой части даннаго романа неожиданное появленіе у Обломова стараго его товарища и друга, Андрея Штольца, приводитъ Илью Ильича въ восторгъ.

Вторая часть романа начинается біографическими свѣдѣніями объ Андреѣ Штольцѣ, ровесникѣ и другѣ Обломова. Отецъ Штольца былъ нѣмецъ, а мать русская, вѣру онъ исповѣдывалъ православную, природная рѣчь его была русская, чему онъ обязанъ своей матери, деревенскимъ мальчишкамъ и ихъ родителямъ, съ которыми ему часто приходилось сталкиваться. Нѣмецкій же языкъ Штольцъ усвоилъ отъ отца и изъ книгъ. Мальчикъ Штольцъ росъ и воспитывался въ селѣ Верхлёвѣ, гдѣ его отецъ былъ управляю-

щимъ, Съ восьми лѣтъ его воспитателями были родители. Отецъ училъ сына географіи, знакомилъ съ нѣмецкими писателями и одновременно указывалъ, какъ подвести итоги мѣстному населенію, а мать учила его русскому языку и музыкѣ. Это былъ довольно рѣзвый, живой и бойкій мальчикъ, съ которымъ отецъ обращался строже, чѣмъ мать. Мальчикъ нерѣдко отлучался изъ дому, возвращался неразъ съ разбитымъ носомъ и разорванымъ платьемъ, безъ сапогъ. По этому поводу мать особенно безпокоилась, а отецъ, наоборотъ, былъ этимъ доволенъ, въ полномъ убѣжденіи, что изъ его сына будетъ хорошій и дѣятельный человѣкъ. Будучи 14 лѣтъ, мальчикъ нерѣдко отправлялся въ городъ съ порученіями отъ отца, которыя онъ исправлялъ въ точности, за что получалъ вознагражденія отъ отца. Матери это совсѣмъ не нравилось: она хотѣла изъ своего сына сдѣлать барина. За хорошіе успѣхи отецъ сдѣлалъ сына репетиторомъ въ своемъ пансіонѣ и назначилъ ему жалованье 10 рублей въ мѣсяцъ. Впослѣдствіи отецъ рѣшилъ направить сына по тому же пути, по которому онъ самъ шелъ. Какъ только сынъ окончилъ университетъ, то матери его уже не было въ живыхъ. По германскому обычаю отецъ рѣшилъ отдалить отъ себя сына. Съ этой цѣлью онъ далъ сыну сто рублей, велѣлъ ему поѣхать верхомъ до города, гдѣ онъ получитъ 350 руб. отъ нѣкоего Калинникова, у котораго онъ, съ своей стороны, долженъ оставить лошадь. Если же Калинникова не будетъ, то отецъ Штольца позволилъ сыну продать лошадь на ближайшей ярмаркѣ, въ то же время отецъ далъ ему настоящія указанія, какъ добраться до Петербурга, гдѣ онъ, вооруженный знаніями, можетъ себѣ избрать какой-угодно путь. Отвѣтъ сына вполнѣ удовлетворилъ отца. Они разстались вполнѣ хладнокровно. Дѣйствительно, Штольцъ дѣлалъ громадные успѣхи, работалъ въ потѣ лица, ѣздилъ за границу по своимъ дѣламъ. Ему еще было 30 лѣтъ. За это время развивался его характеръ, онъ усидчиво работалъ, зналъ свѣтъ и людей, умѣлъ цѣнить ихъ и, вооруженный практикой и опытомъ, могъ дать любому человѣку надлежащій совѣтъ, а тѣмъ болѣе его ровеснику Обломову, предавшемуся апатичной лѣни. Какъ разъ 1-го мая Штольцъ посѣтилъ Обломова, который, съ своей стороны, любилъ, уважалъ и цѣнилъ хорошія стороны своего

лучшаго товарища еще съ дѣтскаго возраста. Увидя своего друга и ровесника въ состояніи апатіи, Штольцъ начинаетъ вліять на него. Въ самомъ дѣлѣ, Штольцу это удается на нѣкоторое время. Штольцъ доказываетъ въ убѣдительныхъ словахъ Обломову, что ему необходимо оставить сибаритскій образъ жизни, развлечься нѣсколько, интересоваться всѣмъ, что происходитъ на свѣтѣ, совершить путешествіе, отправиться за границу, чѣмъ онъ возстановитъ свое здоровье и станетъ новымъ человѣкомъ, освободится отъ гнетущаго соннаго состоянія, которое неблаготворно вліяетъ на его разстроенный организмъ, и одновременно даетъ ему совѣты, какъ избавиться отъ двухъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыми такъ занятъ его другъ. Между тѣмъ Штольцъ знакомитъ Обломова съ семействомъ Ильинскихъ, у которыхъ имѣется племянница Ольга. Съ своей стороны Штольцъ предпринялъ все, чтобы благотворно повліять на Обломова. Уже за день до отъѣзда заграницу Штольцъ бесѣдовалъ по этому поводу съ Ольгой и просилъ ее предпринимать различныя мѣры, какія она только найдетъ возможными и нужными, лишь бы вывести Обломова изъ его исключительнаго положенія. Дѣйствительно, Обломовъ незамѣтнымъ образомъ сталъ посѣщать ежедневно домъ Ильинскихъ. Тарантьевъ въ это время успѣлъ перевезти всѣ вещи Обломова къ своей кумѣ на Выборгскую сторону, а Обломовъ даже 3 дня проводитъ у тетки Ольги, которая жила на дачѣ. Вскорѣ Обломовъ нанялъ для себя дачу недалеко отъ своихъ знакомыхъ, по цѣлымъ днямъ проводитъ съ Ольгой. Между ними развиваются сердечныя отношенія. Затѣмъ авторъ до мельчайшихъ подробностей рисуетъ эти взаимныя отношенія между Обломовымъ и Ольгой. Обломовъ весь перерождается. Его интересуетъ мало-по малу все то, на что онъ раньше не обращалъ никакого вниманія. Гончаровъ психологически анализируетъ эти взаимныя отношенія и художественно касается отдѣльныхъ частностей Но вдругъ въ душу Обломова прокрадывается сомнѣніе. Ему кажется, что Ольга полюбила его по ошибкѣ вмѣсто другого, котораго ждала ея душа. Обломовъ того мнѣнія, что его лично полюбить не за что, а поэтому онъ считаетъ своей обязанностью предостеречь Ольгу отъ страшнаго заблужденія и разочарованія. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и чувствъ,

Обломовъ, скрѣпя сердце, пишетъ Ольгѣ письмо, въ которомъ онъ выражается, что встрѣча съ нею оставитъ ему на всю жизнь самое „чистое благоуханное воспоминаніе“; Ольгѣ же Обломовъ совѣтуетъ воспользоваться этимъ случаемъ для будущей, неошибочной „нормальной любви“ и заканчиваетъ свое письмо словами: „прощайте, улетайте скорѣе, какъ испуганная птичка улетаетъ съ вѣтки, гдѣ сѣла ошибкой, также легко, добро и весело, какъ она“. Однако это оторванное письмо произвело совершенно иное впечатлѣніе, какъ полагалъ Обломовъ. Онъ встрѣтился съ Ольгой, самъ лично убѣдился, какъ она мучилась, терзалась; ихъ отношенія возобновляются, и привязанность Ольги къ нему усиливается еще въ большей степени. Наконецъ, Обломовъ проситъ руки, и она соглашается.

Третья часть романа начинается разговоромъ между Обломовымъ и Тарантьевымъ по поводу квартиры, о которой хлопоталъ Тарантьевъ по просьбѣ Обломова, но послѣдній уже успѣлъ позабыть, что онъ второпяхъ подписалъ контрактъ. Между тѣмъ Обломовъ отправился къ Ильинскимъ съ намѣреніемъ объявить теткѣ Ольги объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, считая этотъ фактъ послѣднимъ шагомъ; Ольга же, съ своей стороны, останавливаетъ его, говоря, что это дѣло послѣднее, но прежде всего ему необходимо отправиться въ палату, гдѣ нужно писать какую-то бумагу, потомъ уѣхать въ Обломовку съ цѣлью привести въ надлежащій порядокъ имѣніе и домъ и пока подыскать подходящую квартиру въ городѣ. Прежде всего Обломовъ съ большимъ трудомъ добрался до Выборгской стороны и хотѣлъ объявить хозяйкѣ квартиры Пшеничиной, что ему эта квартира не нужна, но хозяйка отвѣтила ему, что объ этомъ Обломову придется переговорить съ ея братомъ, который ведетъ ея дѣла. Не желая ждать до 5 часовъ, Обломовъ пока уѣхалъ на дачу Вскорѣ Ильинскіе переѣхали въ городъ, и Обломову уже казалось невозможнымъ одному остаться на дачѣ. Узнавъ отъ Обломова, что онъ еще не устроился, Ольга, по словамъ тетки, проситъ его видѣться рѣже, съ чѣмъ онъ самъ согласился; при этомъ Ольга сама выбираетъ опредѣленные дни и мѣста, когда свиданія ихъ возможны. Между тѣмъ Обломовъ немного освоился съ хозяйкой квартиры и увидѣлся съ ея братомъ, которому онъ сообщаетъ, что по

обстоятельствамъ онъ долженъ пріискать себѣ другую квартиру, но Иванъ Матвѣевичъ, братъ хозяйки, защищая интересы своей сестры, объявляетъ, что въ настоящій моментъ онъ не можетъ согласиться, такъ какъ его сестра потерпитъ убытокъ, при этомъ высчитываетъ Обломову всю сумму, каковую придется съ него взыскать судомъ, если онъ нарушитъ подписанный имъ контрактъ. Въ такомъ случаѣ Обломовъ самъ берется передать квартиру другому лицу. Вообще Обломовъ сталъ дѣятельнѣе, и мечты его приняли опредѣленное направленіе, — именно, къ устройству своего благополучія съ Ольгою. Но впослѣдствіи мало-по-малу являются обстоятельства, которыя постепенно разрушаютъ его душевное состояніе. Изъ деревни Обломовъ не получалъ благопріятныхъ вѣстей; денегъ ему не высылали, а въ то же время его непріятно озадачивали толки знакомыхъ Ольги, а еще болѣе — толки дворни о предстоящей свадьбѣ. Вообще практическая сторона вопроса о женитьбѣ очень безпокоила Обломова. Къ тому прежняя его нерѣшимость стала снова пробираться въ его душу. По мѣрѣ того, какъ приближается время—мечты о счастіи осуществить въ дѣйствительности цѣлымъ рядомъ хлопотъ, занятій, распорядительности, Обломовъ все болѣе и болѣе оказывается несостоятельнымъ. Не желая откладывать свиданія на болѣе продолжительное время, Ольга написала ему письмо, въ которомъ просила о свиданіи въ Лѣтнемъ саду, которое дѣйствительно и состоялось. Но на слѣдующій день Обломовъ не былъ у Ольги, онъ написалъ ей, что простудился въ Лѣтнемъ саду, долженъ просидѣть дома дня два и надѣется увидѣть ее въ предстоящее воскресенье. Ольга, съ своей стороны, пишетъ еще письмо, проситъ его беречь свое здоровье, чему онъ очень обрадовался. Къ счастью для него, Нева собралась замерзнуть, вслѣдствіе чего ему не придется и въ предстоящую среду быть у Ольги. Но вотъ на Неву настлали мостки, и снова получилось письмо отъ Ольги черезъ Никиту. Спрятавшись отъ послѣдняго, Обломовъ далъ отвѣтъ, что вслѣдствіе опухоли въ горлѣ онъ не рѣшается выходить со двора. Вдругъ однажды хозяйка квартиры, войдя въ кабинетъ Обломова, передала ему, что его спрашиваетъ какая-то дѣвушка. Это была Катя. Она сообщила Об-

ломову, что его вскорѣ посѣтитъ Ольга. Это обстоятельство ошеломило Обломова, которому съ трудомъ удается выпроводить своихъ слугъ, чтобы они не были свидѣтелями того неожиданнаго свиданія. Послѣ этого свиданія Обломовъ прибылъ къ Ильинскимъ, но Ольга начинаетъ сомнѣваться въ томъ, что ей удастся окончательно оживить Обломова. Къ тому непріятныя извѣстія изъ Обломовки ускорили развязку дѣла. Повѣренный Обломова написалъ ему, что домъ его едва держится и вскорѣ отъ ветхости обвалится, доходовъ никакихъ нѣтъ, а для приведенія дѣлъ въ порядокъ необходимо хозяину пріѣхать и заняться самому. Всѣ эти тревоги въ сильной степени утомляютъ Обломова, который не въ состояніи выносить такой напряженной дѣятельности. Объясняясь съ Ольгой, онъ даетъ ей понять, что свадьбу придется отложить года на два или на годъ, пока все устроится, и повѣренный пришлетъ ему необходимую для этого сумму. Тогда Ольга убѣждается, что она слишкомъ слаба для того, чтобы вдохнуть въ Обломова энергію и характеръ, и что соединить свою судьбу съ его судьбой значило бы — самой зачахнуть и его сдѣлать несчастнымъ. Ольгѣ стоило слишкомъ много душевной борьбы и слезъ высказать, что она совершенно разочаровалась въ надеждѣ увидѣть Обломова возрожденнымъ, съ горестью называетъ себя мечтательницей и фантазеркой и беретъ назадъ свое согласіе выйти за Обломова. Мечты Обломова о счастіи разрушились. Онъ не выдержалъ приговора Ольги и поплатился нервной горячкой.

Въ четвертой части даннаго романа описываются событія, происшедшія, спустя годъ послѣ болѣзни Обломова. Послѣдній уже выздоровѣлъ. Повѣренный Затертый, отправленный въ деревню, прислалъ Обломову деньги, вырученныя за хлѣбъ, и написалъ ему подробно объ остальныхъ статьяхъ хозяйства. Штольцъ по временамъ является къ Обломову, питая надежду вывести его изъ притупляющей среды. Между прочимъ, Обломовъ передаетъ Штольцу, что онъ отлично устроилъ свои дѣла, которыми руководитъ его повѣренный, но Штольцъ доказываетъ своему другу, что его обкрадываютъ и раззоряютъ, но эти убѣжденія оказываютъ мало вліянія на Обломова, который понемногу все болѣе и болѣе опускался. Обломовъ окончательно устраивается на

своей квартирѣ, и мелкая, почти растительная жизнь среди семейства своей хозяйки Агафьи Матвѣевны Пшеницыной, совершенно втягиваетъ его въ свою среду. Обломовъ до такой степени привыкаетъ къ этой новой жизни и окружающей средѣ, что даже не замѣчаетъ, какъ родственники хозяйки и ея ближайшая среда обманываютъ и обираютъ его. Агафья Матвѣевна становится ему со дня на день близкимъ человѣкомъ; она заботится о немъ, входитъ въ мельчайшія подробности всего того, что касается его хозяйства. Въ результатѣ Обломовъ обольщается ея мягкимъ нравомъ и ея дѣйствительно искреннею къ нему привязанностью. Въ концѣ концовъ Агафья Матвѣевна становится для Обломова дорогимъ и милымъ существомъ, на которомъ онъ женится. Конецъ Обломова былъ очень печаленъ. Предсказаніе доктора исполнилось: Обломовъ умеръ отъ апоплектическаго удара.

Между тѣмъ семейство Ильинскихъ отправилось путешествовать за-границей. Сначала Ольга сильно тосковала послѣ своего разочарованія или послѣ ошибки въ Обломовѣ. Штольцъ нечаянно встрѣтился съ нею въ Парижѣ, гдѣ она поражаетъ Штольца чрезвычайною перемѣною, которая въ такое короткое время произошла и въ ея образѣ мыслей, и въ самой внѣшности ея. Послѣ этого между Штольцемъ и Ольгою прежняя дружба мало-по-малу развивается и крѣпнетъ, а съ теченіемъ времени уступаетъ мѣсто такимъ откровеннымъ сердечнымъ отношеніямъ, что, спустя шесть мѣсяцевъ, Ольга выходитъ за него за мужъ. Ихъ взаимное счастье однако нерѣдко побуждаетъ обоихъ съ любовью вспоминать общаго друга Обломова. Впослѣдствіи Штольцъ съ женой поселились на южномъ берегу Крыма, гдѣ супруги наслаждались чудной природой и взаимнымъ благополучіемъ. Свѣтлая картина ихъ счастья нѣсколько омрачается грустными воспоминаніями о жалкомъ существованіи Обломова, да еще въ душѣ Ольги таится какое-то смутное чувство грусти, что въ ихъ жизни есть только личная любовь, личное счастье, но, съ другой стороны, недостаетъ иной высшей жизненной задачи, въ рѣшеніи которой можно было бы почерпнуть не эстетическое благополучіе, а болѣе возвышенное сознаніе того, что чело-

вѣкъ можетъ и долженъ служить общественнымъ идеаламъ, любить людей, общество и родину.

Положеніе Захара послѣ смерти его барина было плачевное. Сначала онъ еще кое-какъ питался. Онъ пробовалъ служить, но уже не могъ, такъ какъ господа были имъ недовольны. Въ концѣ концовъ сталъ ѣздить извозчикомъ, но старость взяла свое. Отъ горя сталъ онъ бродяжничать.

Жизнь Обломовыхъ.

Прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ главнаго героя, необходимо остановиться на IX главѣ I-ой части даннаго романа, носящей названіе „Сна Обломова". Въ этой знаменитой части кроется ключъ къ пониманію характерныхъ чертъ Обломова и вліянія важнѣйшихъ факторовъ на развитіе сложившагося характера героя. Обломовы жили въ своемъ имѣніи, состоящемъ изъ двухъ деревень — Сосновки и Вавиловки, вблизи которыхъ находилось село Верхлёво. „Обитатели этого края далеко жили отъ другихъ людей... Они знали, что въ восьмидесяти верстахъ отъ нихъ былъ губернскій городъ; потомъ знали, что подальше, тамъ Саратовъ или Нижній, слыхали, что есть Москва и Питеръ, что за Питеромъ живутъ французы или нѣмцы, а далѣе уже начинался для нихъ, какъ для древнихъ, темный міръ, неизвѣстныя страны, населенныя чудовищами, людьми о двухъ головахъ, великанами, тамъ слѣдовалъ мракъ—и, наконецъ, все оканчивалось той рыбой, которая держитъ на себѣ землю". Въ этомъ краю царили полная тишина и невозмутимое спокойствіе; во всемъ господствовали полный застой и неподвижность, обитатели не думали и думать не хотѣли, что необходимо молодому поколѣнію объяснить значеніе жизни, къ которой слѣдуетъ серіозно подготовиться. Они жили, шли по опредѣленному правилу, начертанному съ давнихъ временъ, и не могли сколько-нибудь пошевелить мозгами, что въ жизни могутъ возникнуть новыя потребности. Въ новомъ они не нуждались, не мечтали о немъ и не стремились къ нему, такъ какъ у Обломовыхъ: „Норма жизни была готова и преподана имъ родителями, а тѣ приняли ее, тоже готовую, отъ дѣдушки, а дѣдушка отъ прадѣдушки, съ завѣтомъ блюсти ея цѣлость и неприкосновенность, какъ огонь Весты. Какъ что дѣлалось при дѣдахъ и отцахъ, такъ дѣ-

лалось при отцѣ Ильи Ильича, такъ, можетъ быть, дѣлается еще и теперь въ Обломовкѣ“. Обломовы вели растительно-животную жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова. Главная жизненная забота ихъ праздной жизни заключалась исключительно въ ѣдѣ, на которую они обращали серіозное вниманіе. Ѣда — это былъ центръ ихъ мыслей, вокругъ которыхъ все вращалось по опредѣленной оси. Для составленія разныхъ блюдъ обѣда устраивался по большей части цѣлый семейный совѣтъ; мнѣніе каждаго члена принималось въ соображеніе, какъ будто тутъ приходилось рѣшать вопросъ первостепенной важности, однако въ данномъ случаѣ голосъ хозяйки имѣлъ наибольшее значеніе для окончательнаго приговора. Обломовы рисовали себѣ жизнь, какъ идеалъ покоя и бездѣйствія. Послѣднія, по ихъ мнѣнію, могли нарушаться болѣзнями, убытками, ссорами и трудомъ. Самый ничтожный трудъ считался несовмѣстимымъ со званіемъ барина. Эту мысль они старались съ раннихъ лѣтъ внушить молодому поколѣнію. По этому поводу Гончаровъ говоритъ слѣдующее: „Они сносили трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ“. Все человѣчество, по ихъ глубокому убѣжденію, дѣлилось на двѣ діаметрально противоположныя группы: одни — простые люди — должны всю жизнь трудиться и работать, чтобы ихъ трудомъ свободно и безпечно жили бары.

Лѣтомъ Обломовы ложились спать въ сумерки; зимою же и осенью въ комнатѣ тускло горѣла одна сальная свѣчка. Дѣлалось это отчасти по привычкѣ, а отчасти изъ экономіи. Они были очень хлѣбосольны, радушно принимали гостей. Гости сами не дотрогивались до угощенія, но позволяли себѣ исполнить желаніе хозяевъ, если послѣдніе, по крайней мѣрѣ, три раза настойчиво настаивали на то, чтобы отвѣдать что-нибудь. Таковъ былъ обычай въ Обломовкѣ. Если же гость послѣ перваго раза старался удовлетворить желаніе хозяевъ, то о такомъ гостѣ были плохого мнѣнія и не пускали его даже на дворъ въ слѣдующій разъ. Для гостей Обломовы ничего не жалѣли, разъ этотъ предметъ производился у нихъ. Но если приходилось на это тратить деньги, то Обломовы съ этимъ считались и были очень ску-

пы. Даже изюмъ, свѣчка и т. п. играли у Обломовыхъ большую роль, такъ какъ эти предметы покупались за деньги. Чтобы не тратить лишней копѣйки, они соглашались терпѣть всякаго рода неудобства: „Они глухи были къ политико-экономическимъ истинамъ о необходимости быстраго и живого обращенія капиталовъ, объ усиленной производительности и мѣнѣ продуктовъ. Они, въ простотѣ души, понимали и приводили въ исполненіе единственное употребленіе капиталовъ—держать ихъ въ сундукѣ“. Календарь для нихъ почти не существовалъ, но счетъ времени они вели по праздникамъ, по временамъ года, по разнымъ семейнымъ и домашнимъ случаямъ а никогда не ссылались ни на мѣсяцы, ни на числа. Время они проводили, какъ дѣти. Лѣтомъ, подъ вечеръ дворня собиралась у воротъ, гдѣ раздавались тоны балалайки, а иные играли въ горѣлки. Въ зимнюю пору для развлеченія времени они прибѣгали къ картамъ, они играли „въ дураки, въ свои козыри“. Въ праздничные дни они съ гостями играли „въ бостонъ“, или раскладывали „гранъ-пасьянсъ“, или гадали „на червонаго короля, да на трефовую даму, предсказывая марьяжъ“. Эта сонная жизнь иногда нарушалась пріѣздомъ какой-нибудь родственницы или желанной гостьи. Тогда въ домѣ ихъ нѣсколько оживлялось. Вопросъ прежде всего касался окрестныхъ жителей, которыхъ критиковали по ниточкамъ, вели сплетни и пересуды, послѣ этого интересовались обновками и разнымъ тряпьемъ; веселый моментъ оканчивался кофе, чаемъ и т. п., а затѣмъ наступало глубокое молчаніе, такъ какъ ихъ мозгъ не творилъ новостей, чѣмъ бы они могли убивать свободное время. — Обломовы были вообще здоровы и долголѣтни; о болѣзняхъ они, можно сказать, не имѣли понятія, но единственная болѣзнь иногда постигала всѣхъ, именно: угаръ. Противъ этой болѣзни Обломовы употребляли домашнія средства, которыми каждый пользовался посвоему: одинъ прибѣгалъ къ огурцамъ, которыми обкладывалъ голову и обвязывалъ полотенцемъ, другой клалъ клюквы въ уши и нюхалъ хрѣнъ, иной уходилъ на морозъ въ одной рубашкѣ и т. п. Въ случаѣ, если кто подвергался ушибу, или на тѣлѣ образовывалась рана, тогда пораженную область тѣла натирали бодягой, а больному въ то же время давали выпить святой водицы или нашепнуть.

Это лѣченіе считалось у нихъ радикальнымъ и раціональнымъ.

Духовная косность, нежеланіе сколько-нибудь пошевелить мозгами хотя бы въ интересахъ своего матеріальнаго существованія доходила до того, что Обломовы даже не знали, какъ идетъ у нихъ хозяйство, сколько у нихъ крестьянъ, какіе получаются доходы. Они считали для себя большимъ несчастьемъ, когда по различнымъ неожиданнымъ обстоятельствамъ они были принуждены въ какой-либо формѣ нарушить свой умственный трудъ. Но всякая малѣйшая работа исполнялась другими людьми, крестьянами, или крѣпостными. Имъ даже въ голову не приходило, что гдѣ-то имѣется совершенно иная жизнь, полная разумной, кипучей дѣятельности, широкихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, насыщенная идейной работой. Духовная спячка и бездѣлье царили надъ этими людьми стараго закала, которые вдоволь обезпечивались даровымъ крестьянскимъ трудомъ. Въ такомъ-то краѣ и въ такой-то средѣ росъ, воспитывался и развивался главный герой даннаго романа. Эта жизнь указываетъ намъ на зародышъ тѣхъ или иныхъ чертъ самого Обломова. Окружающая среда сильно должна была дѣйствовать на умственную сферу Обломова, который былъ ею проникнутъ до мозга костей.

Главные факторы, вліявшіе на развитіе характера Обломова.

Изъ XI главы первой части романа мы подробно познакомились съ тѣмъ захолустнымъ уголкомъ, гдѣ росъ и воспитывался герой даннаго произведенія, а также съ образомъ жизни, міросозерцаніемъ, нравами, обычаями, времяпровожденіемъ обитателей этой благодарной области. Эта же глава богата многими разнообразными картинами и фактами, показывающими и объясняющими наглядно читателю, какъ постепенно сложился характеръ главнаго дѣйствующаго лица, которое является передъ нами во весь ростъ и нисколько не колеблетъ наше мнѣніе о немъ. Въ этомъ отношеніи XI глава служитъ цѣннымъ матеріаломъ для на-

шего вопроса. Каждый изъ насъ отлично знаетъ, что сама природа играетъ большую роль въ развитіи той или иной черты, присущей извѣстной личности, но такъ какъ каждый человѣкъ въ дѣтствѣ, отрочествѣ и юности находится по большей части подъ вліяніемъ извѣстной среды, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта обстановка и среда должны оказать на человѣка нѣкоторое вліяніе, которое, со своей стороны, можетъ оказаться благотворнымъ или неблаготворнымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Илья Ильичъ Обломовъ является героемъ переходной эпохи въ русскомъ обществѣ, когда повсюду раздавались ярые протесты противъ отжившаго застоя въ сороковые годы прошлаго столѣтія. Своимъ романомъ Гончаровъ помогъ передовому классу сразу разгадать эту трудную задачу, рѣшеніе которой заключалось въ томъ, чтобы безошибочно разъяснить себѣ, въ чемъ коренились главнѣйшія причины неподвижности и абсолютной апатіи русскаго общества.

Характеръ въ первоначальномъ смыслѣ слова означаетъ отличительную черту — признакъ, затѣмъ въ болѣе общемъ смыслѣ — постоянный обликъ, постоянное, проявляющееся во всѣхъ отдѣльныхъ внѣшнихъ формахъ или дѣйствіяхъ свойство вещи, которое и отличаетъ ее отъ другихъ вещей. Такъ, можно говорить о характерѣ ландшафта, построекъ, матеріи, сливая это понятіе съ понятіемъ объ ея природѣ. Но особенно часто употребляется это слово для обозначенія свойствъ существа, одареннаго волей, поскольку эти свойства проявляются въ его поступкахъ. Какъ состояніе какого-либо предмета опредѣляется, съ одной стороны, измѣняющимися внѣшними условіями, въ которыхъ онъ находится, а съ другой,—постоянною ему самому присущею природою, такъ можно ожидать, что и на поступки человѣка вліяютъ не только внѣшнія измѣняющіяся обстоятельства, но и внутреннее существо — индивидуальность — его самого. Какъ въ томъ, какъ и въ другомъ случаѣ это вліяніе выражается извѣстною однородностью, выступающей во всѣхъ отдѣльныхъ проявленіяхъ. Но въ то время какъ всѣ предметы того или другого рода въ одинаковыхъ условіяхъ совершенно правильно проявляютъ одни и тѣ же свойства, поведеніе отдѣльныхъ личностей или даже одного и того же индивидуума, въ одинаковыхъ условіяхъ, не всегда однообразно.

Это происходитъ оттого, что предметы имѣютъ общій или неизмѣнный характеръ, а люди индивидуальный и измѣнчивый. И хотя вообще опытъ и противорѣчитъ ученію индетерминизма, но и требованія детерминизма, чтобы при знаніи данныхъ внѣшнихъ условій и характера человѣка, его поведеніе было заранѣе предсказано (подобно тому, какъ химикъ, зная свойства матеріи, можетъ напередъ предсказать и проявленіе ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ), можетъ быть практически выполнено лишь съ большими ограниченіями. Причина этого лежитъ въ томъ, что духовная природа человѣка въ противоположность природѣ химическаго атома есть развивающійся организмъ, на которомъ всѣ пережитыя впечатлѣнія оставляютъ свой слѣдъ. Характеръ человѣка есть результатъ всего его прошлаго въ связи съ извѣстными прирожденными свойствами, образующими основу, ядро организма (его природа, темпераментъ). Благодаря этому обстоятельству, относительно ребенка говорятъ объ его природѣ, или темпераментѣ, но не о характерѣ, который еще нужно образовать, и который обыкновенно слагается въ опредѣленныя формы лишь къ зрѣлому возрасту, послѣ чего уже измѣненія въ немъ въ нормальныхъ условіяхъ происходятъ лишь въ видѣ исключенія вслѣдствіе тяжелыхъ потрясеній или болѣзненныхъ разстройствъ. Не всякій реальный характеръ отвѣчаетъ требованіямъ, какія можно предъявить законченному идеальному характеру. Вслѣдствіе этого образованіе характера является одною изъ самыхъ важныхъ задачъ воспитанія, въ особенности самовоспитанія. Отъ законченнаго характера прежде всего требуется извѣстная однородность и цѣльность. Развитой человѣкъ долженъ проявлять вполнѣ выраженную личность, у которой отдѣльные поступки обнаруживаютъ извѣстную послѣдовательность, волю, неизмѣнно направленную къ опредѣленной цѣли. Онъ не можетъ, увлекаясь впечатлѣніемъ минуты, поступать одинъ день такъ, другой день иначе, но законъ его собственной природы долженъ быть въ немъ сильнѣе вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ. Во многихъ случаяхъ словомъ характеръ означаютъ спеціально идеальный законченный характеръ; въ томъ же смыслѣ недостатокъ этого лежащаго въ основаніи всѣхъ поступковъ и надъ всѣмъ господствующаго общаго принципа называется безхарактерностью. Когда же въ че-

ловѣкѣ замѣчается нѣсколько другъ другу противорѣчащихъ такихъ принциповъ, то говорятъ о противорѣчіяхъ характера. Человѣкъ характеромъ можетъ не знать самъ законовъ своей природы. Сообразно тому, знаетъ ли онъ себя, или нѣтъ, различаютъ рефлектирующіе и наивные характеры. Такъ, гомеровскіе герои представляютъ примѣръ послѣднихъ, а большинство шиллеровскихъ примѣръ первыхъ. Алеша Карамазовъ есть характеръ наивный, а Иванъ — рефлектирующій. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ формальномъ отношеніи законченный характеръ не непремѣнно долженъ быть нравственнымъ, между тѣмъ какъ истинная нравственность немыслима безъ характера. Характеръ образуетъ, такъ сказать, форму, которая, по качеству руководящаго принципа воли, можетъ быть заполнена какъ нравственнымъ, такъ и безнравственнымъ содержаніемъ, а власть, которою человѣкъ обладаетъ, благодаря своей волѣ, внутренняя послѣдовательность и цѣлесообразность, присущая образованному характеру, можетъ придавать ему эстетическій интересъ; когда же эти свойства доходятъ до высшихъ предѣловъ, то и вызываютъ удивленіе, хотя бы преслѣдуемыя цѣли, какъ у Ричарда III, Карла Моора и др. были бы осуждены нравственностью. Различіе между эмпирическимъ и сознательнымъ характеромъ, приводимое Кантомъ и Шопенгауеромъ, при чемъ эмпирическій характеръ присущъ человѣку въ его проявленіяхъ, а сознательный отвѣчаетъ его сверхчувственному существу, всецѣло основано на метафизическихъ представленіяхъ, въ особенности утверждаемая Шопенгауеромъ неизмѣнность истиннаго сознательнаго характера, при всевозможныхъ, но касающихся только формы проявленія, измѣненіяхъ эмпирическаго, равносильна отрицанію всякаго нравственнаго развитія.

Въ эстетическомъ смыслѣ характеромъ называется опредѣленная, однородная, не заключающая въ себѣ противорѣчій, присущая данному лицу или предмету черта, при посредствѣ которой достигается извѣстное эстетическое впечатлѣніе. Въ драмѣ, эпосѣ, романѣ сами дѣйствующія лица называются характерами, такъ какъ они являются выразителями характера. Характеръ художественнаго произведенія обусловливается всѣми факторами, которые содѣйствуютъ его проявленію. Во всѣхъ пластическихъ искусствахъ, особенно

въ зодчествѣ и прикладномъ искусствѣ, но также и въ ваяніи и живописи, такимъ факторомъ является и самъ матеріалъ, изъ котораго созидается произведеніе. Каждый матеріалъ самъ по себѣ, имѣетъ болѣе или менѣе выраженный эстетическій характеръ, т. е., такія природныя свойства, благодаря которымъ онъ оказывается наиболѣе пригоднымъ для созданія того или иного художественнаго произведенія, для изображенія того или другого рода физической или духовной жизни. Есть неопровержимое, хотя постоянно забываемое безхарактернымъ искусствомъ правило, что для даннаго произведенія искусства надо выбрать тотъ матеріалъ, который наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ этого произведенія, т. е., тому, чѣмъ оно должно быть, или что оно должно собою выражать, и что въ способѣ обработки матеріала, какъ и во всемъ томъ, что заставляетъ его производить впечатлѣніе, должны выступать его преимущества, а не слабыя свойства. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что и тѣ свойства матеріала, которыя иногда кажутся его слабыми сторонами, при надлежащемъ, умѣломъ пользованіи ими, могутъ оказаться преимуществами. Произведеніе искусства, которое удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, которое выдержано въ характерѣ своего матеріала, само имѣетъ характеръ. Оно безхарактерно, если находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что матеріалъ, изъ котораго оно создано, способенъ передавать.

Но, какъ ни важно сообразоваться съ матеріаломъ для произведенія искусства, еще важнѣе искать его основъ въ единствѣ, ясности и законченности формы для выраженія вложеннаго въ него чувства или содержанія. Для такихъ же произведеній искусства, которыя служатъ какой-либо цѣли, лежащей внѣ ихъ самихъ, сверхъ этого, необходимо согласованіе ихъ природы съ этою цѣлью. Лишена характера форма, лишенная смысла, а также безсодержательная игра формъ или напыщенность формы, не менѣе само собой разумѣется, безхарактерна и отрицающая всякій художественный способъ выраженія трезвость, и плоскость; съ другой стороны, безхарактерно противорѣчіе между формою и цѣлью и противорѣчіе и колебаніе между двумя противоположными цѣлями, которыя не могутъ быть примирены. Въ остальномъ объ опредѣляемомъ формою и содержаніемъ

характера произведенія искусства можно говорить въ различномъ смыслѣ. Выдержанный безъ противорѣчій историческій или географическій характеръ предмета, изображеннаго въ художественномъ произведеніи, придаетъ самому художественному произведенію опредѣленный характеръ эпохи или мѣста. Способъ, какимъ выдвинута и изображена въ художественномъ произведеніи та или другая характерная черта вещей или людей, тотъ или другой возможный рядъ матеріальной или духоной жизни, — строгое, нѣжное, сила или прелесть и т. д., — даетъ нашему эстетическому воспріятію своеобразное впечатлѣніе. Художественное произведеніе имѣетъ характеръ, если это впечатлѣніе нашего воспріятія однородно, чуждо колебаній и противорѣчій. Въ такихъ случаяхъ играетъ роль также характеръ времени, народа, къ которому принадлежитъ произведеніе искусства, а также индивидуальный характеръ самого художника, и такимъ образомъ произведенію искусства можетъ принадлежать собственный историческій, національный, индивидуальный характеръ. Но каждое произведеніе искусства имѣетъ характеръ въ той мѣрѣ, въ какой въ немъ характерныя свойства выражены ясно и однократно. Произведенія природы, человѣкъ, животное, растеніе, ландшафтъ также имѣютъ свой эстетическій характеръ, этотъ послѣдній для каждаго даннаго объекта въ этой мѣрѣ, въ какой онъ представляетъ однородный, ясно выраженный и опредѣленный родъ внутренняго своего бытія, жизни и самочувствованія. Даже простой цвѣтъ, линія, тонъ имѣли болѣе или менѣе характеръ въ этомъ смыслѣ. Поскольку истинный и послѣдній объектъ эстетическаго наслажденія есть человѣкъ или его подобное, постольку эстетическій характеръ не можетъ находиться въ противорѣчіи съ личнымъ или нравственнымъ характеромъ, и тѣмъ болѣе эстетическій характеръ въ высшемъ смыслѣ однозначущъ съ нравственнымъ характеромъ.

Познакомившись съ біографическими свѣдѣніями объ Обломовѣ, мы видимъ, какая громадная пропасть лежитъ между нимъ и его близкой окружающей средой. Еслибы природные задатки Обломова были слабо развиты, то окружающая среда, понимающая высокое значеніе воспитанія ре-

бенка, могла бы при извѣстномъ напряженіи направить своего воспитанника на правильный путь, гдѣ онъ съ теченіемъ времени развивался бы, можетъ быть, медленно, но всетаки могъ бы явиться энергичнымъ человѣкомъ. А еслибы ребенокъ по натурѣ своей оказался плодомъ окружающей среды, отъ которой онъ въ раннемъ дѣтствѣ ничѣмъ не отличался отъ близкихъ ему лицъ, то мы нисколько не удивились бы, что въ зрѣломъ возрастѣ Обломовъ былъ бы идентиченъ людямъ того края, откуда онъ происходилъ. Но весь интересъ въ томъ, что ребенокъ Обломовъ и окружающая среда — это два противоположныхъ объекта. Онъ — любознательный, живой, рѣзвый, бойкій, а окружающая среда погружена въ глубокій мракъ, пропитана лѣнью, вѣчной спячкой. А такъ какъ послѣдняя была весьма сильна, то и она мало-по-малу запущала все доброе въ ребенкѣ, пропитанномъ насквозь неблаготворной атмосферой, которая впослѣдствіи давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Въ результатѣ оказалось, что богатые природные задатки постепенно глохли, таяли, какъ свѣча, и доходили до полнаго умиранія. Посмотримъ, какъ росъ и развивался Обломовъ. Это былъ впечатлительный ребенокъ, одаренный пытливымъ умомъ. Едва только онъ пробуждается, онъ уже начинаетъ рѣзвиться, хохочетъ, шалитъ со своей няней, которой съ трудомъ удается умыть, причесать его и вести къ матери. Осыпавъ ребенка поцѣлуями и задавъ ему разные вопросы, какъ онъ спалъ, здоровъ, мать подводитъ его къ образу и, объявъ мальчика рукою, подсказываетъ ему слова молитвы. Вяло и разсѣянно мальчикъ повторяетъ святыя слова и вдругъ среди молитвы спрашиваетъ мать, пойдетъ ли она съ нимъ гулять. Въ это время мальчикъ уже устремляетъ свои живые, полные огня глаза въ окно, откуда свѣжій весенній прохладный воздухъ вливается въ комнату, наполненную пропитанной запахомъ сирени. Едва мальчикъ окончилъ свой завтракъ, онъ уже на дворѣ, въ то время какъ его нянька слушаетъ разныя наставленія его матери, касающіяся воспитанника. На дворѣ мальчикъ чувствуетъ себя вполнѣ свободнымъ. Въ короткое время онъ въ избыткѣ чувства успѣлъ обѣжать громадный родительскій домъ съ его пристройками, намѣренъ подняться на огибавшую весь домъ висячую галлерею, откуда ему легко озирать простираю-

щуюся на далекомъ пространствѣ окрестность и любоваться водами мимо текущей рѣчки. Старушка няня старается во время остановить воспитанника и не дать ему возможности привести въ исполненіе свой планъ. Однако бодрость и рѣзвость духа берутъ верхъ: мальчикъ ускользаетъ отъ няни, устремляется къ сѣновалу, намѣреваясь взобраться по крутой лѣстницѣ, задумываетъ влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ, въ оврагъ, чего няня особенно опасалась. Однако слѣдуетъ замѣтить, что не только рѣзвость и подвижность натуры были отличительными чертами маленькаго Илюши, но тутъ выступаютъ также серіозность, любопытство и любознательность. Бывали минуты, когда мальчикъ присмирѣетъ, сядетъ возлѣ своей няни и, пристально устремляя на нее свои глаза, задаетъ ей разные вопросы, которые возникаютъ въ его дѣтскомъ умѣ и требуютъ отвѣта или разрѣшенія. Такъ, замѣтивъ, что отъ окружающихъ его предметовъ побѣжали длинныя тѣни и повсюду образовались прохладные уголки, мальчикъ задаетъ своей нянѣ вопросъ: „Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло?“ Когда же во время послѣобѣденнаго сна всюду воцарилась мертвая тишина, мальчикъ былъ предоставленъ самому себѣ, такъ какъ никто не будетъ препятствовать ему въ его самостоятельной жизни дѣйствовать, тогда „онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ,... съ замирающимъ сердцемъ взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины, поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нее соломинку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ... Потомъ онъ заберется въ канаву, роется отыскивать какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ всласть... Онъ выбѣжитъ и за ворота... Хочется ему „въ оврагъ сбѣгать“ и т. д. Эти факты прямо доказываютъ, что натура Илюши могла бы съ теченіемъ времени занять

видное мѣсто въ жизни, еслибы только она достигла высокаго развитія своихъ душевныхъ силъ. Однако судьба судило совсѣмъ иное. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, рѣзвый и подающій большія надежды ребенокъ палъ жертвой гибельнаго воспитанія и окружающей среды. Вліяніе этихъ двухъ факторовъ систематически подавляло въ немъ его природные хорошіе задатки и, взамѣнъ ихъ, развивало вредныя для него качества. Это было воспитаніе, которое являлось продуктомъ господствовавшаго крѣпостного строя жизни, а среда эта также была создана тѣмъ же крѣпостнымъ бытомъ, наложившимъ печать на всякаго, будь то барина, будь то крестьянина. Интересно, что это за воспитаніе, и какъ оно примѣнялось на практикѣ. Съ самаго ранняго дѣтства внушали ребенку мысль, это онъ баринъ, который самъ ничего не долженъ дѣлать, но въ услуги ему даются „Захаръ да еще 300 Захаровъ", на которыхъ лежитъ прямая обязанность исполнять всѣ малѣйшія требованія и прихоти барина. Мало того, Обломовы прямо считали для себя униженіемъ и позоромъ дѣлать что-нибудь самому И что мы видимъ въ дѣтскомъ возрастѣ, то же повторяется и въ отрочествѣ съ той только разницею, что въ дѣтствѣ Илюша ничего не дѣлаетъ, но во всемъ ему прислуживаетъ спеціально приставленная къ нему няня, а когда ему было 14 лѣтъ, то роль няни замѣняетъ Захарка, который натягиваетъ на барчука чулки, умываетъ его, причесываетъ голову; при этомъ Илюша уже начинаетъ проявлять барскую рѣзвость, именно, онъ „только и знаетъ, что подставляетъ ему лежа то ту, то другую ногу, а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддаетъ Захаркѣ ногой въ носъ". Благодаря этому обстоятельству, въ Илюшѣ постепенно начала подавляться всякая самодѣятельность, а врожденная энергія, жажда движенія и труда мало-по-малу заглушались, исчезали. Если же Илюша, вооруженный еще извѣстной долей энергіи и пытался иногда самъ сдѣлать для себя что-нибудь, то это желаніе моментально парализировалось оказавшимися всегда на лицо близкими лицами, которыя объясняли и убѣждали мальчика, что работа не подобаетъ барину, но для этого имѣются разнаго рода Захарки, Ваньки и т. д. Проникнутый этимъ духомъ, Илья впослѣдствіи уже самъ ничего не дѣлалъ, но то и дѣло отдавалъ приказанія слугамъ подавать

ему ту или другую вещь, требовалъ принести ему какъ можно скорѣе желанный предметъ, и его просьба или приказаніе исполнялось немедленно дворней и слугами, которые не осмѣливались противорѣчить приказанію барчука. Близкая среда и понятія не имѣла о томъ, что она губитъ этимъ человѣка, который долженъ трудиться и работать физически и умственно, а для этой цѣли необходимо ребенку предоставить свободу развивать въ немъ потребность въ движеніяхъ, въ напряженіи мозгами и т. д. Вмѣсто того, чтобы обратить серіозное вниманіе на предоставленіе мальчику въ окружающей обстановкѣ здоровой умственной пищи, они, наоборотъ, парализовали каждый шагъ его въ этомъ отношеніи. Ребенокъ неоднократно задавалъ имъ вопросы, которые въ большомъ количествѣ роились и возникали въ его головѣ, но естественная любознательность ребенка не удовлетворялась. Мать и старушка няня давали тогда полную волю своей необузданной фантазіи. Такъ, зимою по вечерамъ ребенокъ сидѣлъ возлѣ няни, крѣпко прижимаясь къ ней, а старушка „нашептываетъ ему о какой-то невѣдомой странѣ, гдѣ нѣтъ ни ночей, ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день деньской только и знаютъ, что гуляютъ все добрые молодцы, какъ Илья Ильичъ, да красавицы". Навостривъ уши и глаза, ребенокъ страстно впивался въ разсказы, въ которыхъ не упоминалось ни одно слово дѣйствительности, такъ что „воображеніе и умъ, проникшись вымысломъ, оставались уже у него въ рабствѣ до старости. Взрослый Илья Ильичъ хотя послѣ и узнаетъ, что нѣтъ медовыхъ и молочныхъ рѣкъ..., но сказка у него смѣшалась съ жизнью, и онъ безсознательно груститъ подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка". Благодаря этой причинѣ, Обломовъ и стремится въ ту сторону, гдѣ люди ни о чемъ не заботятся, но „у него навсегда остается расположеніе полежать на плечи, походить въ готовомъ, незаработанномъ платьѣ и поѣсть насчетъ доброй волшебницы". Такъ какъ окружавшая Обломова среда находилась на низкой ступени умственнаго развитія, то и не могла считаться съ развитіемъ природныхъ свойствъ мальчика. Слѣпо вѣря традиціямъ, которыя выработали и укрѣпили существующій порядокъ вещей и явленій, среда

эта поневолѣ подчинила себѣ мальчика и отравляла его душу. Такъ какъ природная чуткость и впечатлительность питомца напитывались со дня въ день тлетворными впечатлѣніями среды, то вышеупомянутыя хорошія качества впослѣдствіи принесли ему вредъ. Эти мельчайшія подробности дѣтства Обломова авторъ мѣтко наблюдалъ и неоднократно раскрываетъ предъ читателемъ. Изъ нихъ мы видимъ, какъ глубоко западали въ душу Обломова всѣ совершающіяся предъ нимъ явленія жизни, которыя съ теченіемъ времени росли и созрѣвали вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Такъ, Илюша замѣчаетъ что отецъ его „въ плисовыхъ панталонахъ, въ коричневой суконной ваточной курткѣ“ по цѣлымъ днямъ ходитъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки назадъ, нюхаетъ табакъ и сморкается, или же неподвижно сидитъ у окна, устремляя глаза въ пространство и отъ скуки дѣлая нелѣпыя замѣчанія проходящей лично дворнѣ. Кромѣ того, мальчикъ уже начинаетъ сознавать, что его отцу въ голову не приходитъ провѣрить самому, какъ ведется хозяйство, не обкрадываютъ ли, все ли въ порядкѣ, даже незначительная работа по дому, какъ починка готовыхъ обрушиться галлереи и крыльца, кажется для него такимъ сложнымъ дѣломъ, что никакъ не рѣшится не только привести его въ исполненіе, но даже взяться за него. Но зато мальчикъ видитъ, какой шумъ и крикъ на весь домъ подниметъ его же отецъ, если ему не такъ скоро подадутъ носовой платокъ. Что касается его матери, то она, какъ видитъ Илюша чуть лишь цѣлый день хлопочетъ о ѣдѣ, затѣмъ думаетъ о кофе и чаѣ и снова переходитъ къ обѣду, ужину и т. д., а чтобы исполнить малѣйшій барскій капризъ, у его родителей имѣется достаточное количество крѣпостныхъ слугъ. Эта домашняя жизнь произвела такое сильное впечатлѣніе на дѣтскій умъ, лишенный еще притока иныхъ новыхъ понятій, что онъ „давно рѣшилъ, что такъ, а не иначе слѣдуетъ жить, какъ живутъ около него взрослые“. Не было источниковъ, откуда онъ могъ бы черпать благотворный матеріалъ, некому было позаботиться о томъ, чтобы его богато одаренная натура получила разумный просторъ для своего развитія. Не всасывая въ себѣ свѣжихъ силъ, все хорошее медленно угасало, таяло и погибало. Укоренившійся обломовскій строй налагалъ своеобразный отпечатокъ также и на ученіе Илю-

ши. Правда, и обломовцы уже начали понимать выгоду просвѣщенія и преимущество образованія, но ихъ взглядъ на этотъ важный вопросъ былъ въ данномъ случаѣ исключительный. Они видѣли, что люди съ дипломами, удостовѣряющими въ прохожденіи полнаго курса ученія, пріобрѣтали чины, кресты и наживали деньги, въ то время какъ старые служаки, полные невѣжды или должны были оставить службу, или не подвигаться впередъ, при чемъ многихъ за неблагонадежность или выгнали или отдали подъ судъ. Они цѣнили только внѣшнюю высоту образованія и не понимали того главнаго рычага, благодаря которому просвѣщеніе развиваетъ духовныя силы каждаго человѣка, тѣмъ что подготовляетъ его къ разумному существованію и удовлетворяетъ естественные запросы человѣческаго духа. Вотъ что по этому поводу говоритъ самъ авторъ романа: „Обломовы смекали это и понимали выгоду образованія, но только эту очевидную выгоду. О внутренней потребности ученья они имѣли самое смутное и отдаленное понятіе, и оттого имъ хотѣлось уловить для своего Илюши пока нѣкоторыя блестящія преимущества. Они мечтали о шитомъ мундирѣ для него, воображали его совѣтникомъ въ палатѣ, а мать даже и губернаторомъ, но всего этого хотѣлось бы имъ достигнуть какъ-нибудь подешевле, съ разными хитростями, обойти тайкомъ разбросанные по пути просвѣщенія и честей камни и преграды, не трудясь перескакивать черезъ нихъ, то-есть, напримѣръ, учиться слегка, не до изнуренія души и тѣла, не до утраты благословенной, въ дѣтствѣ пріобрѣтенной полноты, а такъ, чтобы только соблюсти предписанную форму и добыть какъ-нибудь аттестатъ, въ которомъ бы сказано было, что Илюша *прошелъ всѣ науки и искусства*“. Усиленную борьбу долженъ былъ выдержать старикъ Штольцъ, въ пансіонѣ котораго учился Илюша. Съ одной стороны, обломовцы находили разнаго рода предлоги, чтобы оторвать Илюшу, отъ ученія, а съ другой стороны, сынъ Штольца неоднократно дѣлалъ уроки вмѣсто Илюши. Довольно часто Илюша пропускалъ уроки. Родители и родственники Илюши были глубоко убѣждены, что печеніе блиновъ, праздникъ въ срединѣ недѣли, пріѣздъ какой-нибудь дальней родственницы — все это важныя причины, которыя требуютъ отъ Илюши освобожденія отъ занятій и необходимаго пре-

біванія въ родительскомъ домѣ. Каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, что духовный обликъ человѣка ясно уже опредѣляется въ дѣтствѣ и отрочествѣ, когда въ значительной мѣрѣ слагаются наклонности и характеръ человѣка. Но отрокъ Обломовъ окончательно подпалъ подъ вліяніе грубой и душной окружавшей атмосферы. Прежняя живая, любознательная натура уже въ достаточной мѣрѣ была подавлена лѣнью и зарождающейся апатіей, съ чѣмъ по временамъ уже не была въ силахъ бороться. Это обнаруживалось иногда въ формальномъ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, которые онъ изучалъ почти безъ всякаго интереса. Въ концѣ концовъ Обломовъ потерялъ всякій вкусъ къ умственному труду; между нимъ и жизнью лежала цѣлая пропасть. Когда онъ очутился въ Петербургѣ, то глубоко пустившая въ него свои корни лѣнь и апатія вскорѣ побудили его порвать почти всѣ связи съ обществомъ, такъ что онъ мало-по-малу погружался въ спячку духовную и тѣлесную. Слѣдствіемъ было то, что онъ заживо похоронилъ себя на Выборгской сторонѣ, отдалъ свою душу и жизнь во власть того настроенія, которое выросло въ русской дореформенной помѣщичьей жизни на даровомъ трудѣ крѣпостныхъ крестьянъ.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Илья Ильичъ Обломовъ.

Главная выдающаяся черта Ильи Ильича Обломова — это страшная лѣнь, достигающая крайнихъ предѣловъ, рѣшительная неподвижность почти во всемъ его внутреннемъ складѣ, полная апатія къ какой бы то ни было дѣятельности. Этого своеобразнаго человѣка интересуетъ только то, живъ ли и сытъ ли онъ въ данный моментъ, не можетъ ли что-нибудь служить ему препятствіемъ, предоставляется ли ему во всякое желанное время выспаться и отдохнуть отъ физическаго и умственнаго утомленія, которое вызывается ѣдой и ограниченнымъ кругомъ размышленій на тему о суетности всего мірского. О какомъ-нибудь занятіи, о трудѣ Обломовъ и не думаетъ. Отчего это происходитъ? Одна изъ

главнѣйшихъ причинъ того важнаго факта, это то внѣшнее положеніе, которое онъ занимаетъ, именно, Обломовъ-баринъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а потому онъ ничего не долженъ дѣлать. Къ послугамъ „имѣется Захаръ“, да еще „350 Захаровъ“, назначенные главнымъ образомъ для того, чтобы все сдѣлать для своего барина, освобождая такимъ образомъ послѣдняго отъ всякаго малѣйшаго дѣла, на выполненіе котораго приходится нѣсколько потрудиться. О практической сторонѣ дѣла Обломовъ, какъ баринъ, не имѣетъ понятія. Выраженія — барщина, сельскій трудъ. благосостояніе мужика, бѣдственное его положеніе, посѣвъ, что сѣютъ, цѣпы хлѣба — для него почти не существуютъ. Происходитъ это оттого, что Обломову въ жизни не приходилось сталкиваться съ этими вопросами. Пользуясь по привычкѣ услугами своихъ дворовыхъ и крѣпостныхъ, Обломовъ ведетъ исключительный образъ жизни, которая течетъ какъ — то странно, безнадежно, безъ всякаго глубокаго интереса, не видя и не находя ни въ чемъ особой цѣли и не понимая ея. Да развѣ виновенъ въ этомъ Обломовъ, когда онъ съ дѣтства былъ подготовленъ къ такой жизни. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкъ быть байбакомъ, благодаря тому, что у него и подать и сдѣлать есть кому. Съ малыхъ лѣтъ Илья Ильичъ привыкъ видѣть, что всѣ тяжелыя и легкія работы исполняютъ Захары, что родители только покрикиваютъ и приказываютъ, за что они пользуются почетомъ и уваженіемъ со стороны тѣхъ же Захаровъ, а что къ Захарамъ относятся, наоборотъ, презрительно и не считаютъ ихъ даже за людей. Тогда мальчикъ постепенно начинаетъ соображать, что ничего не дѣлать и жить на чужой счетъ почетно, а трудиться, хлопотать и заниматься черной работой—стыдно и позорно для человѣка, который именуетъ себя бариномъ.

Другая не менѣе важная причина этой апатіи Обломова заключается въ образѣ его умственнаго и нравственнаго развитія. Но объ этомъ никто не заботился, да никому и въ голову не приходило заботиться, такъ какъ жизнь помѣщиковъ была до такой степени ограничена узкою рамкою. что она не только не считала непремѣннымъ условіемъ развитіе духовныхъ силъ, но прямо не требовала этого въ томъ убѣжденіи, что человѣкъ можетъ обойтись безъ этого, не

затрудняя мозга лишнимъ, по ихъ мнѣнію, балластомъ. Благодаря этому обстоятельству, Обломовы, хотя и одаренные отъ природы прекрасными способностями, погибали не по своей винѣ, но вслѣдствіе ненормальныхъ условій той среды и быта послѣдней, среди которыхъ они жили и развивались, отданные какъ бы на произволъ судьбы и никѣмъ правильно не руководимые.

Извѣстно, что всѣ органы человѣческаго организма нуждаются въ работѣ. Если работа органовъ не превышаетъ своего физіологическаго maximum'а, то они функціонируютъ правильно, и организмъ находится въ полномъ равновѣсіи. Если же усиливается дѣятельность какого-нибудь органа или онъ подвергается абсолютной бездѣятельности, то въ томъ и другомъ случаѣ функція органовъ ослабѣваетъ, что отражается на равновѣсіи организма. Обломовъ представляетъ въ данномъ случаѣ разительный примѣръ. Съ дѣтства Обломовъ слышалъ отъ своей няньки нелѣпыя сказки, которыя никоимъ образомъ не могли дѣйствовать на развитіе его воображенія. Съ дѣтства не позволяютъ ребенку шагу сдѣлать безъ посторонней помощи, строго запрещаютъ ему побѣгать вволю и порѣзвиться. Не дай Богъ, если ребенокъ очутится около оврага. Тутъ чуть ли не вся дворня на ногахъ: вѣдь въ оврагѣ, какъ глубоко убѣждены Обломовы, скрывается злой духъ, который наводитъ трепетный страхъ и паническій ужасъ на всю окрестность. Объ одномъ только опасаются, что ребенокъ мало ѣстъ, и вотъ всѣми силами стараются закармливать его булочками, сухариками и вообще обильными деревенскими обѣдами. Обломовъ самъ никогда не одѣвался. Когда ему было уже четырнадцать лѣтъ, то приставленный къ нему Захаръ долженъ былъ натягивать ему чулки и сапоги, такъ какъ самъ онъ этого не можетъ и не смѣетъ сдѣлать. Если Обломовъ и рѣшался иногда совершить подобный великій подвигъ, то тотчасъ же со всѣхъ сторонъ раздавались голоса: „А что? зачѣмъ? А Захарка, а Ванька, а Васька на что?“ Да и сама наука, этотъ величайшій факторъ для развитія умственныхъ способностей и облагораживанія всего внутренняго міра, служила ничтожнымъ лѣкарствомъ для исцѣленія глубоко вкоренившагося недуга Обломова. Но опять тутъ не вина Обломова, такъ какъ родители и ближняя окружающая среда старались всѣ-

ми способами внушить ему недостойное отношеніе къ умственному труду. Заняться наукой — это величайшій трудъ для человѣка, а на трудъ Обломовъ привыкъ съ дѣтства смотрѣть, какъ на тягость, какъ на одно изъ величайшихъ несчастій жизни. Правда, родители Обломова начали сознавать, что безъ науки, или скорѣе безъ диплома, трудно будетъ пробить себѣ дорогу въ современномъ передовомъ обществѣ; поэтому они должны были покоряться этой тяжелой для нихъ участи и со слезами посылали сына учиться, но въ то же время они старались развивать въ Обломовѣ мысли, что ученье — это непріятный трудъ, лишній балластъ въ жизни, что онъ только необходимъ для нѣкотораго жизненнаго преуспѣянія. Съ благоговѣннымъ вниманіемъ выслушивалъ Обломовъ взгляды его окружающей среды на науку, и онъ сначала долженъ былъ соглашаться съ тѣмъ, что главная цѣль этого жизненнаго преуспѣянія можетъ заключаться единственно или преимущественно въ отдыхѣ или въ простомъ существованіи, связанномъ съ пріобрѣтеніемъ какъ можно больше матеріальныхъ средствъ. При такомъ взглядѣ на науку Обломовъ не могъ видѣть серіознаго смысла въ наукѣ, а главное не могъ понимать, къ чему ему вся эта масса знаній; поэтому онъ неоднократно задавалъ себѣ вопросъ, а „когда жить?“, что равносильно, „а когда же отдыхать и наслаждаться?“ Только впослѣдствіи Обломовъ столкнулся въ высшемъ учебномъ заведеніи съ людми чуждаго ему міра, готовившимся къ различной дѣятельности, тогда онъ началъ поверхностно постигать своимъ умомъ, что истинный смыслъ жизни заключается въ непрерывномъ трудѣ на общую пользу, но ему лично было очень трудно преодолѣть себя, но въ то же время невозможно было какъ-то мириться съ этимъ фактомъ. Дѣло въ томъ, что какой-то внутренній голосъ отталкивалъ его отъ труда и постоянно твердилъ ему втайнѣ, что надо всетаки отдохнуть. Этотъ голосъ, какъ сильная гальваническая батарея, бралъ верхъ, такъ какъ баринъ Обломовъ всетаки видѣлъ вокругъ себя трехсотъ пятьдесятъ Захаровъ, которые все сдѣлаютъ безъ него. При такомъ складѣ ума Обломовъ смотрѣлъ на жизнь особеннымъ взглядомъ; онъ считалъ жизнь идеаломъ покоя и бездѣйствія, гармонія которыхъ можетъ иногда нарушиться побочными случайностями, именно, болѣзнями, ссорами

и главнымъ образомъ трудомъ. Вслѣдствіе этого у Обломова оказался недостатокъ силы воли и полное отсутствіе всякой инціативы. Онъ слѣпо и безпрекословно подчинялся первому энергичному призыву. Онъ брался за многія дѣла, но никогда не могъ ихъ окончить. Онъ мечталъ о всемірной дѣятельности и съ презрѣніемъ смотритъ на обыкновенные труды дѣйствительной жизни, совсѣмъ не понимая, что всюду надо приложить много стараній, усидчивости и упорнаго труда. Такъ, Обломовъ посвящаетъ себя чтенію книгъ, но чтеніе—трудъ упорный и не легко дается, поэтому Обломовъ не дочитываетъ. Обломовъ пишетъ и занимается переводами, но въ концѣ концовъ одному Захару приходится вѣдаться съ учеными проивведеніями. Обломовъ пробуетъ служить, но и тутъ лѣнь мѣшаетъ ему. Дѣло службы кажется ему мелкимъ, но опять грубо ошибается въ своемъ разсчетѣ: онъ бросаетъ службу и уѣзжаетъ въ деревню. Онъ часто думаетъ о небольшой колоніи воображаемыхъ друзей, окружающихъ его въ роскошной барской усадьбѣ, гдѣ онъ съ женой и семействомъ наслаждается жизнью. Домъ, окруженный садомъ, паркомъ, клумбами, фонтанами, качелями, каруселями, полный столъ яствъ, вина, фрукты, масса слугъ, кидающихся удовлетворить, приводить въ исполненіе всякую мысль господина, постоянное веселье, объѣданье, прогулки, отдыхъ — однимъ словомъ, пріятное препровожденіе времени — вотъ его идеалъ. Да и то не идеалъ, а мечты, которыя онъ самъ признаетъ несбыточными. Стоитъ ему немного увлечься и начать мысленно перестраивать свою Обломовку, — такъ моментально онъ чувствуетъ утомленіе, голова склоняется на бокъ, и, черезъ минуту уставшій отъ непосильной работы, Илья Ильичъ уже дремлетъ, оставивъ неконченными свои планы и разсчеты. Очутившись въ деревнѣ, Обломовъ намѣренъ посвятить себя сельскому хозяйству, но и тутъ наталкивается на престарѣлый вопросъ, что занятіе хозяйствомъ требуетъ отъ человѣка труда, а послѣдній прямо мѣшаетъ его идеалу жизни, и онъ опять повторяетъ свою старую фразу, „а когда же жить?“ Эта то лѣнь заѣла Обломова окончательно и превратила его въ больного, одержимаго хроническимъ недугомъ.

Что касается отношеній Обломова къ Ольгѣ, этой жен-

щинѣ съ чуткой и богатой душой, то и тутъ высказывается слабость его характера. Онъ увидѣлъ, что и въ данномъ случаѣ ему придется употребить много усилій и труда передъ высокой обязанностью и заботами. Обломовъ замѣтилъ, что Ольга готова ему отдаться всѣмъ тѣломъ, всей душой, всѣмъ тѣмъ, что свято, дорого и мило для нея. Онъ видитъ, что Ольга искренно его любитъ, но такъ какъ онъ въ то же время замѣчаетъ, что откровенное, серіозное чувство Ольги вызываетъ его къ рѣшительности, къ непрерывному труду, т. е., цѣлому ряду обязанностей, то Обломовъ не въ состояніи побороть себя и итти навстрѣчу этой женщинѣ, которая, благодаря своей энергичности, могла бы сколько-нибудь пробудить его отъ застоя. И что же вышло? Обломовъ прямо струсилъ передъ любовью Ольги; онъ даже опасался показаться Ольгѣ на глаза; съ этой цѣлью Обломовъ неоднократно притворяется больнымъ, ссылается на то, что мостъ развели. Мало того, Обломовъ поступаетъ еще хуже. Опасаясь, чтобы эта женщина не заставила его сколько-нибудь серіознѣе и глубже вникнуть въ жизнь, Обломовъ даже намекаетъ Ольгѣ, что она можетъ его компрометировать. Однимъ словомъ, Обломовъ дѣлаетъ все, чтобы только остаться при своей трусости. Зато Обломовъ и былъ жестоко наказанъ этой же женщиной, которая потратила много силы, энергіи въ надеждѣ, что сумѣетъ повліять на преобразованіе этого человѣка. Но когда она убѣдилась, что надежда обманула ее, она открыто говоритъ ему, что жестоко ошиблась въ немъ и не соединитъ съ нимъ своей судьбы. Съ этого времени Обломовъ становится окончательно неизлѣчимымъ человѣкомъ.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ думать, что Обломовъ является человѣкомъ низкимъ, неблагодарнымъ и безнравственнымъ. Имѣются въ немъ въ высшей степени привлекательныя стороны, заслуживающія всеобщаго уваженія и вниманія. Вѣдь недаромъ полюбили его Ольга и Штольцъ, уважали его и вообще интресовались имъ долгое время. Обломовъ, можно сказать, обладаетъ прекраснымъ сердцемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Обломовъ непоколебимо и благородно вѣрилъ въ людское добро, въ людскую честь и, главнымъ образомъ, въ людскую дружбу. Съ искреннимъ участіемъ отзывался онъ на всякое человѣческое горе, по-

этому-то Обломовъ остался все время чистымъ и вѣрнымъ, не смотря на то, что условія его жизни были на каждомъ шагу неблагопріятны и ненормальны. Доказательствомъ тому могутъ служить слова Штольца, обращенныя къ Ольгѣ: „Пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ на выворотъ, - никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно. Его сердце не подкупишь ничѣмъ, на него всюду и вездѣ можно положиться Узнавъ разъ, его разлюбить нельзя". Обладая прекраснымъ сердцемъ, Обломовъ высказываетъ явно чуткость къ малѣйшей фальши, безразлично, гдѣ бы послѣдняя ни проявилась, въ жизни ли или въ поэзіи. Разсуждая со Штольцемъ, Обломовъ откровенно и прямо изобличаетъ разные недостатки того общества, о которомъ завязался споръ, изобличаетъ ихъ погоню за минутнымъ успѣхомъ, а, главное, ихъ завистливость и тоску въ случаѣ, если какой-нибудь ихъ товарищъ имѣетъ успѣхъ. Тоже самое видимъ мы и во взглядѣ Обломова на истинное назначеніе поэзіи и литературы. Всюду Обломовъ съ ужасомъ смотритъ на фальшь. Такъ, однажды Пѣнкинъ рекомендовалъ Обломову „великолѣпную обличительную поэму". Обломовъ наотказъ отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ читать подобныхъ произведеній, такъ какъ авторы ихъ заботятся только о своемъ самолюбіи, жизни же они не понимаютъ и не питаютъ сочувствія къ несчастіямъ людей. Обломовъ совѣтуетъ этимъ авторамъ не скупиться на изображеніе людскихъ пороковъ, но въ то же время пусть эти авторы не забудутъ и самого человѣка. Вотъ слова самого Обломова: „Изображаютъ они пороки человѣческіе, а человѣка-то забываютъ, или не умѣютъ изобразить. Какое тутъ искусство? Гдѣ же тутъ поэзія? — извергнуть, говорятъ, нужно порочнаго человѣка изъ гражданской среды! Это, значитъ, забыть, что въ этомъ негодномъ сосудѣ присутствовало высшее начало, что онъ испорченный человѣкъ, но все человѣкъ же, т. е., вы сами. Извергнуть! а какъ вы извергнете его изъ круга человѣчества, изъ лона природы, изъ милосердія Божія?".

Андрей Штольцъ.

Штольцъ является типомъ совершенно противоположнымъ Обломову. Штольцъ принадлежитъ къ типамъ обру-

сѣвшихъ нѣмцевъ, которые долгое время живутъ въ Россіи, усвоили ея нравы и обычаи, близко познакомились съ условіями жизни разныхъ слоевъ ея и съ теченіемъ времени сливались съ кореннымъ населеніемъ. Воспитанный подъ вліяніемъ далеко неизнѣженнаго и добраго воспитанія, онъ вноситъ во всѣ роды и виды своей дѣятельности прежде всего свое терпѣніе и много другихъ полезныхъ свойствъ и качествъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ своихъ предковъ. Штольцъ является такимъ образомъ типомъ совершенно противоположнымъ Обломову. Неутомимая дѣятельность Штольца проявляется абсолютно во всѣхъ дѣлахъ, за которыя бы онъ ни принимался. Для Штольца взяться за дѣло-значитъ не только начать его, но предпринять всевозможныя мѣры и употребить всякія усилія, чтобы довести свое предпріятіе до конца и извлечь изъ него какую-нибудь пользу. У Штольца мысль является не сама собой, но немедленно является стремленіе и переходитъ въ дѣло, при чемъ онъ не опасается тѣхъ препятствій, которыя могутъ встрѣтиться на пути для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ предпріятія. Вслѣдствіе этой неутомительной дѣятельности у Штольца явилась сильная страсть къ пріобрѣтательству, но способы и пріемы его въ данномъ случаѣ въ высшей степени привлекательны и заслуживаютъ глубокаго вниманія и уваженія, такъ какъ они вполнѣ согласны съ духомъ нравственности. Штольцъ старается пріобрѣтать какъ можно больше матеріальныхъ средствъ, выражаясь иначе, стремится къ обогащенію, но въ то же время этотъ дѣловой и коммерческій человѣкъ обогащаетъ свой умъ интересами духовнаго развитія. Штольцъ все время въ движеніи, онъ всюду ѣдетъ по разнымъ дѣламъ, но во время поѣздокъ успѣваетъ многое прочесть и питаетъ свой умъ духовною пищею. Вотъ что говоритъ о Штольцѣ самъ авторъ: „Онъ безпрестанно въ движеніи: понадобится обществу послать въ Бельгію или Англію агента — посылютъ его, нужно написать какой-нибудь проектъ или приспособить новую идею къ дѣлу — выбираютъ его. Между тѣмъ онъ ѣздитъ и въ свѣтъ и читаетъ. Когда онъ успѣваетъ, - Богъ вѣсть!“ На вопросъ Обломова, когда онъ перестанетъ трудиться, Штольцъ хладнокровно отвѣчаетъ, что онъ не престанетъ трудиться и тогда, когда увеличитъ свой капиталъ вчетверо. Еслибы Штольцъ

заботился объ увеличеніи своего капитала, пренебрегая честнымъ исполненіемъ своего нравственнаго долга, то онъ легко могъ бы поживиться разстроеннымъ имѣніемъ Обломова, который во всемъ довѣрялъ Штольцу. Къ тому Штольцъ отличается удивительнымъ спокойствіемъ, это обстоятельство побуждаетъ каждаго относиться къ нему съ достоинствомъ и заслуженнымъ уваженіемъ. Усердно и усидчиво работаетъ онъ надъ каждымъ планомъ, глубоко и тонко вникая въ мельчайшія подробности каждаго предпріятія; въ то же время во всемъ проглядываетъ удивительное спокойство, такъ что на первый взглядъ покажется, что онъ занимается извѣстнымъ дѣломъ такъ себѣ, безъ опредѣленной цѣли; но стоитъ ближе немного познакомиться съ нимъ, такъ человѣкъ удивляется этой чертѣ его характера. Нисколько послѣ этого неудивительно, что это спокойствіе въ дѣлахъ ведетъ къ достиженію желаннаго результата, разъ сознательно тратится много силъ и энергіи, чтобы предпріятія увѣнчались успѣхомъ. Понимая хорошо жизнь и ясно сознавая, что честный трудъ для человѣка необходимъ для поддержанія своего существованія, а равно для усовершенствованія, Штольцъ говоритъ объ этомъ съ Обломовымъ; въ этой бесѣдѣ Штольцъ ясно высказываетъ свой взглядъ на жизнь и на назначеніе человѣка. Когда заходитъ разговоръ о жизни и ея цѣли, то Штольцъ выражается совершенно лаконически, а именно, „сама жизнь и трудъ есть цѣль жизни“. Это значитъ, чтобы понять весь смыслъ существованія человѣка и его роль въ мірѣ семъ, ему необходимо прожить назначенное судьбою время и неустанно трудиться на общую пользу, при чемъ человѣкъ долженъ заняться трудомъ честно, не загрязняя стоей души и побуждая своимъ примѣромъ окружающую среду. Поступая такимъ образомъ, человѣкъ то и дѣло будетъ стремиться къ усовершенствованію, и сама жизнь съ ея невзгодами превратится для человѣка во что-то возвышенное, благородное и отрадное для него лично. Было бы, конечно, хорошо, еслибы типы, подобные Штольцу, встрѣчались въ дѣйствительности. Но типъ этотъ, какъ оказалось, еще не существовалъ, и авторъ не много опередилъ жизнь, выставивши такое лицо, какъ Штольцъ. Гончаровъ создалъ этотъ типъ русскаго человѣка, въ которомъ могли бы соединиться и нѣмецкая практичность и русская

сердечность, но такъ какъ стихійное творчество Гончарова дѣйствовало тутъ не путемъ вдохновенія, а путемъ логики, то русскій Штольцъ вышелъ не совсѣмъ удачнымъ типомъ, а скорѣе мертвеннымъ отвлеченнымъ.

Ольга Ильинская.

Ольга, героиня того же романа Гончарова „Обломовъ", является весьма симпатичнымъ типомъ русской женщины. Она — вполнѣ высокій идеалъ, который привлекаетъ къ себѣ читателя гармоническимъ развитіемъ великихъ душевныхъ силъ. Ея возвышенно благороднымъ качествамъ соотвѣтствуетъ также и внѣшность этой героини. Рисуя ее, Гончаровъ не считаетъ ея рѣдкой красавицей, однако, прибавляетъ авторъ, что, еслибы пришлось превратить ее въ статую, то она, безъ сомнѣнія, оказалась бы статуей граціи и гармоніи. Ея взглядъ всегда зоркій и добрый. Кто бы ни наблюдалъ ее, кто бы ни бесѣдовалъ съ нею, легко могъ бы замѣтить, что въ ея взглядѣ всегда свѣтитъ дѣятельная мысль и доброе чувство. Ольга получила хорошее образованіе, и послѣднее много способствовало развитію ея умственнаго горизонта. Она легко постигала своимъ умомъ психологію различныхъ личностей. Недолго пришлось ей изучать недугъ Обломова, въ короткое время она разгадала всю его слабость, его хроническую болѣзнь и въ то же время ясно представила себѣ чистую и благородную душу этого страдальца. Въ этомъ отношеніи Ольга превосходитъ даже Штольца. Она сильнѣе дѣйствуетъ на Обломова, чтобы сколько-нибудь оживить его и сдѣлать его болѣе подвижнымъ. Но это стоитъ ей много труда и усилій, которые она жертвуетъ охотно, искренно желая вызвать дѣятельность въ Обломовѣ. Упорно тратя свои силы, она однако старается вліять на Обломова медленно въ убѣжденіи, что этимъ способомъ она скорѣе вдохнетъ жизнь въ неподвижность Обломова. Съ этой цѣлью она ограничивается сначала мелкими порученіями, затѣмъ назначаетъ ему свиданія, предполагая, что этимъ способомъ она уже сумѣетъ расшевелить

этого лѣниваго, но хорошаго въ душѣ человѣка. Трудно ей вѣрить, чтобы Обломовъ не былъ сбособенъ на добро. Чтобы сдѣлать Обломова полезнымъ членомъ общества, Ольга, какъ женщина, дѣйствуетъ черезчуръ энергично, не обращая вниманія на общественное мнѣніе, сама ѣдетъ къ Обломову и не опасается при этомъ людскихъ предразсудковъ и наговоровъ. Мало того, Ольга считаетъ себя при этомъ весьма счастливою, всякій разъ какъ замѣчаетъ, что она можетъ нѣсколько повліять на Обломова своей искренней привязанностью, такъ что онъ немного освобождается отъ своей привычной лѣни и неподвижности. Ольга сознательно дѣйствуетъ и никоимъ образомъ не желаетъ дать погибнуть душѣ благороднаго человѣка, котораго она надѣется спасти. Но когда она увидала, что, несмотря на всѣ ея усилія, Обломовъ не можетъ ей дать ничего, кромѣ погруженнаго въ апатію и бездѣйствіе воркованія вокругъ семейнаго очага, не укажетъ ей другого, болѣе содержательнаго пути жизни, она первая со страшной болью въ сердцѣ разорвала съ нимъ всякія отношенія. Въ роковую минуту разлуки она говоритъ ему слѣдующее: „Ты кротокъ, честенъ, Илья, ты нѣженъ, какъ голубь.. ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей. Да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего не знаю". Наконецъ, она дѣйствуетъ рѣшительно: она не подготовляетъ Обломова къ разрыву, но сразу сознаетъ передъ нимъ свою ошибку, хотя эта рѣшимость стоила ей много слезъ и горя. Она говоритъ Обломову: „Мнѣ больно, мнѣ такъ больно. Но я не раскаиваюсь. За гордость я наказана. Я слишкомъ понадѣялась на свои силы. Я думала, что я оживлю тебя, что ты можешь еще жить для меня, а ты ужъ давно умеръ". Сдѣлавшись впослѣдствіи женой Штольца, Ольга осталась и тутъ вѣрна своему сердцу и полному развитію своихъ умственныхъ силъ и все время не довольствуется личнымъ счастьемъ. Въ жизни ея въ самый разгаръ семейнаго счастья со Штольцемъ все чаще и чаще наступаютъ какія то „задумчивыя остановки", смущеніе, возникаютъ въ головѣ смутные, туманные вопросы. „Куда же итти? Куда! дальше нѣтъ дороги! Ужели нѣтъ... Ужели тутъ все... все?"... говорила сама съ собой Ольга и чего-то не договаривала. Она даже признаетъ Штольцу, говоря: „Все тянетъ меня куда-то еще, я дѣлаюсь

ничемъ не довольна“. Тотъ объясняетъ это, какъ отголосокъ общаго недуга человѣчества, одна капля котораго брызнула и на Ольгу; это, по его мнѣнію, „грусть души, вопрошающей жизнь ея тайнѣ“. Приходится смириться передъ нею, вооружиться передъ нею, вооружиться твердостью и настойчиво итти своимъ путемъ. Но Штольцъ успокаиваетъ Ольгу, выражаясь: „Мы не титаны съ тобой, мы не пойдемъ съ Малерредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье. Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни, когда нѣтъ опоры“... Дѣло въ томъ, что Штольцъ при всей своей кипучей дѣятельности въ сущности оторванъ отъ жизни, не знаетъ ея во всей полнотѣ, такъ какъ онъ ничѣмъ не связанъ, не связанъ съ окружающимъ его обществомъ, чуждъ его радостей и печалей. Она продолжаетъ послѣ этого неутомимо работать, потому что стремится къ чему-то большему, болѣе возвышенному Единственнымъ ея желаніемъ было принимать живое и дѣятельное участіе въ жизни прочихъ людей, она думаетъ только объ этомъ, какъ бы притти на помощь общественнымъ нуждамъ, благодаря чему она могла бы расширить содержаніе собственной жизни. Итакъ, томленіе Ольги есть безсознательный призывъ, живой, энергической, гуманной натуры къ болѣе широкой жизни, къ труду не ради одной наживы, а дающему нравственное удовлетвореніе, устанавливающему духовную связь съ окружающимъ обществомъ, передающему высшій смыслъ существованію отдѣльной личности, стремленіе къ общественной дѣятельности въ той или другой формѣ. Такова Ольга, принадлежащая безспорно, къ передовымъ русскимъ женщинамъ.

Захаръ.

Захаръ, — главный камердинеръ Ильи Ильича Обломова, является представителемъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей, слугъ дошочадцевъ. Этотъ типъ сложился при старыхъ отношеніяхъ въ быту помѣщиковъ. Захаръ относится къ свое-

му барину съ благоговѣйною преданностью, которая въ глазахъ этого двороваго человѣка не признается какимъ-то великимъ достоинствомъ, но онъ смотритъ на эту преданность, какъ на самое обыкновенное явленіе, которое составляетъ его долгъ и прямую обязанность. Такъ, Захаръ всячески старается освободить своего барина отъ разныхъ непріятностей и хлопотъ, которыя невольно являются во время перемѣны квартиры. Мало того, Захаръ убѣждается, что на Обломова дурно вліяетъ постоянное напоминаніе управляющаго, что пора и необходимо переѣхать на новую квартиру. Въ то же время Захаръ былъ въ высшей степени искрененъ по отношенію къ своему барину, предъ которымъ его рабское положеніе сознается имъ не въ формѣ боязливаго отношенія къ своему барчуку, но въ томъ, что онъ составилъ себѣ высокое мнѣніе относительно своего барина. Захаръ былъ глубоко увѣренъ, что его баринъ во многомъ превосходитъ всѣхъ другихъ баръ. Захаръ служитъ всѣмъ гостямъ, приходившимъ къ Обломову, но въ то же время онъ показываетъ видъ, что гости пользуются честью, если находятся въ квартирѣ его барина. Захаръ отличается также размѣрной добротой, которая доходитъ у него даже до смѣшного: онъ способенъ по цѣлымъ часамъ играть съ ребятишками, которые немилосердно щиплютъ его густыя бакенбарды. Въ Захарѣ соединяются привлекательныя черты деревенской тихой жизни съ новыми наклонностями, къ которымъ онъ поневолѣ свыкся вслѣдствіе пребыванія своего съ бариномъ въ столицѣ. Столичныя черты слугъ быстро привились къ Захару, которому уже не легко было отказаться отъ нихъ. Влеченіе къ уличной жизни побуждаетъ Захара и „бѣгать къ кумѣ подозрительнаго свойства". Привыкнувъ къ своему барину, за которымъ онъ ухаживалъ, когда тотъ еще былъ ребенкомъ и, зная, что баринъ накажетъ его только „жалкимъ словомъ", Захаръ позволяетъ себѣ и грубости по отношенію къ барину. Захаръ ставитъ личное благополучіе выше господскаго блага, благодаря чему у него является склонность къ воровству и укрывательству. Онъ не отдаетъ Тарентьеву сюртука, несмотря на личное разрѣшеніе Обломова: но въ то же время Захаръ не стѣсняется воровать у своего барина сдачу. Чтобы открыть свои поступки и продѣлки, избавиться отъ работы и похвастаться, Захаръ то

и дѣло прибѣгаетъ ко лжи, поэтому Захаръ не бережетъ барскаго добра, постоянно ломаетъ посуду и портитъ домашнія вещи. Труда Захаръ не любитъ и даже не выноситъ его. Онъ разъ навсегда начертилъ себѣ кругъ обязанностей и ни за что не станетъ дѣлать больше, развѣ послѣ неоднократныхъ приказаній. О его кругѣ дѣятельности Гончаровъ говоритъ слѣдующее: „Захаръ утромъ ставилъ самоваръ, чистилъ сапоги и то платье, которое баринъ спрашивалъ, но отнюдь не то, котораго не спрашивалъ, хотя виситъ оно десять лѣтъ. Потомъ онъ мелъ — не всякій день однако жъ — середину комнаты, не добираясь до угловъ, и обтиралъ пыль только съ того стола, на которомъ ничего не стояло, чтобъ не снимать вещей. Затѣмъ онъ считалъ себя въ правѣ дремать на лежанкѣ, или болтать съ Анисьей въ кухнѣ и съ дворней у воротъ, ни о чемъ не заботясь". Захаръ отличался также крайнимъ упрямствомъ и не измѣнялъ своихъ привычекъ. Отвращеніе къ труду породило въ Захарѣ угрюмость, неловкость и ворчливость. Такимъ является Захаръ, обрисованный Гончаровымъ въ романѣ.

Судьбинскій, Тарантьевъ, Мухояровъ.

Всѣ выше упомянутыя лица являются представителями чиновничьяго міра, мѣтко обрисованнаго авторомъ въ данномъ произведеніи. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить Судьбинскаго, одного изъ сослуживцевъ Обломова. Судьбинскій относится къ служебной дѣятельности внимательно, легко преодолѣваетъ всевозможныя препятствія и на 35 году занимаетъ уже должность начальника отдѣленія, получая 4950 р. жалованья и за свою ревностную службу удостоивается похвалы министра, выразившагося объ этомъ чиновникѣ, что онъ „украшеніе министерства". Много приходилось Судьбинскому работать въ потѣ лица, пока онъ занялъ свою должность: онъ неустанно работалъ по двѣнадцати часовъ въ сутки. Судьбинскій является такимъ образомъ типичнымъ чиновникомъ, который все время возится въ канцеляріи, имѣя въ виду получить высшій чинъ и одновременно съ этимъ и высшій окладъ жалованья, другіе же бо-

лѣе возвышенные умственные интересы его не занимаютъ и не привлекаютъ.

Зато рѣзко выдается своей внѣшностью другой чиновникъ Тарантьевъ; это уже грубая особа, которая должна постоянно заботиться о насущномъ хлѣбѣ. Да кстати и аппетитъ у него очень хорошій, и вотъ Тарантьевъ ежедневно много хлопочетъ, чтобы попасть на даровой вкусный и обильный обѣдъ. Въ юности своей онъ занималъ должность писца, но судьба не улыбнулась ему, такъ что по служебной лѣстницѣ Тарантьевъ не пошелъ далѣе писца, хотя и обладалъ большими способностями въ области рѣшенія всевозможныхъ практическихъ вопросовъ. Какъ теоретикъ, онъ замѣчательный, но оправдать на дѣлѣ свои теоріи Тарантьеву никакъ не удается. Бывали случаи, что Тарантьевъ приводилъ въ надлежащій порядокъ самое запутанное положеніе, впослѣдствіи же, когда приходилось осуществить на практикѣ разобранный имъ теоретическій вопросъ, то тутъ Тарантьевъ прямо терялся и совершалъ одну глупость за другою, такъ что результатъ былъ очень плохой, и онъ портилъ все задуманное имъ предпріятіе. Но зато ему болѣе всего удавалось вымогательство денегъ съ каждаго лица; тутъ онъ былъ на мѣстѣ. Дѣйствительно, слѣдуетъ ему отдать полную справедливость въ этомъ ремеслѣ: взятки онъ могъ брать даже съ сослуживцевъ и съ пріятелей. Въ этомъ отношеніи ему помогалъ другой мелкій чиновникъ Мухояровъ.

Послѣдній былъ довольно дѣятельный человѣкъ. Помимо службы въ какомъ-то департаментѣ Мухояровъ занимался и всевозможными дѣлишками. Объ этомъ имѣются драгоцѣнныя доказательства. Вмѣстѣ съ Тарантьевымъ и Затертымъ Мухояровъ, предварительно напоивъ Обломова, взялъ съ послѣдняго заемное письмо, а потомъ самъ Мухояровъ взялъ заемное письмо съ своей же стороны на ту же сумму, такъ какъ письмо Обломова было написано на его имя. Этотъ же Мухояровъ вмѣстѣ съ Тарантьевымъ послалъ Затертаго въ качествѣ управляющаго въ имѣніе Обломова. Благодаря этой продѣлкѣ, Мухояровъ воспользовался значительной частью доходовъ имѣнія Обломова. Вообще Мухояровъ, какъ чиновникъ, принадлежалъ къ той категоріи бюрократовъ, которые въ службѣ видѣли прежде всего взя-

точничество, чѣмъ онъ, дѣйствительно, и набивалъ свой карманъ.

Итакъ Гончаровъ въ своемъ романѣ „Обломовъ“ рисуетъ намъ картину быта чиновниковъ, служащихъ въ столицѣ. Это для насъ тѣмъ болѣе цѣнно, что авторъ не ограничивается исключительно своимъ героемъ и ближайшей его окружающей средой, но зоркій глазъ Гончарова замѣчалъ мельчайшія подробности, имѣвшія мѣсто при каждомъ столкновеніи героя романа съ другими личностями. Благодаря этому обстоятельству, картина общаго фона русской жизни значительно расширяется и болѣе привлекаетъ читателя.

Общественное значеніе романа „Обломовъ“.

Романъ „Обломовъ“ имѣетъ большое общественное значеніе. Въ этомъ произведеніи авторъ съ безпощадной ясностью раскрылъ недостатки поверхностнаго образованія и воспитанія въ барской средѣ дореформеннаго строя, а также разныя неустройства русской общественной жизни. Обломовъ своими качествами напоминаетъ черты прежнихъ русскихъ типовъ и въ сочиненіахъ замѣчательнѣйшихъ изъ нашихъ писателей. Таковыми были: Онѣгины, Печорины, Тѣнтетниковы. Всѣ эти герои страдали оттого, что не видѣли цѣли въ жизни и не находили себѣ приличной дѣятельности. Вотъ источникъ ихъ скуки и барскаго отвращенія отъ всякаго дѣла, отъ всякой обязанности. Вышеупомянутые герои незаслуженно считались когда-то какими-то возвышенными лицами; многіе напрасно дивились таинственному разладу ихъ необъятныхъ душевныхъ силъ съ требованіями дѣйствительной жизни. Въ настоящее время, благодаря Обломову, ихъ значеніе объяснилось, и разладъ высказался вполнѣ. На словахъ и въ мечтахъ они-герои, люди съ высокими воззрѣніями и принципами, они читаютъ, пишутъ, говорятъ; на дѣлѣ же оказываются несостоятельными и передъ наукой, и передъ искусствомъ, и даже передъ хозяйствомъ, службой и любовью. У всѣхъ у нихъ на языкѣ жажда безпредѣльной дѣятельности, а въ душѣ ихъ таится одна мечта, одинъ идеалъ — невозмутимый, невозможный и нежелательный для

жизни, лѣнивый покой. Вотъ что говоритъ по этому поводу Писаревъ: „Эта апатія составляетъ явленіе общечеловѣческое, она выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и порождается самыми разнородными причинами, но вездѣ въ ней играетъ главную роль страшный вопросъ — зачѣмъ жить? къ чему трудиться? — вопросъ, на который человѣкъ часто не можетъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Этотъ неразрѣшенный вопросъ, это неудовлетворенное сомнѣніе истощаетъ силы, губитъ дѣятельность: у человѣка опускаются руки, и онъ бросаетъ трудъ, не видя ему цѣли. Одинъ съ негодованіемъ и желчью отброситъ отъ себя работу, другой — отложитъ ее въ сторону тихо и лѣниво; одинъ будетъ рваться изъ своего бездѣйствія, негодовать на себя, на людей, искать чего-нибудь, чѣмъ можно было бы пополнить внутреннюю пустоту, апатія его приметъ оттѣнокъ мрачнаго отчаянія, она будетъ перемежаться съ лихорадочными порывами къ безпорядочной дѣятельности и всетаки останется апатіей, потому что отнимаетъ у него силы дѣйствовать и жить. У другого равнодушіе къ жизни выразится въ болѣе мягкой, безвѣтной формѣ; животные инстинкты тихо, безъ борьбы выплывутъ на поверхность души, замрутъ безъ боли высшія стремленія, человѣкъ опустится на мягкое кресло и заснетъ, наслаждаясь своимъ безсмысленнымъ покоемъ, начнется вмѣсто жизни прозябаніе, и въ душѣ человѣка образуется стоячая вода, до которой не коснется никакое волненіе внѣшняго міра, которой не потревожитъ никакой внутренній переворотъ... Во второмъ случаѣ является апатія покорная, мирная, улыбающаяся, безъ стремленія выйти изъ дѣйствія: это обломовщина, какъ назвалъ ее Гончаровъ, это болѣзнь, развитію которой способствуетъ славянская природа и жизнь нашего общества“. Создавая типъ, являющійся кореннымъ для всей русской жизни, Гончаровъ въ то же время далъ намъ и общечеловѣческій образъ и показалъ, какъ подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ условій овладѣваютъ даровитой личностью лѣнь и апатія, которыя малопо-малу порабощаютъ себѣ всѣ лучшія движенія мысли и чувства. Въ этомъ отношеніи Обломовъ вѣчный типъ, но въ рамкахъ исторической картины русской жизни сороковыхъ годовъ XIX столѣтія Обломовъ является яркимъ пред-

ставителемъ эпохи пробужденія русскаго общества, который былъ затопленъ громаднымъ потокомъ старой жизни.

Разборъ романа „Обыкновенная исторія".

Содержаніе романа.

Содержаніе I-ой части. Однажды, лѣтомъ въ деревнѣ небогатой помѣщицы Адуевой всѣ встали очень рано, кромѣ ея двадцатилѣтняго сына Александра. Въ этотъ день Александръ въ сопровожденіи крѣпостного слуги Евсея рѣшилъ уѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ имѣлъ въ виду сдѣлать себѣ карьеру. Вся дворня была на ногахъ. Мать пробовала отговаривать сына отъ этой поѣздки, ссылаясь на то, что въ Петербургѣ сыну придется претерпѣвать лишенія и всякаго рода невзгоды, между тѣмъ какъ въ деревнѣ у него все въ изобиліи. Дѣйствительно, жизнь улыбалась Александру съ ранняго дѣтства, самъ онъ не испытывалъ нужды и горя, былъ одаренъ отъ природы хорошими способностями, дѣлалъ успѣхи въ наукахъ и, что важнѣе всего, не былъ испорченъ домашнею жизнью, хотя былъ избалованъ. Видя, что сынъ всетаки стремится оставить родной домъ, мать не прекословитъ сыну, укладываетъ всѣ необходимыя вещи и одновременно, какъ женщина стараго закала, даетъ ему надлежащія наставленія, какъ вести себя. Вскорѣ пришли знакомые Адуевой, чтобы попроститься съ ея сыномъ, постоянный гость Антонъ Иванычъ, священникъ, Марья Карповна со своей дочерью Софьей, которая была влюблена въ Александра Адуева. Отслужили молебенъ, позавтракали, усѣлись въ повозку, но вдругъ во дворъ въѣхала тройка. Оказалось, что Поспѣловъ, одинъ изъ лучшихъ друзей Адуева, узнавъ, что его товарищъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, за 160 верстъ прискакалъ съ цѣлью проститься съ Александромъ. Благодаря этому обстоятельству, отъѣздъ замедлился на полчаса. Наконецъ, собрались. Всѣ пошли до рощи пѣшкомъ. Тѣмъ временемъ Александръ и Софья вели между собою интимную бесѣду, нѣжно простились, а Софья вручила своему возлюбленному клочекъ ея волосъ и колечко, что онъ проворно спряталъ въ карманъ. Вскорѣ провожавшіе прости-

лись съ Адуевымъ, а дворня, кромѣ того, съ Евсеемъ. Повозка помчалась, и всѣ разошлись.

Въ Петербургѣ у Александра Адуева былъ дядя Петръ Адуевъ, который уже жилъ въ столицѣ 17 лѣтъ, гдѣ онъ послѣ разныхъ мытарствъ хорошо устроился: онъ служилъ при какомъ-то важномъ лицѣ чиновникомъ особыхъ порученій и въ то же время — занимался коммерческими дѣлами. Проснувшись однажды, онъ получилъ три письма. Въ этихъ письмахъ просили Петра Адуева ходатайствовать по разнымъ дѣламъ за какихъ-то знакомыхъ; въ одномъ письмѣ Адуева просила деверя оказать содѣйствіе и помощь ея сыну, при чемъ добавила, какую сумму денегъ она дала своему сыну, пока послѣдній устроится въ столицѣ, своему же деверю Адуева посылаетъ подарки изъ имѣнія, обѣщая и впредь таковые присылать. Сначала Петръ Адуевъ не хотѣлъ принять племянника, но потомъ перемѣнилъ свое рѣшеніе по слѣдующему обстоятельству. Онъ припомнилъ, какъ 17 лѣтъ тому назадъ, та же невѣстка провожала его самого и возлагала на него надежды, что и ему, можетъ быть, придется приласкать ея сына, если послѣдній задумаетъ уѣхать въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого Петръ Адуевъ приказываетъ своему слугѣ Василію впустить племянника и нанять для него отдѣльную комнату. Когда племянникъ прибылъ, дядя принялъ его холодно, разспрашивалъ о здоровьѣ матери, родныхъ; затѣмъ простившись съ племянникомъ, дядя пригласилъ его вечеромъ на чай, а пока совѣтовалъ осмотрѣть столицу, самъ же онъ спѣшилъ въ дѣло, а потому велѣлъ Василію показать гостю комнату и помочь ему устроиться. Тогда только Александръ понялъ, каково ему будетъ на чужбинѣ, разъ родной дядя принимаетъ его такъ холодно. Вскорѣ Александръ очутился на улицѣ, видѣлъ, что въ столицѣ совсѣмъ иначе, нежели въ захолустномъ губернскомъ городѣ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаешь знакомыхъ, и гдѣ воздухъ свободнѣе, чѣмъ въ столицѣ, гдѣ каждый идетъ себѣ восвояси, да и сами длинныя улицы съ огромными каменными домами не привлекали его особеннаго вниманія, такъ какъ все это казалось ему крайне однообразнымъ. Но только Адмиралтейская площадь, Нева и Невскій проспектъ оживили его, и онъ сталъ бодрѣе и веселѣе. — Вечеромъ дядя бесѣдовалъ со своимъ племянни-

комъ „разспрашивалъ его подробно, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, каковы его намѣренія и т. д. Дядя разочаровалъ своего племянника. Такъ прошло двѣ недѣли, дядя со дня на день сталъ довольнѣе племянникомъ, который умѣлъ поддерживать тактъ и, несмотря на свою неопытность, самъ не навязывался дядѣ, если тотъ не давалъ тому повода. Однажды дядя явился къ племяннику въ комнату съ цѣлью посмотрѣть, какъ онъ устроился, и засталъ его за письмомъ. Тутъ же во время разговора дядя выбросилъ черезъ окно— волосы и колечко, — которыми такъ дорожилъ племянникъ, письмомъ къ Софьѣ закурилъ сигару, считая эти письма неважными, а Поспѣлову дядя самъ вызвался продиктовать письмо. Одновременно дядя вошелъ въ болѣе серіозный разговоръ со своимъ племянникомъ, познакомился съ его влеченіями и способностями и, наконецъ, объявилъ ему, что онъ нашелъ для него подходящее мѣсто въ департаментѣ съ окладомъ жалованья въ 1000 руб. въ годъ. Спустя нѣкоторое время, дядя передаетъ племяннику, что начальникъ отдѣленія имъ доволенъ, но, узнавъ изъ словъ племянника, что столоначальникъ одалживаетъ отъ него денегъ, дядя предупреждаетъ его; кромѣ того, благодаря дядѣ, Александръ работалъ въ одной редакціи, гдѣ онъ получалъ за свои переводы по 100 руб. въ мѣсяцъ. Видя, что племянникъ уже пристроенъ, дядя совѣтуетъ ему обо всемъ извѣстить свою мать.

Такъ прошло два года. Александръ Адуевъ работалъ усидчиво какъ на службѣ, такъ и въ редакціи, онъ возмужалъ, и дядя былъ имъ очень доволенъ. Но вскорѣ дѣло приняло другой оборотъ. Александръ Адуевъ познакомился съ барышней, Надей Любецкой, знакомство перешло въ дружбу, а затѣмъ Александръ влюбился въ эту же дѣвушку, которая отвѣтила ему взаимностью, отчего Александръ былъ въ восторгѣ и наслаждался полнымъ счастьемъ. Чувство его нѣжнаго и благороднаго сердца брало верхъ надъ работой и всей прозой окружающей его атмосферы. Благодаря этому факту, онъ отставалъ отъ работы и всецѣло погружался въ свое внутреннее я. Дядя узналъ объ этомъ и при первомъ удобномъ случаѣ замѣтилъ племяннику, что онъ начинаетъ вести иную жизнь, и предупредилъ его, прибавивъ, чтобы во всякомъ случаѣ впредь не обращался къ не-

му за матеріальною помощью. Съ этого времени Александръ уже избѣгалъ дядю, даже игнорировалъ его и всецѣло отдался своимъ любовнымъ отношеніямъ къ Надѣ. Уже былъ назначенъ день, когда Александръ долженъ былъ объ этомъ увѣдомить мать Нади. Какъ только онъ пришелъ къ Любецкимъ, то Надя предупредила его, говоря, что въ этотъ день нельзя переговорить съ матерью, такъ какъ у нихъ сидитъ графъ Новицкій. Ничего не подозрѣвая, Александръ отложилъ свое намѣреніе на третій день, но и это не помогло: тотъ же графъ сталъ посѣщать домъ Любецкихъ. Мало-по-малу Надя охладѣла къ Александру, который спустя нѣкоторое время, убѣдился, что графъ Новицкій занялъ его мѣсто въ домѣ Любецкихъ. Какъ Надя ни избѣгала Александра и сама не хотѣла ему рѣшительно отказать, но Александръ съ болью въ сердцѣ выслушалъ отъ Нади отказъ. Этотъ фактъ произвелъ на него удручающее впечатлѣніе: онъ нравственно страдалъ, опустился и въ концѣ концовъ ослабѣлъ. Однажды вечеромъ Александръ прибылъ къ дядѣ, который уже успѣлъ жениться, и излилъ передъ нимъ всю свою душу. Дядя всячески старался убѣждать племянника, что этотъ фактъ въ жизни не долженъ его разстраивать, такъ какъ онъ уже раньше бесѣдовалъ съ нимъ по поводу подобныхъ явленій, припоминая, что въ деревнѣ у него была, какая-то Софья, теперь оказалась Надя, а съ теченіемъ времени появится какая-нибудь иная дѣвушка. Кромѣ того, дядя совѣтовалъ ему впредь быть осторожнѣе, не придавать данному случаю важнаго значенія и не убиваться горемъ. Однако Александру трудно было соглашаться съ доводами дяди и просилъ послѣдняго быть секундантомъ въ его дуэли съ графомъ Новицкимъ. Несмотря на всѣ доводы и убѣжденія дяди, чтобы выбросить всю дурь изъ головы, Александръ убивался горемъ, плакалъ и рычалъ. Дядя никакъ не могъ успокоить племянника, вышелъ изъ комнаты; тѣмъ временемъ вошла его тетка, которая цѣлый часъ бесѣдовала съ нимъ, послѣ чего Александръ успокоился и послѣ многихъ безсонныхъ ночей уснулъ спокойно.

Содержаніе II-ой части. Цѣлый годъ продолжался, пока Александръ перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію, началъ чаще посѣщать дядю и бесѣдовать со своей молодой теткой, предъ которой онъ изливалъ свою наболѣв-

шую душу. Его изліянія даже нѣсколько встревожили молодую тетку Лизавету Михайловну, тайные уголки которой начали давать о себѣ знаки иной жизни и пробудили въ ней самой внутреннія чувства по отношенію къ своему супругу. Кромѣ любви, Александръ разочаровался и въ дружественныхъ отношеніяхъ, каковыя онъ по своей молодости считалъ священными. Произошло это по слѣдующему факту: У Адуева былъ другъ, котораго онъ не видѣлъ нѣсколько лѣтъ. Однажды Александръ встрѣтился съ другомъ. Послѣдній спѣшилъ на званный обѣдъ, не имѣлъ времени поговорить съ Александромъ и пригласилъ послѣдняго къ себѣ на вечеръ. Когда Александръ прибылъ, то тамъ играли въ карты. Наконецъ, Александръ хотѣлъ подѣлиться своимъ горемъ съ другомъ, но тотъ и не думалъ придавать этому никакого значенія и прозаически совѣтовалъ ему лучше выпить рюмку водки и отвѣдать ростбифа. Этотъ фактъ весьма сильно разстроилъ Александра. Желая какъ-нибудь повліять на племянника, тетка попросила мужа дать надлежащій урокъ своему племяннику, чтобы разъ навсегда вывести его изъ своего положенія. Дядя согласился съ трудомъ. Когда Александръ явился и окончилъ въ присутствіи дяди и тетки читать два отрывка о любви и дружбѣ, дядя спросилъ племянника, что онъ теперь читаетъ. Александръ возразилъ, что онъ читалъ басни Крылова и всѣхъ людей, съ которыми ему приходится встрѣчаться, онъ можетъ только сравнить съ тѣмъ или другимъ животнымъ, обрисованнымъ Крыловымъ. Тогда-то дядя доказалъ племяннику, что послѣдній—звѣрь особаго рода, котораго даже Крыловъ не изображалъ, и совѣтовалъ лучше обратить вниманіе на себя лично, чѣмъ критиковать другихъ. Тетя, съ своей стороны, утѣшала племянника, совѣтуя ему посвятить себя поэзіи, чѣмъ онъ прогонитъ свою тоску. Дядя же, не зная объ этомъ, совѣтовалъ ему налегать на службу и работать для журнала по сельскому отдѣлу, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ можетъ обнаружитъ свои знанія. Однако Александръ взялся за писательство. Онъ написалъ какую-то повѣсть, читалъ въ присутствіи дяди и тетки. Послѣдняя была въ восторгѣ, а дядя, наоборотъ, считалъ ее маловажною. Чтобы доказать свой авторитетъ, дядя рѣшилъ послать рукопись въ какой-то журналъ подъ своей подписью Черезъ нѣсколько недѣль

получился отвѣтъ весьма неблагопріятный для Александра. Дядя вечеромъ зашелъ къ племяннику, который дремалъ, и прочиталъ ему все, что было написано въ отвѣтъ на рукопись. Послѣ этого Александръ по совѣту дяди бросилъ всѣ свои рукописи въ каминъ и разъ навсегда рѣшилъ покончить со своими несбыточными стремленіями. Наконецъ, дядя, съ своей стороны, далъ ему совѣтъ познакомиться съ молодой богатой вдовой Тафаевой, къ которой приходилъ Сурковъ, самъ вызвался первый разъ представить его этой вдовѣ и далъ ему надлежащія указанія, какъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ, при чемъ обѣщалъ за услуги подарить ему двѣ дорогія вазы. Дѣйствительно, въ ближайшую среду дядя съ Александромъ прибыли къ Юліи Павловнѣ Тафаевой, гостиная которой была переполнена гостями, къ числу которыхъ вскорѣ прибылъ и Сурковъ. Александръ произвелъ хорошее впечатлѣніе на Тафаеву, которая при прощаніи приглашала его почаще и не въ опредѣленныя среды. Александръ очень хорошо выполнилъ порученіе дяди. Сурковъ разорвалъ съ Тафаевой всякія связи, и дядя за этотъ подвигъ послалъ Александру двѣ обѣщанныя вазы, но племянникъ не принялъ этого подарка. Частые визиты Александра у Тафаевой дошли до того, что она влюбилась безъ ума въ молодого Адуева, безъ котораго она уже не могла жить. Алексанръ обо всемъ передалъ своей теткѣ, у которой онъ просилъ совѣта и помощи. Тетя велѣла ему подождать нѣкоторое время, пока всѣ съ дачи переѣдутъ въ городъ; тогда она намѣревалась сдѣлать визитъ его невѣстѣ и приняться горячо за дѣло. Между тѣмъ время шло, Александръ сталъ понемному хладнокровнѣе относиться къ своей невѣстѣ, а затѣмъ совсѣмъ оледенѣлъ къ ней. На Тафаеву страшно повліялъ поступокъ Александра. Видя, что послѣдній совсѣмъ покинулъ ее, Тафаева пригласила къ себѣ дядю Александра. Дядя былъ у нея, а затѣмъ далъ вторичный урокъ племяннику, убѣждая выкинуть изъ головы любовныя интриги и заняться болѣе важнымъ дѣломъ. Послѣ этого Александръ сталъ хандрить, опять игнорировалъ домъ дяди, до обѣда былъ на службѣ, а затѣмъ ничѣмъ не занимался, дружился съ неважными людьми, съ которыми игралъ въ шашки или удилъ рыбу, — что совсѣмъ не понравилось дядѣ, но слова послѣдняго уже теперь не оказали вліянія на

Александра, который рѣшилъ быть вдали отъ всего свѣтскаго. Однажды Александръ получилъ записку отъ тетки, которая просила его пойти съ нимъ на концертъ, на который она одна не могла пойти, такъ какъ ея мужъ былъ боленъ. Съ большимъ трудомъ Александръ исполнилъ просьбу тетки, съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія концерта и даже не рѣшался провести вечеръ у дяди, какъ его ни просила тетка, наконецъ, Александръ согласился. Тутъ опять та же тема. Дядя прямо сказалъ племяннику, что ему не мѣсто въ столицѣ, а въ деревнѣ, гдѣ люди живутъ спокойно, а въ Петербургѣ надо работать, а не предаваться пустымъ мечтамъ и изляніямъ чувства или хандрить. Спустя двѣ недѣли, Александръ вышелъ въ отставку и пришелъ проститься съ дядей и теткой. Несмотря на это, дядя разставшись съ племянникомъ, напомнилъ послѣднему, что онъ всегда готовъ къ услугамъ племянника и даже помогать ему нравственно, матеріально и протекціей.

Получивъ письмо о пріѣздѣ сына, Анна Павловна Адуева встала въ день пріѣзда съ восходомъ солнца, сѣла на балконъ и устремила глаза на дорогу, которая идетъ черезъ рощу. Между тѣмъ надвигались тучи, пронеслась гроза, вслѣдствіе чего мать была увѣрена, что ея сынъ задержался гдѣ-нибудь. Въ то время какъ она разговаривала съ пріѣхавшимъ къ ней постояннымъ гостемъ Антономъ Антоновичемъ и передаетъ ему свои сновиданія, подъ самымъ балкономъ зазвенѣлъ колокольчикъ. Вскорѣ въ комнату вошелъ Александръ, котораго мать совсѣмъ не узнала. Прохаживаясь съ сыномъ, она разспрашивала его о житьѣ-бытьѣ, но никакъ не могла добиться причины, отъ чего онъ такъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ, и куда дѣвались его волосы. Когда Александръ, уставшій отъ дороги, заснулъ, Адуева призвала къ себѣ Евсея, разспрашивала его, отчего ея сынъ похудѣлъ, упрекая его въ томъ, что онъ, вѣроятно, не слѣдилъ за бариномъ, но Евсей, клялся, что, съ своей стороны, онъ служилъ барину вѣрно, тѣломъ и душей. Мать въ то же время нелестно отозвалась и о дядѣ, который, по ея мнѣнію, былъ виновенъ въ ея сынѣ. Услышавъ отъ Евсея, что ея сынъ „разочарованный", — Адуева никакъ не поняла этого слова и просила Антона Антоновича вывѣдить у Евсея. Послѣдній отвѣчалъ на всѣ вопросы, и въ результатѣ при-

шли къ заключенію, что провизія въ столицѣ слишкомъ дорога. Однако вскорѣ мать замѣтила, что не пища, которая въ деревнѣ была въ достаточномъ количествѣ, оказалась главной причиной задумчивости Александра. Мать всетаки не успокоилась и разными способами выпытывала сына, что съ нимъ. Задумчивость Александръ объяснилъ тѣмъ, что онъ вошелъ въ лѣта и сталъ разсудительнѣе, а худощавость и отсутствіе волосъ приписалъ разстройству организма. Сначала мать хотѣла пригласить врача, но съ этимъ не согласился сынъ, потомъ мать напомнила ему о томъ, что ему пора жениться, и Александръ опять далъ отрицательный отвѣтъ и въ нѣсколькихъ словахъ передалъ свои любовныя отношенія къ Надѣ Любецкой и Тафаевой. Чтобы нѣсколько успокоить мать, Александръ удовлетворилъ ея желаніе и отправился съ ней ко всенощной, затѣмъ мать прибѣгнула къ заговорамъ и пришептываніямъ, но ничто не помогало: Александръ сталъ еще сильнѣе скучать. Такъ прошло три мѣсяца Уединеніе, тишина и домашняя обстановка благотворно вліяли на Александра, а лѣнь, беззаботность и отсутствіе всякаго нравственнаго потрясенія водворили въ душу его миръ, котораго онъ напрасно искалъ въ столицѣ, гдѣ всякое выдающееся явленіе вызывало въ немъ зависть. Но и эта жизнь, продолжавшаяся чуть ли не полтора года, наконецъ, надоѣла ему. Дѣло въ томъ, что кровь еще кипѣла въ немъ, сердце билось, а душа и тѣло просили дѣятельности. Въ деревнѣ же нельзя было приложить своихъ силъ, и онъ вспомнилъ про Петербургъ, о которомъ онъ уже началъ жалѣть, такъ какъ онъ тамъ хандрилъ и не принялся за дѣло. Онъ припоминалъ себѣ многихъ лицъ, которыя тамъ хорошо устроились. Смерть матери ускорила его новыя стремленія къ столицѣ. Тогда при отъѣздѣ онъ припомнилъ слова тетки и дяди, которые въ случаѣ надобности обѣщали оказать ему нравственную и матеріальную помощь, и въ письмѣ къ нимъ напомнилъ онъ объ этомъ, прибавляя, что онъ уже отрезвился, сталъ разсудительнымъ, измѣнилъ свое мнѣніе о людяхъ. Въ Петербургѣ дядя его уже сталъ прихварывать, не совсѣмъ хорошо чувствовала себя и тетка. Врачъ, пользовавшій дядю, совѣтовалъ ему поѣхать за границу для возстановленія своего здоровья, онъ уже оставилъ службу и объявилъ женѣ, что, онъ ѣдетъ за-

границу не столько для себя, сколько для нея. Во время ихъ разговора вошелъ Александръ, который уже успѣлъ пополнѣть и имѣлъ орденъ на шеѣ. Александръ просилъ своихъ близкихъ родственниковъ поздравить его, такъ какъ онъ женился на богатой невѣстѣ. Дядя былъ очень доволенъ и не отказалъ своему племяннику въ матеріальной поддержкѣ.

Юморъ въ сопоставленіи обоихъ Адуевыхъ.

Слово юморъ употреблялось сначала метафорически по отношенію къ веселому или печальному настроенію человѣка вслѣдствіе старинной галеновской идеи о смѣшеніи различнаго количества такъ называемыхъ четырехъ главныхъ соковъ организма: крови, желтой желчи, черной желчи и слизи. Въ наше время юморомъ называютъ извѣстное, главнымъ образомъ, художественное представленіе, зависящее отъ личнаго настроенія, взгляда и отношенія даннаго лица. Кромѣ того, терминъ юморъ означаетъ извѣстный складъ или характеръ художественнаго изображенія, соотвѣтствующій этому настроенію и взгляду и дающій ему основу и подтвержденіе. Мы различаемъ три рода юмора: юморъ извѣстнаго взгляда на вещи, юморъ представленія, и юморъ, какъ объектъ представленія. Въ послѣднемъ объективномъ юморѣ юморъ находитъ свою эстетическую основу. Сущность юмора характеризуется вкратцѣ слѣдующими названіями: серіозность въ комизмѣ, побѣда великаго, добраго, естественнаго, разумнаго надъ ничтожнымъ, слабымъ, безсмысленнымъ, неестественнымъ, что само по себѣ могло бы быть только предметомъ смѣха. Высокая задача юмора состоитъ въ томъ, чтобы выдѣлять и освѣщать въ человѣческой душѣ то прекрасное, высокое и человѣческое, что остается въ большинствѣ случаевъ невидимымъ и скрытымъ и что обыкновенно остается пригнетеннымъ лицемѣрно возвышеннымъ, самомнительнымъ, условнымъ, пользующимся оффиціальнымъ почетомъ и уваженіемъ.

Дядя Петръ Ивановичъ Адуевъ и племянникъ его Александръ представляютъ собою въ началѣ романа два діаме-

трально противоположныхъ типа. Дядя—это человѣкъ практическій, энергичный, предпріимчивый, постоянно ровный, холодный разсудительный и сдержанный. Племянникъ — юноша сентиментальный, восторженный, мечтаетъ о высокомъ служеніи обществу, а по временамъ однако одержимъ лѣнью и апатіей. Дядя смотритъ на все съ чисто матеріальной точки зрѣнія, думая постоянно о томъ, не удастся ли съ каждаго незначительнаго дѣльца извлечь какъ можно болѣе выгодъ, племянникъ, наоборотъ, мягкая и безпокойная личность. Дядя на 35-омъ году своей жизни занималъ должность чиновника особыхъ порученій при важномъ лицѣ и жилъ довольно комфортабельно. Окружающее его общество симпатизировало ему и относилось къ нему съ должнымъ почтеніемъ и уваженіемъ, благодаря его внѣшней осанкѣ и умѣнью отлично держаться. На 37-омъ году онъ выгодно женился и жилъ вполнѣ припѣваючи. Племянникъ очутился въ шумной и неугомонной столицѣ на двадцатомъ году своей жизни, поступилъ на службу и работалъ въ редакціи одной газеты по протекціи дяди. Племянникъ прожилъ въ Петербургѣ почти восемь лѣтъ, гдѣ онъ хандрилъ по недѣлямъ, а иногда по мѣсяцамъ, а само собой разумѣется, ничего не дѣлалъ, ничѣмъ серіознымъ не занимался. Наконецъ. племянникъ возвращается въ родную деревню, чтобы тамъ предаться спокойному ничего не дѣланью и лежанью на диванѣ. Весь интересъ романа „Обыкновенная исторія" заключается въ разсказѣ, какимъ образомъ Александръ Адуевъ подъ вліяніемъ своего умнаго и проницательнаго дяди и вслѣдствіе различныхъ разочарованій превращается въ холоднаго, разсудительнаго человѣка, какимъ былъ его дядя.

Изображая характерныя черты обоихъ Адуевыхъ, передавая до мельчайшихъ подробностей ихъ разговоры, рисуя ихъ міровоззрѣнія, Гончаровъ дѣлаетъ это не сразу, но по обыкновенію вырисовываетъ подробность за подробностью, чѣмъ постепенно знакомитъ насъ со своими героями. Разговоры и столкновенія между дядей и племянникомъ полны истиннаго юмора. Въ ихъ разговорахъ, въ ихъ взглядахъ столько противорѣчія, что между этими двумя лицами неизбѣжны разныя комическія недоразумѣнія. Для примѣра возьмемъ хотя бы первый разговоръ между этими двумя лицами. Племянникъ, какъ сообщается въ романѣ, прибылъ

въ столицу изъ деревни. Александръ-человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, владѣетъ хорошо и свободно новыми языками, привыкъ уважать и почитать старшихъ, мечтаетъ о пылкой, пламенной любви, онъ полонъ вѣры въ себя и другихъ и вдругъ сверхъ ожиданія онъ слышитъ отъ своего дяди такія слова: „Тетушкѣ твоей пора бы съ лѣтами быть умнѣе, а она, я вижу, все такая же дура, какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ". Въ другомъ мѣстѣ, когда зашла рѣчь о помѣщикахъ, дядя вдругъ произноситъ слѣдующую фразу: „У васъ еще не перевелись такіе ослы?" На молодого человѣка подобныя фразы, естественно, произвели удручающее впечатлѣніе. И дѣйствительно, разговоры этихъ родственниковъ, ихъ взгляды и убѣжденія полны глубокаго юмора до такой степени, что читатель, знакомясь съ ними, не можетъ не удержаться отъ искренняго смѣха. Особеннымъ юморомъ отличаются разговоры дяди и племянника по поводу проектовъ послѣдняго. Племянникъ привезъ съ собою чуть ли не цѣлую кипу проектовъ, стиховъ и прозаическихъ упражненій и былъ намѣренъ этимъ удивить своего дядю, а послѣдній передаетъ все это своему слугѣ для оклейки чего-то.

Въ этихъ разговорахъ Гончаровъ, можно сказать, превзошелъ себя: до того мастерски они переданы авторомъ, и столько въ нихъ юмору, что мы невольно смѣемся каждый разъ, когда читаемъ данный романъ. Гончаровъ относится къ этимъ лицамъ безпристрастно и объективно: онъ ихъ только описываетъ, а самъ не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, предоставляя самому читателю дѣлать какія угодно заключенія. Изрѣдка только встрѣчаются въ романѣ лирическія отступленія, въ которыхъ прорывается субъективное чувство, личное отношеніе автора къ героямъ. Такъ въ той главѣ, гдѣ говорится, какъ Александръ проводилъ время въ періодъ любви къ Наденькѣ Любецкой, Гончаровъ какъ бы слегка посмѣивается надъ нимъ, замѣчая про его философскія разсужденія: „Подумаешь, мыслитель какой-нибудь открываетъ новые законы строенія міра или бытія человѣческаго, и то просто влюбленный". Но такихъ отступленій мало, и объективный тонъ выдержанъ послѣдовательно.

Особенность юмора въ романѣ „Обыкновенная исторія" состоитъ въ томъ, что трудно окончательно рѣшить, надъ

кѣмъ авторъ болѣе всего смѣется, надъ дядей, или племянникомъ, и кто является уклоненіемъ идеала. Доказательствомъ тому могутъ служить слѣдующіе факты. Въ началѣ романа Гончаровъ насмѣхается надъ Александромъ Адуевымъ и его чувствительными изліяніями, надъ мнѣніемъ о дружбѣ, надъ мечтами о пылкой любви. Но и дядюшка Петръ Ивановичъ Адуевъ является лицомъ далеко не идеальнымъ. Въ концѣ повѣствованія, въ эпилогѣ романа, гдѣ говорится о рѣшеніи дяди бросить службу и посвятить себя женѣ, слышится какъ будто сожалѣніе, скорбь объ участи этой женщины, у которой было все: деньги, наряды, прекрасный столъ, роскошная квартира, удовольствія, заботящійся мужъ, занимавшій прекрасное положеніе, но въ то же время не было самаго главнаго: сердечнаго, теплаго участія, настоящей, горячей любви. Все это было затушено, заслонено, разсудительностью и умѣренностью ея превосходительнаго мужа, который теперь, казалось, самъ понялъ свою ошибку, но удается ли ему исправить ее, что остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Вотъ этотъ спокойный, безпристрастный тонъ мужа, обрисованный Гончаровымъ, производитъ глубокое впечатлѣніе комизма. Мы видимъ, что сентиментальные порывы обрисованы художественно авторомъ, а сдержанность и спокойствіе старшаго Адуева, который огорашиваетъ племянника своими странными взглядами, возбуждаютъ въ читателѣ тихій и въ то же время неудержимый смѣхъ.

Юморъ, какъ извѣстно, можетъ появляться только при сопоставленіи двухъ противоположностей. Предметы этихъ противоположностей избирается изъ „печальной дѣйствительности и изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ". Создателемъ такого юмористическаго направленія у насъ былъ Гоголь, но онъ нерѣдко относится субъективно къ изображаемымъ имъ героямъ. Гончаровъ же, наоборотъ, относится къ своимъ героямъ съ полной объективностью, а потому юморъ его является вполнѣ чистый. Гончаровъ показываетъ намъ уклоненіе отъ нормальнаго явленія тамъ, гдѣ читателю можетъ все показаться даже слишкомъ серіознымъ. Такъ, оба Адуева, повидимому, являются людьми съ правильными взглядами, убѣжденіями и понятіями, но разъ мы ихъ сопоставимъ, то мы легко замѣтимъ, какъ оба являются ненормальными во взаимномъ складѣ по-

нятія. Это изображеніе юмора въ сопоставленіи двухъ Адуевыхъ справедливо считается истинно возвышеннымъ.

Хотя Гончаровъ и говоритъ, что „въ борьбѣ дяди съ племянникомъ отразилась... семейная и домашняя ложь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ“, но и Петръ Ивановичъ, этотъ представитель „трезваго созданія необходимости дѣла, труда, знанія“, не является, кажется, идеаломъ Гончарова, по крайней мѣрѣ, въ это время. Дѣло въ томъ, что „Обыкновенная исторія“ была задумана и начата авторомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, а появилась въ „Современникѣ“ въ 1847 году, т. е., когда Гончарову было всего 35 лѣтъ. Вслѣдствіе этого совсѣмъ неудивительно, что этотъ романъ явился его первой и послѣдней данью романтизму, хотя бы и въ незначительномъ размѣрѣ. Трезваго и разсудительнаго даже и въ молодости Гончарова не могъ удовлетворить мечтательный, сентиментальный, ходульный молодой Александръ Адуевъ, но и черезчуръ разсудительный Петръ Ивановичъ, не признававшій никакихъ возвышенныхъ чувствъ и мечтаній, не могъ быть его идеаломъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ самого Гончарова, сознаніе необходимости труда только что нарождалось, а благодаря этой причинѣ, и выразилось нѣсколько уродливо: въ слишкомъ уже черствыхъ, прозаическихъ чертахъ. По этой причинѣ идеалъ Гончарова былъ опредѣленъ въ золотой серединѣ устами Лизаветы Александровны, жены Петра Ивановича, которая говоритъ Александру слѣдующее: „Помните, какое письмо вы написали ко мнѣ изъ деревни. Какъ вы хороши были тамъ?“ Въ письмѣ же этомъ Александръ, пылая жаждой разумной дѣятельности, понялъ, что жизнь состоитъ не изъ однѣхъ радостей, что „комическій гнѣвъ на міръ и людей“ похожъ на гнѣвъ моськи на слона, но онъ не утратилъ стремленія къ прекрасному, свѣжести чувствъ и отзывчивости къ другимъ чистымъ радостямъ жизни, помимо денегъ и карьеры. Такой человѣкъ — соединеніе опыта старшаго Адуева съ энтузіазмомъ младшаго Адуева въ началѣ романа и является идеаломъ Гончарова въ его „Обыкновенной исторіи“.

Женскіе типы въ романѣ „Обыкновенная исторія".

Анна Павловна Адуева.

Анна Павловна Адуева обрисована Гончаровымъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Характеръ ея многосложный. Это вдова, небогатая помѣщица, у которой имѣется около 350 душъ крѣпостныхъ. Она почти безвыѣздно живетъ въ своемъ имѣніи и довольна своей жизнью. Къ крѣпостнымъ она относится сравнительно хорошо, хотя и не прочь взыскивать съ нихъ довольно строго за ихъ проступки. Объ этомъ имѣются въ романѣ цѣнныя данныя. Когда сынъ ея Александръ въ день отъѣзда спалъ богатырскимъ сномъ, въ то время какъ вся дворня была уже на ногахъ, Анна Павловна отдала строгое приказаніе, чтобы въ квартирѣ царила тишина, отъ нарушенія которой, полагала она, можетъ разбудиться ея дорогой сынокъ. А если кто-нибудь по неосторожности произносилъ громкое слово или производилъ чѣмъ-нибудь стукъ, то она немедленно являлась, какъ раздраженная львица, и производила тутъ же судъ и расправу; иной подвергался только выговору, другого надѣляла обиднымъ прозвищемъ, а болѣе виновнаго угощала и толчкомъ. Свою власть надъ крѣпостными Анна Павловна передавала и другимъ лицамъ, если крѣпостные вели себя неприлично и въ ея отсутствіе. Отправивъ въ Петербургъ съ сыномъ двороваго Евсея, она въ письмѣ къ своему деверю Петру Адуеву проситъ послѣдняго присматривать и за Евсеемъ. Анна Павловна цѣнила Евсея за его трезвое поведеніе, но въ столицѣ, полагала она, Евсей можетъ позволить себѣ разнаго рода вольности, такъ какъ онъ вдали отъ своей барыни. Благодаря этому обстоятельству, она и передаетъ свою власть надъ Евсеемъ деверю, предоставляя послѣднему подвергнуть тѣлесному наказанію Евсея, если тотъ заразится столичной свободой. Неменѣе нападаетъ она на Евсея, когда послѣдній вернулся съ ея сыномъ изъ Петербурга. Видя, что ея сынъ исхудалъ, Анна Павловна прежде всего нападаетъ на Евсея, въ предположеніи, что тотъ во всемъ виноватъ, такъ какъ не ухаживалъ надлежащимъ образомъ за бариномъ, и пригрозила ему. Однако ея отношенія къ крѣпостнымъ

были еще не такъ плохи: она умѣла цѣнить, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ. Этому же Евсею, на котораго она возлагала много надежды и къ которому, повидимому, относилась съ извѣстнымъ довѣріемъ, она при отъѣздѣ съ сыномъ даритъ пятирублевую ассигнацію и за вѣрную службу обѣщаетъ женить на ключницѣ Аграфенѣ, что, само собой разумѣется, не могло совершиться безъ позволенія барыни.

Какъ человѣкъ, Анна Павловна была очень добра, ласкова, хлѣбосольна, гостепріимна, сердобольна, у нея былъ свой кругъ знакомыхъ, съ которыми она проводила время, вполнѣ довольная собой. Какъ женщина, она была примѣрная хозяйка, зорко слѣдила за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ ея домѣ, сама вникала въ мельчайшія подробности по хозяйству, знала всѣ вещи на перечетъ, сама ѣздила за покупками, не надѣялась на постороннихъ; всѣ вещи у нея были въ цѣлости, да и берегла она ихъ, пока время не превращало ихъ въ совѣмъ ненужныя. Анна Павловна была весьма религіозна, строго исполняла всѣ церковныя обряды, соблюдала посты и старалась вселить въ душу сына понятіе о Верховномъ Существѣ, безъ помощи Котораго не начиналось и не совершалось ни одно дѣло. Въ то же время Анна Павловна была нѣсколько суевѣрна: она вѣрила въ разнаго рода примѣты, сны и придавала имъ иногда важное значеніе. Какъ человѣкъ съ ограниченной умственной сферой, Анна Павловна вѣрила въ разнообразныя пришептыванія, наговоры и въ чудодѣйственную силу талисмановъ. Видя, что сына какъ-то трудно излѣчить, она, безъ его вѣдома, приглашаетъ какую то старуху Никитишну, которая ночью, во время сна стояла возлѣ Александра, шептала что-то, положила ему подъ подушку какую-то траву, а на шею повѣсила ладанку. По словамъ Анны Павловны, Никитишна „многимъ помогаетъ. Она только нашепчетъ на воду, да подышитъ на спящаго человѣка — все и пройдетъ“. Подобныя чудеса разсказывала сыну Анна Павловна.

Но зато, какъ мать, Анна Павловна является верхомъ совершенства. Правда, она прибѣгаетъ иногда къ домостроевскимъ наставленіямъ, но дѣлаетъ это не съ цѣлью вселить въ сына страхъ передъ родителями, а прямо изъ безграничной любви и преданности къ нему, обнаруживая при этомъ свою опытность и знаніе практической стороны жизни. По-

мимо наставленій чисто религіознаго характера Анна Павловна совѣтуетъ сыну беречь свое здоровье, не тратить денегъ по-напрасну, не предаваться вину, давать милостыню, не предаваться черезчуръ свѣтскимъ удовольствіямъ, разгулу и т. п. Она уже понимаетъ, что сынъ ея — человѣкъ съ высшемъ образованіемъ, а потому желаетъ ему успѣха въ столицѣ, соглашаясь разлучиться съ нимъ, лишь бы ему жилось хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Если она и проситъ сына остаться въ деревнѣ, то не съ эгоистической цѣлью, чтобы ей было пріятнѣе и веселѣе, а прямо по той причинѣ, что въ деревнѣ онъ полный хозяинъ, не будетъ ощущать недостатка ни въ чемъ, въ столицѣ же вдали отъ всего родного онъ можетъ натолкнуться на разныя невзгоды, не исключая и матеріальныхъ страданій. Зная по опыту, что на чужбинѣ каждому живется не легко, Анна Павловна и умоляетъ деверя присматривать за ея сыномъ, посылаетъ деверю деревенскіе подарки и обѣщаетъ впредь высылать таковые, сына же она снабжаетъ деньгами и вещами, необходимыми въ будничные и праздничные дни и ежегодно разсчитываетъ высылать ему до 2500 руб. Получивъ письмо отъ сына, что онъ возвращается въ деревню, она по ночамъ не спитъ, встаетъ съ восходомъ солнца и ждетъ съ нетерпѣніемъ его пріѣзда. Сколько горя и мученія претерпѣваетъ Анна Павловна, когда она замѣтила болѣзненный видъ сына, она предпринимаетъ всевозможныя мѣры, чтобы утѣшить его и способствовать возстановленію его здоровья. Съ этой цѣлью она сама ухаживаетъ за нимъ, разспрашиваетъ его, желая проникнуть въ глубокіе тайники его сердца, гуляетъ съ нимъ, указываетъ ему на разные предметы, припоминая ему многое изъ его дѣтства, она внутренно рада, когда ей удается хоть разъ вызвать у сына улыбку. Однимъ словомъ, она истощила всѣ средства, которыя у нея оказались подъ рукой въ пользу своего единственнаго сына.

Надя Любецкая. Тафаева.

Надя Любецкая, кумиръ Александра Адуева, является отраженіемъ своего времени. Хотя она не была красавица и не могла сразу приковать къ себѣ вниманія каждаго мо-

лодого человѣка, но зато была весьма граціозна. что выражалось въ ея внѣшности, движеніяхъ, жестахъ, разговорахъ и во всѣхъ позахъ, которыя она принимала, сидѣла ли она, или находилась въ обществѣ постороннихъ лицъ. Она умѣетъ вліять на свою мать, которая считаетъ свою дочь покорной, а на самомъ дѣлѣ исполняетъ всѣ прихоти и капризы избалованной Наденьки. Дѣло доходитъ до того, что Надя безъ спросу полюбила Александра Адуева, не скрывая этого отъ матери, такъ какъ она уже успѣла овладѣть сердцемъ Адуева, распоряжается имъ въ такой же степени, какъ и своимъ внутреннимъ міромъ. Весьма возможно, что она соединила бы навѣки свою жизнь съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Но вотъ подвернулся молодой графъ Новицкій, личность, въ глазахъ Наденьки стоящая выше Адуева, и она, нисколько не думая, отдается графу. Вотъ что про Наденьку Любецкую говоритъ самъ Гончаровъ въ своей статьѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда". Въ этомъ пока и состоялъ *сознательный шагъ русской дѣвушки* — безмолвная эмансипація, протестъ противъ безпомощнаго для нея авторитета матери. Но тутъ и кончилась эта эмансипація. Она *сознала*, но въ *дѣйствіе своего сознанія не обратила*, а остановилась въ невѣдѣніи".

Юліи Павловнѣ Тафаевой было всего 23, 24 года, когда она познакомилась съ Александромъ Адуевымъ. Это была умная и граціозная женщина. Судьба не совсѣмъ улыбнулась ей. Воспитанная на романахъ, она въ 18 лѣтъ уже отличалась раздумчивостью, и вышла замужъ за 45 лѣтняго Тафаева, человѣка „съ карьерой и фортуной". Что же она увидѣла? Человѣкъ этотъ далекъ былъ отъ тѣхъ героевъ, которыхъ создало ей воображеніе. Прожила она съ нимъ всего пять лѣтъ, погруженная въ глубокій сонъ и, наконецъ, очутилась на свободѣ. Она уже считала себя лишнею на Божьемъ свѣтѣ, но вдругъ она увидѣла Адуева и привязалась къ нему сильно; оба они нерѣдко просиживали вмѣстѣ, охали, стонали, считая это высшимъ блаженствомъ. Но вдругъ надъ ней разразился страшный ударъ. Чѣмъ сильнѣе она привязалась къ Адуеву, безъ присутствія котораго она уже не могла обойтись, тѣмъ холоднѣе становится его отношеніе къ ней, ея кумиръ и, въ концѣ концовъ, покидаетъ ее. Съ ней происходитъ истерическій припадокъ, и она заболѣла.

Дворовые люди.

Къ числу второстепенныхъ лицъ даннаго романа заслуживаютъ особеннаго вниманія Евсей и Аграфена Ивановна, главные члены дворни Адуевой. За свое трезвое поведеніе Евсей былъ назначенъ камердинеромъ молодому Адуеву, съ которымъ онъ отправляется въ Петербургъ. Евсей ревностно исполняетъ свою службу, особенно проявилъ онъ свои знанія въ чисткѣ сапоговъ и любилъ это искусство. Въ деревнѣ у него не было только соотвѣтственной ваксы, а въ Петербургѣ зато онъ могъ похвалиться своимъ искусствомъ, что онъ иногда и дѣлалъ въ присутствіи барина. Въ деревнѣ онъ жилъ въ комнатѣ Аграфены Ивановны, которая считалась первой ключницей Адуевой. Мѣсто Евсея было за лежанкой, самымъ теплымъ угломъ въ домѣ. Тамъ стояло два стула и столъ, на которомъ готовился чай, кофе, закуска и т. п. и тутъ же оба они проводили свободное время въ игрѣ въ карты. Такъ они привыкли другъ къ другу, что продолжалось почти десять лѣтъ. Евсей очень любилъ Аграфену Ивановну, которая питала къ нему не меньшую привязанность, но открыто этого не высказывала, напротивъ, она нападала на тѣхъ, которые дерзали попрекать ее въ интимныхъ отношеніяхъ къ Евсею. Послѣдній любилъ ее безгранично и женился бы на ней, но подъ этимъ чувствомъ онъ не властенъ, такъ какъ это зависитъ отъ воли барыни. Въ Петербургѣ Евсей не забылъ своей Аграфены; онъ привезъ ей подарки: бронзовыя серьги, большой пакетъ.

Аграфена Ивановна работала усердно, занималась хозяйствомъ и во многомъ помогала барынѣ; какъ дворовая, она стоитъ выше прочихъ; она честолюбива, обидчива и позволяетъ даже выражать свое неудовольствіе, впрочемъ, въ отсутствіи барыни. По отношенію къ Евсею она проста, но въ то же время ставитъ себя довольно высоко, показывая тѣмъ, что для него большая честь, если она питаетъ къ нему симпатію.

Антонъ Антоновичъ.

Антонъ Антоновичъ — это живой типъ приживальщика дореформенной Руси. Онъ является любимымъ гостемъ той среды, въ кругу которой онъ вращается. Онъ позавтракаетъ или пообѣдаетъ у своихъ знакомыхъ и является непремѣннымъ гостемъ всѣхъ пирушекъ. Онъ считается почтой или нарочнымъ въ своемъ захолустьѣ, онъ исполняетъ всякаго рода порученія, да и окружающая среда уже такъ привыкла къ нему, что никто не рѣшается самъ исполнить какое-нибудь порученіе, впрочемъ, не первостепенной важности, но все это поручается ему охотно. Чтобы не потерять своего расположенія къ знакомымъ, Антонъ Антоновичъ всегда находитъ какую-нибудь новость, и если этого нѣтъ, то онъ поздравлялъ чѣмъ-нибудь знакомыхъ: или съ постомъ, или съ весной, или съ осенью, съ морозомъ, съ оттепелью и т. п. Антонъ Антоновичъ даже пользуется извѣстнымъ авторитетомъ, съ которымъ въ деревнѣ считались и выражали удивленіе, если кто-нибудь осмѣливался ослабить его вліяніе или нанесенную ему обиду.

Романтизмъ въ романѣ „Обыкновенная исторія“.

Романтизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова называется литературное движеніе въ Германіи, Франціи и Англіи въ началѣ XIX вѣка, стремившееся въ большей или меньшей степени возродить строй мысли и чувства, господствовавшій въ средніе вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить художественное творчество отъ стѣснявшихъ его условностей господствовавшей ложно-классической литературной школы. Въ болѣе обширномъ смыслѣ слова подъ романтизмомъ разумѣютъ не только возродителей XIX вѣка, но и возрождаемое X—XIII вѣками. Глубокая самоотверженная вѣра, исполненная вмѣстѣ съ тѣмъ суевѣрія, отличала умственную жизнь среднихъ вѣковъ, но вѣра ли, суевѣрія ли, все было цѣльно и не расчленено критикою, не раздроблено анализомъ. Дьяволы, колдуны, вѣдьмы, незнаемыя существа и невѣдомые пред-

меты, чудеса всякаго рода наполняли міръ средневѣковаго человѣка, доставляя обильную пищу и поэтической фантазіи, и глубокому чувству. Этотъ расцвѣтъ поэтической фантазіи, проникнутый глубокимъ чувствомъ, и представляетъ собою ту лицевую сторону средневѣковой духовной жизни, которая привлекла романтиковъ XIX вѣка и которая прикрывала столь неприглядную изнанку суевѣрія, изувѣрства и фанатизма.

Поэзія среднихъ вѣковъ касалась и сюжетовъ, отнюдь не фантастическихъ. Поэзія трубадуровъ, бывшая образцомъ для средневѣковаго творчества, воспѣвала любовь и рыцарское служеніе женщинѣ. Это возвышеніе женщины, столь чуждое даже высокой культурѣ античнаго міра, является крупною заслугою среднихъ вѣковъ, и тѣ возвышенныя и благородныя чувства, которыми въ этомъ отношеніи была полна поэзія, представляются прекраснѣйшею стороною романтизма, прекраснымъ завѣщаніемъ новому времени. Рядомъ съ возвышеніемъ женщины возвышался и человѣкъ вообще. Человѣческое достоинство никогда раньше не было такъ поднято и такъ прочувствовано, какъ въ рыцарскомъ обществѣ среднихъ вѣковъ и въ рыцарской поэзіи. Правда, эта выработка чувства человѣческаго достоинства сопровождалась въ дѣйствительности самымъ грубымъ семейнымъ деспотизмомъ и самымъ безпощаднымъ угнетеніемъ народа. Но то была жизнь дѣйствительная, которую нельзя забывать при оцѣнкѣ среднихъ вѣковъ, но которая не умаляетъ великой цѣны выставленнаго идеала человѣческаго достоинства вообще и женскаго въ частности и въ особенности. Эти-то идеалы въ связи съ вышеупомянутымъ глубокимъ и цѣльнымъ чувствомъ, проникающіе средневѣковое поэтическое творчество, и были причиной увлеченія романтизмомъ въ началѣ XIX вѣка. Изнанка дикаго изувѣрства и грубой дѣйствительности уже стала убываться, а упомянутые поэтическіе идеалы придавали имъ неподобающую окраску. Отсюда крайности романтизма, который представился какою-то пестрою и очень мало логичною смѣсью прогрессивнаго и реакціоннаго, возвышеннаго и низменнаго, благороднаго и почти изувѣрнаго. Въ Германіи романтизмъ возникъ въ послѣдніе годы XVIII вѣка, и главными проводниками его были братья Шлегели, Тикъ, Новалисъ и философъ Шел-

лингъ. Во Франціи онъ расцвѣлъ нѣсколько позже въ лицѣ В. Гюго. Одна изъ разновидностей его довольно широко распространялась въ Россіи, и въ произведеніяхъ Гончарова этотъ своеобразный романтизмъ носитъ пошловатый оттѣнокъ. Этотъ исключительный романтизмъ не давалъ пищи уму, но только разжигалъ чувствительность и фантазію, такъ какъ неглубокій характеръ его не шелъ дальше громкихъ словъ и выраженій. Главная цѣль и побужденіе этого романтизма заключались въ томъ, что онъ отталкивалъ мыслящихъ людей отъ реальной жизни, способствовалъ тому, чтобы отрывать человѣка отъ всякаго рода нравственныхъ обязательствъ и освобождалъ отъ всякаго производительнаго труда. Спрашивается, какое было содержаніе этого романтизма и въ какую эпоху русской жизни онъ долженъ былъ имѣть мѣсто. Романъ Гончарова „Обыкновенная исторія" наглядно объясняетъ намъ и то и другое. Въ этомъ романѣ мы встрѣчаемся съ презрительнымъ отношеніемъ къ прозѣ жизни, знакомимся съ культомъ чувства дружбы и любви, имѣющимъ эгоистическій характеръ; кромѣ того тутъ изображена сентиментальная восторженность, плѣняющее воображеніе и чувство мечтамъ, желаніе осуществить ихъ безъ малѣйшаго усилія; наконецъ, обрисовано стремленіе къ славѣ, которую люди хотятъ сразу завоевать, безъ всякаго труда и любовь къ изящнымъ искусствамъ и попытка творить въ области поэзіи. Господствовавшая эпоха вполнѣ тому благопріятствовала. Въ Россіи тогда была пора крѣпостничества, а потому интеллигентные и передовые люди были свободны отъ всякой разумной дѣятельности и были лишены трезвой пищи для ума и чувства. Вотъ Гончаровъ въ лицѣ Александра Адуева и выставилъ на видъ вышеупомянутыя особенности этого романтизма, но отдѣльныя черты послѣдняго свойственны и представителямъ стараго поколѣнія. Такъ, одна изъ тетокъ Александра Адуева пишетъ письмо къ его дядѣ; въ этомъ письмѣ она, спустя уже 20 лѣтъ, предается сладостнымъ воспоминаніямъ о томъ, какъ Петръ Адуевъ съ опасностью для жизни и здоровья влѣзъ въ воду и досталъ для нея росшій въ тростникѣ желтый цвѣтокъ, который въ продолженіе всего этого времени хранится въ ея книжкѣ, какъ священная реликвія. О романтическомъ настроеніи Александра Адуева Гончаровъ указыва-

етъ во многихъ мѣстахъ разбираемаго романа. Уже наступила послѣдняя минута отъѣзда молодого Адуева въ Петербургъ, какъ разъ въѣхала во дворъ телѣга, запряженная тройкой; оказалось, что другъ Александра Поспѣловъ пріѣхалъ за 160 верстъ, чтобы сказать ему послѣднее прости. „Другъ! другъ! истинный другъ!“ — говорилъ Адуевъ со слезами на глазахъ: „О есть дружба въ мірѣ! На вѣкъ, не правда ли? говорилъ пылко Александръ, стискивая руку друга и наскакивая на него“.— „До гробовой доски! — отвѣчалъ тотъ, тиская руку еще сильнѣе и наскакивая на Александра“. Развѣ въ этой юмористической обрисовкѣ прощанія двухъ друзей не замѣчается какая-то аффектація чувства дружбы? То же самое видимъ мы и въ недискретныхъ диспутахъ Александра Адуева на эту тему, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ называетъ дружбу священнымъ чувствомъ, упавшимъ какъ будто ненарочно съ неба на земную грязь, вторымъ провидѣніемъ. Такое же восторженное отношеніе проявляетъ онъ и къ чувству любви и ко всякаго рода „вещественнымъ знакамъ невещественныхъ отношеній“, какъ колечко и прядь волосъ обожаемой имъ Софьи. Адуевъ твердо убѣжденъ, что любовь доставляетъ величайшее счастье въ мірѣ. Александръ мечтаетъ „о колоссальной страсти, которая не знаетъ никакихъ преградъ“, о громкихъ подвигахъ, о славѣ. Такова романтическая струя русской помѣщичьей жизни, насколько она отразилась въ данномъ романѣ. Необходимо согласиться, что этотъ русскій романтизмъ въ эпоху крѣпостного права былъ очень мало похожъ на то литературно-общественное движеніе, какое было извѣстно въ первую половину XIX вѣка въ западной Европѣ. Русское общество еще было мало подготовлено къ тому, чтобы воспринять лучшую его сторону. Правда, эти возвышенныя идеи наводнили западную Европу, жители которой стояли довольно высоко на нравственной ступени развитія; тамъ люди внутренно сознали послѣ долголѣтней борьбы все прекрасное, благородное и возвышенное, а поэтому тамъ романтизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи; въ Россіи же это явленіе было случайное, неожиданное и, какъ таковое, не могло быть сознано надлежащимъ образомъ, такъ какъ тому препятствовала лѣнь, апатія, нежеланіе трудиться, а потому и результаты его были плачевные. Къ счастью, общество

очнулось и въ короткое время начало уже понимать всю несостоятельность этой аффектаціи, и притомъ смѣшной. Само собой разумѣется, что молодежь не могла и не хотѣла съ этимъ считаться, такъ какъ самъ вѣкъ тому препятствовалъ. Но разъ старики стали охладѣвать къ этому романтизму, то всячески старались оказать свое убѣдительное вліяніе на молодое поколѣніе.

Разборъ романа „Обрывъ".

Волоховъ, какъ нигилистъ.

То, что извѣстно въ нашей литературѣ подъ именемъ нигилизма, представляетъ точное и умѣстное „выраженіе проявившагося историческаго факта". Значеніе этого историческаго факта то, что онъ явился толчкомъ обществу по пути прогресса, чувствительно поколебавъ старые общественные устои, непригодность которыхъ сдѣлалась очевидной, и расчистилъ мѣсто для новыхъ. Такимъ почти отрицателемъ является Маркъ Волоховъ въ романѣ „Обрывъ". Волоховъ отрицаетъ современный законъ, современное право, религію, собственность, находитъ нужнымъ рушить традиціонный порядокъ и одновременно видитъ необходимость также въ созидательной работѣ, у него имѣются болѣе или менѣе опредѣленные планы и предположенія о будущемъ человѣчества, онъ говоритъ о свободѣ и „грядущей силѣ", о „зарѣ будущаго", о „юныхъ надеждахъ". Волоховъ даже занимается усиленной пропагандой своихъ идей, застрявшій противъ воли въ провинціальной глуши, онъ не оставляетъ мысли объ общественной работѣ, по убѣжденію, и занимается тѣмъ, что „всприскиваетъ мозги живой водой", „учитъ дураковъ".

Основная черта Марка Волохова — это критическое отношеніе ко всему окружающему. Эта черта служитъ какъ нельзя лучшимъ доказательствомъ того, что онъ обладаетъ недюжиннымъ умомъ, трезвымъ разсудкомъ, не поддающимся никакому чувству, не отступающимъ ни передъ вѣрой, ни передъ инстинктомъ. Маркъ Волоховъ сознаетъ нелѣпость существованія въ обществѣ многихъ предразсудковъ,

безсознательныхъ, по его мнѣнію, „обычаевъ", традиціонныхъ положеній, натыкаться на которые приходится на каждомъ шагу, а обходить и избѣгать ихъ не полагается. Въ то же время герой этотъ не отрицаетъ принципа, какъ таковаго. У него имѣются свои вѣскія убѣжденія: онъ вѣритъ въ свадьбу, счастье, любовь, онъ сознательно относится къ роли, которую приходится ему играть въ провинціальномъ обществѣ, — что видно изъ его собственныхъ словъ, что онъ „дѣйствуетъ по убѣжденію" въ ея цѣлесообразности, по убѣжденію, основанному на опытѣ, какъ говоритъ онъ, но все же по убѣжденію, а не „въ силу ощущенія". Волоховъ уменъ не только потому, что родился съ усовершенствованнымъ механизмомъ въ головѣ, но онъ сумѣлъ путемъ постоянной работы мысли надъ каждымъ воспринимаемымъ впечатлѣніемъ развить свои умственныя способности и придать имъ такія черты, какъ проницательность, сообразительность, способность къ быстрой и вѣрной оцѣнкѣ всякаго факта, всякаго явленія. Такъ, Волоховъ сразу угадываетъ Райскаго, онъ отлично знаетъ всѣхъ въ городѣ и ни передъ кѣмъ не спасуетъ. Съ какой увѣренностью говоритъ онъ Райскому: „Вы не уѣдете... и романа не кончите ни живого, ни бумажнаго".... „Гдѣ ему! — онъ неудачникъ?" — объявляетъ онъ свои слова неудомѣвающему Козлову. Благодаря самоувѣренности, Волоховъ никогда не потеряется и въ самый критическій моментъ будетъ дѣйствовать спокойно, хладнокровно. Онъ отличается также рѣзкостью въ сужденіяхъ, или, вѣрнѣе, въ осужденіяхъ. Эта черта объясняется тѣмъ, что ему приходится встрѣчаться въ жизни съ массой явленій и фактовъ, ни съ чѣмъ съ его точки зрѣнія не оправдываемыхъ, не заслуживающихъ никакого снихожденія, а, напротивъ, откровеннаго, строгаго, а потому и рѣзкаго осужденія. Поэтому онъ говоритъ и грубости Райскому, пока еще не совсѣмъ его раскусилъ, и видитъ въ немъ только бездѣльнаго, пустого и развращеннаго свѣтскаго человѣка: его раздражаетъ наличность явленій, полность и нецѣлесообразность которыхъ для него такъ очевидна. Отчасти злоба, отчасти та же очевидная нелѣпость свѣтскаго этикета заставляетъ его совсѣмъ отбросить т. н. приличія, деликатность. И. Волоховъ на самомъ дѣлѣ не церемонится. Припомнимъ сцены его съ Райскимъ: какъ онъ у себя „на

квартирѣ“ снимаетъ съ него пальто, какъ требуетъ съ него денегъ, какъ, нисколько не сообразуясь съ тѣмъ, пріятно ли ему это или непріятно, — говоритъ съ нимъ о Вѣрѣ, о Маренныхъ, о „бабушкиной морали“. Онъ нисколько не стѣсняется ни съ кѣмъ: ни съ Вѣрой, ни съ Тушинымъ, ни тѣмъ болѣе съ Козловымъ. Подъ грубой внѣшностью у Волохова скрывается мягкая душа, доброе сердце. Это видно изъ словъ Козлова, который замѣчаетъ про Марка Волохова слѣдующее: „А вѣдь въ сущности предобрый! когда прихвораешь, ходитъ, какъ нянька, за лѣкарствомъ бѣгаетъ въ аптеку... И чего не знаетъ? Все! Только ничего не дѣлаетъ, да покою никому не даетъ шалунище непреходимый“. Привычка ставить на первый планъ знаніе и умъ заставляетъ его критически относится къ чувству. Мы видимъ, что онъ не вѣритъ въ любовь, какъ привязанность, симпатію, и, объясняя всякое влеченіе или побужденіе физическими ощущеніями, тѣмъ же объясняетъ и любовь. Къ романтизму относится онъ съ явнымъ презрѣніемъ. Вотъ что говоритъ онъ Вѣрѣ на предпослѣднемъ ихъ свиданіи: „Весь вѣкъ живете въ полѣ, въ лѣсу, и не видите этихъ опытовъ... Смотрите сюда, смотрите тамъ...“ Онъ показалъ ей на кучку кружившихся другъ около друга голубей, потомъ на мелькнувшихъ одна въ догонку другой ласточекъ. „Учитесь у нихъ, онѣ не умничаютъ“. Волоховъ даетъ совѣтъ хватать, ловить на лету счастье, разъ оно идетъ въ руки. Понятно отрицательное отношеніе Волохова къ браку: постоянство въ любви онъ считаетъ нелѣпостью.

Нѣкоторые поступки Волохова нельзя назвать честными. Хотя бы поддѣланное имъ письмо къ Райскому, или показаніе, данное имъ безъ согласія Райскаго губернатору относительно присутствія у него, Волохова, нелегальныхъ книгъ, полученныхъ будто бы отъ Райскаго. Впрочемъ, Волоховъ самъ сознается Райскому, что для него это „ни честно, ни нечестно, а полезно“. Волоховъ способенъ соврать, надуть и даже подвести человѣка, если это ему „полезно“! У Волохова ни въ чемъ не проявляются ни гордость, ни вообще чувство уваженія къ своей особѣ. Еслибы его побили, то онъ навѣрно не личную обиду почувствовалъ бы, а возмутился бы только надругательствомъ надъ правами и неприкосновенностью личности. Это, понятно, не ставится

ему въ вину, скромность не порокъ, а добродѣтель. Волохову не хватаетъ огромной душевной крѣпости и силы воли. Роль, которую онъ играетъ въ романѣ съ Вѣрой, какъ нельзя лучше подтверждаетъ это. Ему, какъ самъ онъ говорилъ, давно пора исчезнуть изъ города и заняться работой въ другомъ мѣстѣ. Въ необходимости работы онъ убѣжденъ, цѣлесообразность ея подтверждается опытами. Въ городѣ начали „шевелиться", и однако онъ не можетъ покинуть городъ изъ-за Вѣры, хотя онъ знаетъ, что, съ одной стороны, врядъ ли ему удастся переубѣдить Вѣду, а съ другой, если и удастся, то это будетъ только счастье нѣсколькихъ мѣсяцевъ для него и совершенно разбитая жизнь для Вѣры. Тотъ же недостатокъ силы воли, неумѣніе взять себя въ руки дѣлаютъ Волохова неспособнымъ къ усидчивому труду. Онъ ничѣмъ опредѣленнымъ и даже неопредѣленнымъ не занятъ, кромѣ „вприскиванія мозговъ живой водой". И это будто бы потому, какъ онъ объясняетъ Райскому, что „поприща, арены для него нѣтъ". „Я смертельно хочу дѣлать, но — я думаю — не буду" — откровенно признается онъ. Волоховъ разрушаетъ и на очищенномъ мѣстѣ тотчасъ же возводитъ новую постройку. Такова, по крайней мѣрѣ, цѣль его дѣятельности. Онъ не брезгаетъ даже старымъ матеріаломъ и пускаетъ его въ жизненный оборотъ, лишь спрыснувъ живой водой. Волоховъ нарисованъ, собственно говоря, весьма неясно, какъ общественный дѣятель. По отрывочно высказывамымъ имъ мыслямъ нужно заключать, что у него должна быть или должна была быть программа созидательной работы. Въ чемъ заключается эта программа, — весьма неясно. Все, что есть въ Волоховѣ опредѣленнаго и положительнаго, принадлежитъ нигилизму.

Вѣра.

Изъ романа мы знаемъ Вѣру, въ тотъ періодъ ея жизни, когда она любитъ, благодаря этому обстоятельству передъ читателемъ раскрывается до самой сокровенной глубины ея души. Извѣстно, что завязкой любого романа или какой угодно повѣсти обыкновенно служитъ любовь, такъ

какъ во время любви и связанныхъ съ нею волненій и борьбы лучше всего выясняются характеры дѣйствующихъ лицъ, давая возможность автору ярко и выпукло обрисовать и выяснить всѣ положенія взятаго имъ сюжета. Нерѣдко бываетъ, что мы знакомы съ даннымъ лицомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и мы всетаки не знаемъ ни его характера, ни его убѣжденія. Но стоитъ только ему серіозно полюбить, какъ сразу выходитъ наружу весь его внутренній обликъ. Дѣло тутъ въ томъ, что въ это время человѣкъ живетъ какъ бы удвоенною жизнью, напрягаетъ всѣ свои физическія и духовныя силы, и наблюдателю остается лишь отмѣчать одну за другой выказывающіяся такимъ образомъ черты его характера, чтобы узнать, что за человѣкъ находится подъ его наблюденіемъ. Такъ поступилъ Гончаровъ со своей героиней; благодаря его методу у Вѣры не сказывалось ни одной неясной черточки и она во весь ростъ стоитъ передъ нашимъ взоромъ.

Прежде всего Вѣра поражаетъ насъ своей самостоятельностью и гордымъ умомъ. Она красавица вдвойнѣ: физически и умственно. Точеныя черты лица, великолѣпные темные волосы, бархатный черный взглядъ ослѣпляли всякаго человѣка, кто только посмотрѣлъ на эту милую дѣвушку. Однако не одна только наружность Вѣры останавливала на себѣ вниманіе. Слѣдуетъ замѣтить, что ея разговоръ блисталъ юморомъ и остроуміемъ, сдѣланные ею выводы поражали глубиною и шириною захвата мысли; иногда, по временамъ проглядывала обширная начитанность, при томъ все это такъ просто, такъ естественно обнаруживалось, что собесѣдникъ отъ одного изумленія переходитъ къ другому, не успѣвая опомниться. Въ то же время невольно чувствовалось, что Вѣра не заимствовала свои выводы и убѣжденія, а выработала ихъ сама, развѣ лишь при посредствѣ чтенія. „Смѣлость, независимость мысли“ сквозили въ каждой фразѣ, быстрота мысли согласовалась съ быстротою взора, тамъ гдѣ не ощущался недостатокъ положительныхъ знаній, приходилъ на помощь безошибочный инстинктъ. Ко всему этому слѣдуетъ добавить обширную память, послѣ этого станетъ вполнѣ понятнымъ, почему всякій мало-мальски даже развитой человѣкъ падалъ ницъ передъ сокровищами ума Вѣры. Замѣчательно то, что Вѣра не сорила этими сокрови-

щами: она отличалась большою молчаливостью и замкнутостью. Послѣднее качество является одною изъ главныхъ отличительныхъ чертъ ея характера. Она любила уединеніе даже поселилась въ старомъ домѣ отдѣльно отъ бабушки и сестры. Сдѣлала Вѣра это еще и по той причинѣ, что была самостоятельна и свободолюбива въ высшей степени. Изъ ея разговоровъ съ Райскимъ и Волоховымъ видно, какъ она постоянно воевала съ ними изъ-за того, что оба они все хотѣли подчинить себѣ ея волю и умъ. Вѣра старалась всячески защищаться отъ ихъ нападенія при помощи всѣхъ своихъ умственныхъ средствъ; въ спорахъ на каждомъ шагу блеститъ ея остроуміе, жжетъ ея иронія. Даже отъ бабушки своей она сумѣла стать въ независимое положеніе, такъ какъ твердо рѣшилась жить своимъ умомъ и хотѣла быть рѣшительно свободна. Съ этой цѣлью Вѣра разъ навсегда поставила себя обособленно ото всѣхъ и никому не позволяла взять себя въ руки. Почти для всѣхъ она казалась и была непроницаемой, не желая ни передъ кѣмъ раскрывать свою душу и искусно умѣла владѣть собой. Только одна Наташа, жена священника, ея подруга по пансіону, пользовалась ея довѣріемъ, да Тушина она не дичилась. Вѣра была очень „осторожна и скупа въ симпатіяхъ“, потому что хорошо видѣла ничтожество окружающихъ, была очень горда и боялась ошибиться въ своемъ выборѣ, чтобы впослѣдствіи не раскаиваться. Вообще говоря, умъ ея властвовалъ надъ сердцемъ. Вѣдь и Маркъ Волоховъ „одолѣлъ сердце Вѣры, но не одолѣлъ ея ума и воли“. Увидѣвъ, что они непримиримо расходятся въ убѣжденіяхъ, Вѣра порвала съ Волоховымъ, несмотря на всю силу своей любви и страсти. Вотъ какъ она объясняетъ ему, почему полюбила его: „Мнѣ сначала было жалко васъ... Я горячо приняла къ сердцу вашу судьбу... Я страдала не за одинъ этотъ темный образъ жизни, но и за васъ самихъ, упрямо шла за вами, думала, что ради меня... вы поймете жизнь, не будете блуждать въ одиночку, со вредомъ для себя и безъ всякой пользы для другихъ... думала, что выйдетъ человѣкъ нужный, сильный“. Когда же ожиданія Вѣры не оправдались, она переломила себя, правда, съ трудомъ и сильной борьбой. Этому содѣйствовало и сознаніе долга, которое у Вѣры очень крѣпкое: она еще ни слова не сказала бабуш-

кѣ о своемъ знакомствѣ съ Волоховымъ, имѣя въ виду представить его ей, какъ своего жениха, она не могла жить съ нимъ, не обвѣнчавшись, такъ какъ это не согласно съ ея религіозными убѣжденіями. Въ Бога же и въ церковь Вѣра твердо вѣровала: она искала утѣшенія въ молитвѣ, просила благословенія бабушки, когда ее постигла катастрофа. Не взирая на всю свою гордость, Вѣра разсказала бабушкѣ при посредствѣ Райскаго всю исторію своихъ сношеній съ Маркомъ Волоховымъ, рѣшительно ничего не утаивъ, разсказавъ по той причинѣ, что такъ требовалъ ея долгъ, требовала ея правдивая въ высшей степени натура. Вслѣдствіе этого же Вѣра не скрыла этого и отъ Тушина, потому что онъ любилъ ее и даже сдѣлалъ ей предложеніе. Въ данный моментъ она разбила сердце двухъ любившихъ ее существъ, но въ другихъ случаяхъ она отличалась великодушіемъ и мягкостью: когда она вернулась съ послѣдняго свиданія съ Волоховымъ, то была потрясена до физическаго недомоганія, но, увидѣвъ страданія Райскаго, который только что глубоко обидѣлъ ее, она „забыла всю свою бурю" и подала ему руку помощи, полила его рану цѣлительнымъ бальзамомъ своего любовнаго участія. Любовью къ Волохову Вѣра была захвачена цѣликомъ, она дышала этой любовью, радовалась и горевала только по поводу этой любви. Здѣсь оказалось все „самоволіе ея мысли и чувства", вся ея страстность. Припомнимъ себѣ, сколько нужно было рѣшимости и смѣлости, чтобы познакомиться съ отверженнымъ всѣми „Варравой!" Однако все это стойко одолѣла Вѣра, отчасти, по всей вѣроятности, потому, что всѣ считали это чѣмъ-то ужаснымъ, Вѣра же была упряма и не дорожила общественнымъ мнѣніемъ. Она и вообще была очень смѣла въ своихъ поступкахъ и мысляхъ, отличаясь одновременно твердымъ характеромъ и полной самостоятельностью. Вѣра выступаетъ передъ нами готовой, сформировавшейся личностью, съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и съ сознаніемъ своихъ правъ и своего положенія въ мірѣ. Вообще, она обладаетъ глубокими чувствами, яснымъ умомъ и является въ высшей степени свѣтлой, чистой личностью, принадлежа, безъ сомнѣнія, къ разряду тѣхъ, кто ищетъ жизни духовной. Самъ авторъ въ своей статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда" говоритъ, что Вѣра есть одно изъ развѣтвленій типа

пушкинской Татьяны. Вотъ какъ Гончаровъ изобразилъ эту героиню въ своемъ романѣ.

Райскій.

Райскій не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ вліяній стараго строя жизни, несмотря на то, что онъ и не поддается ему въ сильной степени. Гончаровъ въ достаточной степени разработалъ этотъ типъ. Въ лицѣ Райскаго явился типичный представитель поколѣнія сороковыхъ годовъ. Самъ авторъ замѣчаетъ, что Райскій—это ближайшій сынъ Обломова, герой эпохи пробужденія, что видно изъ слѣдующихъ словъ Гончарова: „Сильный, новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель... Онъ умомъ и совѣстью принялъ новыя животворныя сѣмена, но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло". Это наглядно показываетъ, что намъ приходится искать въ Райскомъ, какъ героѣ переходной эпохи, такихъ качествъ и свойствъ, которыя сближаютъ его, во первыхъ, со старой дореформенной русской жизнью, а во—вторыхъ, такихъ, которыя дѣлаютъ его провозвѣстникомъ новаго направленія общественной мысли, которое расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ въ шестидесятые годы.

Чтобы уяснить себѣ характерныя черты типа Райскаго, принадлежащаго къ двумъ эпохамъ, необходимо бросить бѣглый взглядъ на эти эпохи и познакомиться съ ихъ сущностью, послѣ этого намъ, безъ сомнѣнія, станетъ понятнымъ типъ Райскаго.

Выраженіе „сороковые, шестидесятые" годы часто употребляется, вызывая соотвѣтствующее представленіе и въ умѣ говорящаго, и въ умѣ слушателей. Подъ этими выраженіями разумѣются соотвѣтствующія десятилѣтія прошлаго XIX столѣтія, ознаменованныя особеннымъ подъемомъ общественнаго самосознанія, особымъ характеромъ настроенія образованнѣйшей русской публики. Съ сороковыми годами въ исторіи русскаго самосознанія связано представленіе, какъ о времени идеалистовъ, философовъ, подчасъ смѣшныхъ, но вы-

зывающихъ умиленіе своею честностью и безкорыстіемъ. Лучшіе люди русскаго общества цѣликомъ погрузились въ идеалическую, нѣсколько туманную нѣмецкую философію Гегеля, Шеллинга и другихъ. Смѣлый полетъ мысли нѣмецкихъ толкователей о сущности вселенной увлекалъ пылкую молодежь, которая разбирала чуть ли не каждую букву вдохновенныхъ страницъ, сердца горѣли любовью къ ближнему, въ глубинѣ ихъ пробуждались самыя лучшія, возвышенныя чувства, умъ былъ занятъ желаніемъ постигнуть истину. И если въ сороковые годы немного дѣлали, а больше разсуждали, то причиной тому былъ въ извѣстной степени недостатокъ практичности у восторженныхъ мечтателей, но все же эти бесѣды и толкованія оставляли въ душахъ участниковъ самое чистое впечатлѣніе.

Разсуждая о развитіи духа человѣка, о правахъ его на свободу, лучшіе люди сороковыхъ годовъ были самыми ярыми противниками крѣпостного права и своими произведеніями, изобличающими весь вредъ крѣпостничества, немало способствовали постановкѣ дѣла реформы на прочный путь къ концу пятидесятыхъ годовъ. Не обошлось, правда, и безъ раздвоенія общества въ это время на двѣ партіи, но особаго вреда это раздвоеніе не принесло. Мы говоримъ о партіяхъ славянофиловъ и западниковъ, которыя ясно обозначились въ сороковые годы въ русскомъ обществѣ. Первые, называя остальную Европу „гнильнымъ Западомъ", превозносили смиреніе и другія особенныя качества русскаго народа и славянства вообще и предполагали слѣдовать по пути дальнѣйшаго развитія, руководствуясь исключительно культурными силами, взятыми изъ глубины русскаго народнаго духа. Они доходили даже до отрицанія пользы Петровскихъ реформъ, предлагали вовсе отвернуться отъ Западной Европы, развиваться изъ самихъ себя. Вторые настаивали на заимствованіяхъ съ Запада, на проведеніи въ русскую жизнь культурныхъ началъ, выработанныхъ прочими народами Европы, основываясь на томъ положеніи, что Россія слишкомъ отстала въ своемъ развитіи и собственными силами ей не догнать западныхъ европейцевъ. Истина, какъ обыкновенно бываетъ, была въ золотой серединѣ: надо было заимствовать лишь то, чего у насъ недоставало для блага народа, и что было плохо, и переработать это заимствованное, согласно специфическимъ,

т. е., особымъ условіямъ русской жизни. Однако, несмотря на крайность и противоположность воззрѣній, и славянофилы, и западники оказали большую услугу развитіемъ науки: первые положили много силъ (съ вполнѣ благими послѣдствіями) на изученіе русскаго народа: памятниковъ исторіи, пѣсенъ, обычаевъ, экономическихъ условій и проч., вторые популяризировали, распространяли среди широкихъ круговъ общества западную науку съ ея высокими моральными выводами и выгодными практическими послѣдствіями.

Но всетаки люди сороковыхъ годовъ больше говорили, чѣмъ дѣлали: дѣятельность выпала на долю „шестидесятниковъ"; но тутъ же слѣдуетъ прибавить, что безъ „сороковыхъ" годовъ, т. е., безъ ихъ направленія не было бы и „шестидесятыхъ". Сороковые годы дали идеи, освѣтили атмосферу, указали направленіе, а люди шестидесятыхъ годовъ пошли по этому направленію, дѣйствуя и разработывая частности.

Итакъ, главное отличіе шестидесятыхъ годовъ отъ сороковыхъ заключается въ томъ, что слово теперь перешло въ дѣло и притомъ дѣло такое, которое сразу вывело Россію на новый путь. Прекрасно и кратко опредѣляетъ значеніе этой эпохи Н. Энгельгардтъ, говоря: „Шестидесятые годы — это 19 февраля (1861 года)". Дѣйствительно, освобожденіе крестьянъ — вотъ та главная реформа, благодаря которой жизнь нашего отечества совершенно измѣнилась: не стало главнаго тормаза развитія просвѣщенія, экономическаго преуспѣянія страны, развитія чувства законности и проч. Но и помимо крестьянской реформы, въ шестидесятые годы было такъ много сдѣлано, что очень многія стороны современной нашей государственной и общественной жизни получили начало именно тогда; достаточно вспомнить судебную, земскую реформу, всесословную воинскую повинность, введенную въ 1874 году, но разработанную тогда же, чтобы понять все великое значеніе этого десятилѣтія. Несомнѣнно, общество было уже отчасти подготовлено къ нему и въ лучшей своей части горячо отозвалось на призывъ къ новой жизни. Но, не будь этого могучаго призыва, все осталось бы по старому.

Теперь разсмотримъ, какія цѣнныя данныя говорятъ въ пользу того, что Райскій отчасти примыкаетъ къ стари-

нѣ. Познакомившись съ романомъ, мы убѣдимся, что въ Райскомъ безспорно имѣются черты, наглядно свидѣтельствующія, что онѣ роднятъ этого героя съ романтическимъ настроеніемъ старой дворянской жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Съ другой стороны, необходимо согласиться, что Райскому совершенно чужда каррикатурная возня съ разнаго рода цвѣтами; правда, герой этотъ нисколько не мечтаетъ о вѣчной дружбѣ и неземной любви, однако любовь у него стоитъ на первомъ планѣ и довольно продолжительное время волнуетъ тайные уголки его внутренняго міра. Въ пламенной любви Райскій то и дѣло ищетъ бурныхъ порывовъ страсти, которая, подобно страшной грозѣ въ природѣ, можетъ считать воздухъ, легко освобождаетъ бурную душу отъ власти повседневныхъ дрязгъ, мелочей и разныхъ обыденныхъ невзгодъ и позволяетъ вздохнуть настоящей свѣтлой и чистой жизнью. И дѣйствительно, вся жизнь Райскаго, какъ видимъ изъ романа, исполнена погони за этимъ благороднымъ въ высшей степени чувствомъ и наполняетъ значительную часть его внутренняго міра. Отъ жизни беретъ онъ только внѣшнюю красоту, а отъ безобразія бѣжитъ, такъ какъ оно задѣваетъ его эстетическую сторону и вызываетъ гадливость. Въ данномъ случаѣ нѣтъ совершенно намека на гуманность, что въ такой сильной степени украшаетъ нравственную сторону человѣка. Физическое безобразіе или душевная слабость—это-то и нуждается въ гуманномъ отношеніи, сильное же и красивое можетъ обойтись и безъ него, но Райскій оказывается противоположнаго мнѣнія и даритъ богатствомъ своего вниманія „богатаго". По этой причинѣ красота влечетъ Райскаго, въ особенности же женская красота. Тутъ онъ дѣлается невмѣняемъ и ищетъ тайны въ самомъ ясномъ. Женщина красива — значитъ въ ней что-нибудь есть таинственное, что необходимо разгадать Райскому, но... „глаза привыкнутъ... воображеніе устанетъ, и впечатлѣніе износится... иллюзія лопнетъ, какъ мыльный пузырь, едва разбудивъ нервы". На служеніе красотѣ Райскій убиваетъ цѣлую жизнь, увлеченія мелькаютъ какъ въ калейдоскопѣ, такъ было, по крайней мѣрѣ, до встрѣчи съ Вѣрой, загадочный образъ мысли и дѣйствія которой оказались дѣйствительно-загадочными и дали обильную пищу Райскому для страданія и поклоненія. Но судьба зло

подшутила надъ нимъ и наглядно показала всю непримѣнимость „софизмовъ“ его. Толкуя Вѣрѣ о свободѣ чувства и софизмахъ страсти, Райскій, самъ того не подозрѣвая, доканчивалъ и облегчалъ работу Марку Волохову. Постоянно увлекаясь кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь, Райскій не былъ чуждъ „познаванія самого себя“. Онъ съ ужасомъ вглядывался и вслушивался въ дикіе порывы животной слѣпой натуры, самъ писалъ ей казнь и чертилъ новые заказы, разрушалъ въ себѣ великаго человѣка и создавалъ новаго. Онъ съ біеніемъ сердца и трепетомъ чистыхъ слезъ подслушивалъ, среди грязи и шума страстей, подземную тихую работу въ своемъ человѣческомъ существѣ какого-то таинственнаго духа, затихавшаго иногда въ трескѣ и дымѣ нечистаго огня, но не умершаго и просыпавшагося опять, зовущаго его сначала тихо, потомъ громче къ трудной и нескончаемой работѣ надъ собою, надъ идеаломъ человѣка“. Радостно трепеталъ онъ, вспоминая, что не жизненныя приманки, не малодушные страхи рвали его къ этой работѣ, а безкорыстное влеченіе искать и создавать красоту въ себѣ самомъ. Духъ манилъ его за собою въ свѣтлую таинственную даль, какъ человѣка и какъ художника, къ идеалу чистой человѣческой красоты. Вотъ это-то влеченіе въ даль и превратило Райскаго, столь богатаго талантами, въ неудачника. Нравственное свое совершенство онъ не былъ въ состояніи довести до конца, такъ какъ внѣшнія впечатлѣнія мѣшали его внутренней работѣ надъ самимъ собою. Еще болѣе характерной чертой времени является въ Райскомъ разногласіе между словомъ и дѣломъ, неспособность провести въ жизни тѣ идеалы, которые въ такую красивую форму облекаются въ его рѣчахъ. Такъ, онъ очень горячо рисуетъ передъ Бѣловодовой печальную картину русской деревни, гдѣ мать на произволъ судьбы бросаетъ ребятишекъ, чтобы работать на барской нивѣ, а мужъ ея „бьется въ бороздахъ на пашнѣ или тянется съ обозомъ въ трескучій морозъ, чтобы добыть хлѣба, буквально хлѣба, утолить голодъ въ семьѣ и, между прочимъ, внести въ контору пять или десять рублей“.

Услышавъ эти слова, Бѣловодова сильно взволновалась и въ недоумѣніи задаетъ ему вопросъ, какія мѣры онъ предпринимаетъ для облегченія горькой участи своихъ крестьянъ. Райскій даетъ ей слѣдующій отвѣтъ: „Мало дѣлаю

имъ — почти ничего, къ стыду моему или тѣхъ, кто меня воспитывалъ. Я давно вышелъ изъ опеки, а управляетъ все тотъ же опекунъ, и я не знаю какъ. Есть у меня еще бабушка въ другомъ уголкѣ, тамъ какой-то клочекъ земли есть, — въ ихъ рукахъ все же лучше, чѣмъ въ моихъ". То же самое слѣдуетъ сказать и объ его занятіяхъ искусствомъ. Одаренный отъ природы большими художественными способностями, горячо любя искусство и превознося на словахъ служеніе ему, Райскій на дѣлѣ бросается къ живописи, скульптурѣ, поэзіи и ни въ одной области не въ состояніи создать ничего путнаго и дѣльнаго, такъ какъ въ немъ нѣтъ умѣнія трудиться, онъ не имѣетъ для служенія дѣлу необходимой выдержки, „какъ гири на ногахъ, его тянетъ назадъ обломовщина". Въ спорахъ съ бабушкой Райскій произноситъ грозныя филиппики противъ изнѣженности, барства, крѣпостного права, а самъ съ величайшемъ удовольствіемъ спитъ на мягкой постели, любитъ хорошо покушать и „какъ прямой сынъ Обломова, даетъ ворча снимать съ себя сапоги"; что же касается крестьянъ, то онъ и шагу не сдѣлалъ, чтобы дать имъ свободу, за которую иногда такъ ратуетъ и горячо споритъ.

Вообще Райскій представляетъ собою поэтическую натуру, которая никоимъ образомъ не смѣетъ довести до конца свои начинанія. „Анализъ разрушилъ то, что создавала фантазія", — вотъ причина, благодаря которой изъ Райскаго не вышло ничего положительно-законченнаго. „Живой умъ и страстная душа" мѣшали ему сосредоточиться, чему много способствовала нѣкоторая вольность его взглядовъ. Вотъ что говоритъ Гончаровъ про оригинальныя заключенія Райскаго по поводу службы: „Судьба не есть сама цѣль, а только средство куда-нибудь дѣвать кучу люда, которому безъ нея не зачѣмъ бы родиться на свѣтъ. И еслибы не было этихъ людей, то не нужно было бы и той службы, которую они несутъ". Изъ этого ясно, что Райскій не имѣетъ въ виду пригласить себя къ той категоріи лицъ, которая родится для службы, равно какъ и службу не считаетъ существующей для себя. „И вотъ Райскому за тридцать лѣтъ", а онъ еще ничего не посѣялъ, не пожалъ и шелъ не по одной колеѣ". Райскій съ самого дѣтства не любилъ ничего такого, „что увлекало его изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительный,

который мало увлекалъ его въ свой потокъ и своею веселою стороною и своею суровой дѣйствительностью".

Одновременно съ вышеуказанными чертами Райскаго, которыя являются результатомъ вліянія стараго строя, на немъ кипитъ новая жизнь, новыя идеи, которыя никоимъ образомъ не могутъ ужиться со старымъ порядкомъ. Прежде всего его отношеніе къ народу. Своимъ чуткимъ сердцемъ понимая его бѣдственное положеніе, Райскій вмѣстѣ съ лучшими людьми своего времени желаетъ ему свободы и неоднократно задумывается о ней, какъ, напримѣръ, возвращаясь съ Тушинымъ домой по роднымъ полямъ. Онъ чуждъ затѣмъ сословныхъ предразсудковъ и не цѣнитъ вовсе своей родовитости, относясь съ пренебреженіемъ къ портретамъ представителей своего рода, „полинявшимъ господамъ въ робронахъ и манжетахъ". Онъ протестуетъ противъ семейнаго деспотизма, отстаиваетъ свободу личности, ведетъ горячіе споры по цѣлому ряду самыхъ разнообразныхъ вопросовъ съ представительницей минувшаго вѣка, бабушкой. Въ самомъ его восхищеніи искусствомъ чуется новое, свѣжее настроеніе, чуждое отживающей эпохѣ; онъ стоитъ за то, чтобы искусство сошло со своихъ высокихъ ступеней въ людскую толпу, служило жизни. Правда, всѣмъ благодарнымъ порывамъ Райскаго не осуждено осуществиться, перейти въ жизнь, но онъ ужъ не такъ много виноватъ въ этомъ. Онъ — родной сынъ своей среды, своей эпохи.

При смѣнѣ двухъ направленій жизни всегда встрѣчаются характеры, которые несутъ на себѣ всю тягость общественнаго перелома. Это нецѣльныя, раздвоенныя натуры. Райскій мучится отъ двойственности своей природы, отъ своего „двойнаго зрѣнія" и завидуетъ бабушкѣ, которая на все имѣетъ опредѣленные взгляды. „Я боюсь", — говоритъ онъ: „чтобы быть гуманнымъ и добрымъ, бабушка не подумала объ этомъ никогда, и гуманна и добра. Я недовѣрчивъ, холоденъ къ людямъ и горячъ только къ созданіямъ своей фантазіи; бабушка горяча къ ближнему и вѣритъ во все. Я вижу, гдѣ обманъ, знаю, что все — иллюзія, и не могу ни къ чему привязаться, не нахожу ни въ чемъ примиренія, бабушка не подозрѣваетъ обмана ни въ чемъ и ни въ комъ, кромѣ купцовъ, и любовь ея, снисхожденіе, доброта покоят-

ся на тепломъ довѣріи къ добру и людямъ, а если я... бываю снисходителенъ, такъ это изъ холоднаго сознанія принципа, у бабушки принципъ весь въ чувствѣ, въ симпатіи, въ ея натурѣ! Я ничего не дѣлаю, она весь вѣкъ трудится". Несчастье людей съ подобной раздвоенной натурой состоитъ въ томъ, что въ ихъ душѣ царитъ вѣчное, неизгладимое противорѣчіе: одной половиной своего существа, своими вѣрованіями, убѣжденіями, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ они — дѣти новаго времени, между тѣмъ какъ привычки, традиціи, слабость воли заставляютъ ихъ цѣпляться за старое, отжившее. Райскій въ полномъ смыслѣ этого слова примыкаетъ къ этимъ характерамъ. Выясняя смыслъ созданныхъ имъ образовъ, Гончаровъ говоритъ слѣдующее: „Подъ него подходили тогда многіе наши интеллигентные люди, считавшіеся передовыми. Ихъ называли романтиками, крайними идеалистами. Они пока еще порывались къ новому, много говорили, ставили себѣ идеалы, бросались отъ одного дѣла къ другому, искали дѣятельности. И туда, въ этотъ періодъ — ушло много растерявшихся втунѣ талантовъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго пути, сознательныхъ цѣлей и слѣдуемыхъ своей собственной и казенной обломовщиной".

Татьяна Марковна Бережкова.

Эта женщина стараго закала является выдающимся типомъ, въ которомъ отразились весьма ярко черты старой помѣщичьей жизни, основанной на крѣпостномъ правѣ. Авторъ романа самъ сознается, что этотъ образъ онъ писалъ съ русской старой хорошей женщины добраго стараго времени. Одной изъ ярко бросающихся въ глаза особенностей ея, какъ типичной представительницы господствовавшихъ понятій дореформенной дворянской жизни, является крайній консерватизмъ, вѣрность установившимся принципамъ, безсознательная боязнь всего новаго, въ какой бы формѣ оно ни обнаружилось или отразилось. „Бабушка говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости". Если этой женщинѣ иногда въ какихъ-ни-

будь новыхъ, неожиданныхъ случаяхъ жизни невольно даже приходилось отступать отъ незыблемо положенныхъ традиціями прошлаго порядковъ, то она прямо приходила въ крайнее смущеніе и нерѣдко безпокойно старалась всячески оправдать свои отступленія, отыскивая что-нибудь подобное въ прошломъ. Такимъ образомъ эта женщина представляетъ особое полное и живое олицетвореніе старины. Вѣрная ея замкнутой, родовой обособленности, она и слышать не хочетъ объ иной жизни, сколько-нибудь отличной отъ той, какую вели ея предки, „горизонтъ ея кончается, съ одной стороны, полями, съ другой, — Волгой и ея горами, съ третьей, — городомъ, а съ четвертой,—дорогой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ". Рóдовые и сословные интересы у нея стоятъ на первомъ планѣ. Такъ, она сокрушается горько о томъ, что ея внукъ собирается сдѣлаться артистомъ или „приказнымъ", такъ какъ это, по ея личнымъ взглядамъ и міросозерцанію, унизило бы въ значительной степени его родъ. Единственнымъ достойнымъ дворянина поприщемъ она признаетъ военную службу и желала бы видѣть внука не въ „кроткохвостомъ сюртучишкѣ", а въ эполетахъ, какъ дядю Сергѣя Ивановича. Авторитетъ старшихъ, въ глазахъ бабушки, есть незыблемая святыня, передъ которой слѣдуетъ неуклонно повиноваться; не повиноваться этому авторитету значитъ, по ея глубокому убѣжденію, прямо ввергнуться въ глубокую бездну, откуда нѣтъ рѣшительно никакого выхода. Марѳинька, которая воспитана въ ея правилахъ, не смѣетъ даже мечтать о чемъ-нибудь безъ разрѣшенія бабушки. Это ревнивое охраненіе авторитета и власти старшихъ дѣлаетъ бабушку до нѣкоторой степени деспотомъ, а если ея деспотизмъ не ложится тяжелымъ бременемъ на окружающую среду, то это происходитъ только по той причинѣ, что смягчается нѣжной любовью къ нимъ.

Изобразивъ старую дореферменную жизнь и ея представителей въ помѣщичьей средѣ, Гончаровъ въ „Обрывѣ" показалъ, какія натуры болѣе всего склонны къ тому, чтобы подчиняться этой жизни и въ то же время съ большей или меньшей вѣрностью хранить ея завѣты. Это — Марѳинька и Викентьевъ. Эта чета нисколько не безпокоитъ бабушки. Ей извѣстно, что онѝ „изъ послушанія ея не выйдутъ и будутъ жить, какъ она укажетъ". И бабушка

въ этомъ случаѣ не ошибается. Мареинька и ея женихъ принадлежатъ къ тѣмъ натурамъ, которыя съ самаго рожденія оказываются вполнѣ приспособленными къ окружающей ихъ дѣйствительности, удовлетворяются тѣмъ, что она можетъ дать имъ, невольно проникаются господствующими идеями и не пытаются передѣлать ея застывшихъ, опредѣленныхъ формъ.

Тушинъ.

Тушинъ въ данномъ романѣ — положительный типъ „новаго человѣка", представитель „нашей настоящей партіи дѣйствія", залогъ „нашего прочнаго будущаго". Черты чрезмѣрной идеализаціи этого образа обнаруживаются на каждомъ шагу. Какъ выразился одинъ критикъ, Тушинъ — „это экстрактъ всевозможныхъ добродѣтелей. Въ немъ мы находимъ „и мускульную силу, и желѣзную волю, и змѣиную мудрость, и голубиную кротость, и наивную простоту, и энергическую дѣятельность, и умѣніе жить-поживать, да и добро наживать, да такое добро, чтобы и самъ онъ катался, какъ сыръ въ маслѣ, и мужички его благодѣйствовали". Какъ могла сложиться такая необыкновенная личность при условіяхъ крѣпостного права, авторъ романа не разсказываетъ подробно, а ограничивается общими замѣчаніями о томъ, „что это чистый самородокъ, какъ слитокъ благороднаго металла", что онъ „не что иное, какъ равновѣсіе силы ума съ суммою тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли" и т. п. Однако если видѣть въ Тушинѣ случайное счастливое соединеніе разнообразныхъ положительныхъ свойствъ человѣческаго духа, можно утверждать, что на смѣну старой жизни „на всей лѣстницѣ общества" явятся новые работники — Тушины, такъ какъ „самородки" и въ человѣческой средѣ не такъ то часто встрѣчаются". Тушинъ, какъ Волоховъ, оказался слабымъ въ художественномъ отношеніи образомъ. Въ немъ Гончаровъ пытался воплотить новыя теченія въ русской жизни, какъ они представлялись его творческому воображенію. Но, по свойствамъ своего таланта, Гончаровъ могъ удачно изображать только установившіяся, успокоившіяся формы жизни, принявшія вполнѣ опредѣлен-

ный законченный видъ. Все то, что находилось въ процессѣ развитія, что не поддавалось поэтому медленному и вдумчивому наблюденію, то выходило слишкомъ блѣднымъ, иногда даже фальшивымъ въ его воображеніи.

Въ этихъ трехъ разобранныхъ нами романахъ изображаются не только характерные типы представителей жизни 40—60 годовъ. Но передъ глазами читателей проходятъ, кромѣ помѣщиковъ, крѣпостная дворня, чиновничество, столичная и провинціальная аристократія, и всѣ эти слои русскаго общества выступаютъ въ рѣдко правдивыхъ, художественныхъ образахъ, давая всѣ вмѣстѣ единственную по своей яркости, полнотѣ и законченности картину дореформенной Руси въ послѣднія два—три десятилѣтія ея существованія. Благодаря этому обстоятельству три вышеупомянутые романа Гончарова представляютъ собою весьма богатый матеріалъ для изученія русской жизни, главнымъ образомъ, ея культурныхъ классовъ. Эти романы сохранили для потомства неувядаемые портреты старой Руси, какой она была не въ лучшихъ ея представителяхъ, а въ „среднемъ человѣкѣ". Несмотря на все это, вышеупомянутые романы навсегда останутся выдающимися произведеніями художественнаго слова, согрѣтаго теплою любовью автора къ человѣку, участливымъ отношеніемъ къ его страданіямъ, ошибкамъ и заблужденіямъ, свѣтлою вѣрою въ зарю лучшаго будущаго.

Славянофилы и западники.

Славянофильство — это русская литературная школа, создавшаяся около половины тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, процвѣтавшая въ сороковые и пятидесятые годы того же столѣтія и постепенно выродившаяся къ концу вѣка въ безпринципный національзмъ. Славянофиловъ не слѣдуетъ смѣшивать съ этими націоналистами или съ старовѣрами, въ родѣ Шишкова и его литературнаго кружка. Славянофильство не было панславизмомъ. Оно было направленіемъ, самостоятельно возникшимъ изъ русскаго литературнаго движенія и затѣмъ въ теченіе полустолѣтія совершившимъ полный циклъ своего развитія. Первые годы правленія Александра I, возбужденіе Отечественной войны, долгое пребываніе значительной части русскаго культурнаго общества заграницей и живое общеніе съ культурными слоями Германіи и Франціи, вмѣстѣ съ наслѣдствомъ уже значительнаго литературнаго движенія екатерининской эпохи и карамзинскаго періода, вызвали къ началу двадцатыхъ годовъ обширное литературное и общественное движеніе и значительное броженіе идей. Большею частью это были идеи, усвоенныя изъ западной литературы и направлявшія къ сближенію русской жизни съ западно-европейскою, но въ ихъ числѣ слышался порою и протестъ противъ слѣпого обезьянства. Вспомнимъ рѣчи Чацкаго въ комедіи Грибоѣдова. Въ нихъ можно видѣть первые проблески славянофильскаго направленія. Въ то время, какъ писалась знаменитая комедія, уже начинали свою теоретическую дѣятельность будущіе основатели славянофильства Ив. Кирѣевскій и Хомяковъ. Вмѣстѣ съ княземъ В. Одоевскимъ и поэтомъ Веневитовымъ они начали изучать философію Шеллинга и, согласно идеямъ Шеллинга о значеніи элемента національнаго въ исторіи, старались раскрыть вѣроятное историческое значеніе русской національности.

Въ этомъ періодѣ однако они еще не противопоставляли русскую идею западной, и Кирѣевскій былъ редакторомъ журнала „Европеецъ", запрещеннаго за приверженность именно западнымъ идеямъ. Смерть Веневитинова, запрещеніе журнала, удаленіе Кирѣевскаго и Хомякова въ деревни разстроили кружковую работу и дали досугъ для мышленія о судьбахъ горячо любимой родины. А думать о родинѣ надо было много, потому что она переживала тяжелую годину. Идеалистическое движеніе двадцатыхъ годовъ потерпѣло полное крушеніе, литература стѣснена, будущее представлялось мрачнымъ и опаснымъ. Всѣ мыслящіе люди задумывались надъ судьбами отечества. Гоголь нарисовалъ ужасающую картину быта, Лермонтовъ клеймилъ нечестіе и бездѣйствіе современнаго поколѣнія, гдѣ же исходъ? Большинство мыслящихъ людей видѣло исходъ въ сближеніи съ западною цивилизацію: это были Герценъ, Бѣлинскій, Грановскій, вообще западники. Кирѣевскій и Хомяковъ увидѣли исходъ совершенно напротивъ въ отреченіи отъ запада, въ возвратѣ къ дореформенной московской Руси и въ самобытномъ развитіи русской культуры, основою которой признавали православіе. Именно въ православіи, понятомъ и разъясненномъ въ духѣ русскаго народнаго начала, они видѣли тотъ національный вкладъ, который внесла Россія во всемірную исторію, обнявъ этимъ своимъ началомъ дряхлѣющую жизнь запада, выросшую на разсудочной почвѣ древняго Рима. Къ этому же времени уже выработались идеи и К. Аксакова, но на почвѣ гегеліанства и его исторической философіи. Онъ и далъ славянофильству философію русской исторіи, увидѣвъ въ древней общинѣ и въ единеніи власти, общества и народа въ соборахъ основную идею древнерусской исторіи. Изъ другихъ представителей школы. Ю. Самаринъ систематизировалъ идеи, полнѣе согласуя православную основу и до Кирѣевскаго и Хомякова и философа исторіи К. Аксакова, а Ив. Аксаковъ, ничего не внеся своего въ доктрину, явился ея широкимъ популяризаторомъ. Со смертью въ 1886-мъ году И. Аксакова это ортодоксальное славянофильство вымерло. Иногда считаютъ его продолженіемъ такъ наз. „почвенниковъ", А. Григорьева, Страхова, К. Леонтьева, но это едва ли справедливо. Доктрина старыхъ славянофиловъ искала всемірной исторической роли

русскаго народа, тогда какъ названные авторы были привержены русской самобытности безъ всякихъ широкихъ всемірныхъ программъ и совершенно не интересуясь планами возрожденія и обновленія человѣчества. Нѣсколько ближе къ этимъ программамъ стоялъ Н. Данилевскій, который ввелъ доктрину въ систематическую схему, но сильно понизилъ философскую мысль. Порожденіе специально тяжелой годины, славянофильство и вымерло съ окончаніемъ этихъ специальныхъ условій.

Подъ именемъ западничества въ исторіи русской литературы извѣстно обширное движеніе мысли въ сороковыхъ, отчасти въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Это было главное и основное теченіе литературы, нѣсколько односторонне освѣщаемое параллельнымъ, но болѣе мелкимъ, побочнымъ литературнымъ теченіемъ славянофильскимъ. Оба эти литературныя теченія, составляющія вмѣстѣ все содержаніе богатой литературной эпохи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ коренятся въ одномъ и томъ же явленіи, въ состояніи разочарованія и скептицизма, охватившихъ русскую мысль послѣ богатаго и очень оптимистическаго литературнаго и общественнаго движенія двадцатыхъ годовъ. Въ эти года не было ни западниковъ, ни славянофиловъ. Были романтики въ литературѣ и либералы въ обществѣ. Тѣ и другіе — большею частью тѣ же лица — были сторонниками просвѣщенія, свободы и гуманности. Тѣ и другіе вѣрили въ близкую осуществимость своихъ идеаловъ, въ силу правды, въ благородство человѣческой личности, въ готовность народовъ вообще, русскаго народа въ частности, воспринять и воплотить эти идеалы. Поэзія Пушкина явилась наиболѣе полнымъ выраженіемъ этого оптимистическаго движенія исполненнаго вѣры и не считавшагося съ исторической дѣйствительностью. Эта историческая дѣйствительность скоро принесла рядъ горькихъ разочарованій идеалистамъ двадцатыхъ годовъ. Послѣ крушенія либераловъ въ обществѣ наступила очередь и литературы: „Европеецъ“, „Литературная газета“, „Московскій телеграфъ“, „Телескопъ“, „Молва“ были послѣдовательно прекращены. Многіе писатели подверглись опалѣ. Цѣлыя полосы жизни стали недоступны литературному обсужденію и надежды на близкое осуществленіе идеалическихъ стремленій двадцатыхъ годовъ смѣнились пол-

ною и непререкаемою увѣренностью въ ихъ неосуществимость, частью вслѣдствіе несостоятельности самыхъ идеаловъ, частью вслѣдствіе неизвѣстности, низменности среды, ничтожности человѣчества, холопскаго духа народовъ. Лермонтовская поэзія явилась геніальнымъ выраженіемъ сомнѣнія въ идеалахъ и въ человѣчествѣ. Гоголевское же творчество отвѣтило на вторую сторону естественнаго настроенія времени, явилось критикою исторической дѣйствительности русской среды, той среды, которая не поняля, не оцѣнила и не поддержала великодушныхъ идеалистовъ предшествующаго періода. Тридцатые годы и были эпохой этихъ сомнѣній и этой критики и идей и среды. Изъ этой критики должно было вырости творчество новыхъ идей и новыхъ идеаловъ Литературная и общественная мысль прогрессирующаго народа не можетъ замкнуться въ однихъ сомнѣніяхъ и въ безысходномъ скептицизмѣ, вырождающемся въ этомъ случаѣ въ политическій пессимизмъ, какъ оправданіе исключительно личныхъ мотивовъ поведенія и дѣятельности. Всегда эпоха сомнѣнія и критики порождаетъ и это явленіе, но въ живомъ и жизнеспособномъ народѣ это будутъ лишь совершенно побочные притоки. Въ главномъ же руслѣ, послѣ сомнѣній и критики, вызванныхъ жестокими уроками исторіи, наступаетъ волна новаго творчества идей и новой вѣры. Западничество и славянофильство и явились этимъ новымъ творчествомъ и исполненнымъ новой вѣры. Пушкинская эпоха вѣрила, идеализуя дѣйствительность. Новая эпоха, наступившая послѣ тяжелыхъ сомнѣній и безпощадной критики, возвратила вѣру, но безъ идеализаціи среды, или, по крайней мѣрѣ, безъ той идеализаціи, которой отличалась предыдущая эпоха.

Идеалисты дватцатыхъ годовъ думали продолжать дѣло Петра, ратуя за просвѣщеніе и свободу. Крушеніе ихъ стремленій показало, что общество и народъ не на ихъ сторонѣ. Отчего же отчужденіе общества и народа отъ безкорыстныхъ и великодушныхъ защитниковъ интересовъ и достоинства этихъ самыхъ общества и народа? Потому, что общество и народъ еще живутъ въ варварскомъ, азіатскомъ быту, завѣщанномъ монгольскимъ игомъ и поддерживаемомъ и крѣпостнымъ состояніемъ и общею некультуральностью, усвоеніе цивилизованнаго быта Запада только и можетъ

устранить эту причину и обезпечить великое и славное будущее великому народу; такъ говорили одни и получили названіе западниковъ. Другіе отвѣчали, что причина зла, напротивъ, въ усвоеніи западной цивилизаціи, а спасеніе—въ возвращеніи къ основамъ самобытной русской культуры доисторическаго періода; ихъ назвали славянофилами. Сознаніе несостоятельности современной русской дѣйствительности подсказало эти два выхода: усвоеніе западно-европейской культуры или возвращеніе къ старинѣ.

Западническое направленіе было много богаче силами и талантами. Къ нему принадлежали Тургеневъ, Некрасовъ, Достоевскій, Гончаровъ, Майковъ, Огаревъ Анненковъ, Дружининъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ, Катковъ, В. Боткинъ, Бакунинъ, Соловьевъ, Гагаринъ, Салтыковъ, Толстой, Плещеевъ, Ешевскій, Панаевъ, Пальмъ, В. Милютинъ и многіе другіе, но руководящими фигурами, творцами этого широкаго литературнаго потока были Герценъ, Бѣлинскій и Грановскій. Философское обоснованіе доктрины и ея выраженіе въ практической програмѣ далъ Герценъ, историческое истолкованіе принадлежитъ Грановскому, наиболѣе яркое литературное выраженіе и широкая популяризація были дѣломъ Бѣлинскаго.

Оставляя въ сторонѣ стадіи первоначальнаго развитія западнической доктрины и останавливаясь лишь на ея окончательно выработанной формѣ, какъ она сложилась въ серединѣ сороковыхъ годовъ, мы можемъ сказать, что она опиралась на лѣвое крыло гелельянской школы, преимущественно на Фейербаха. Она признавала самобытность національнаго развитія, видѣла въ послѣдовательной смѣси господствующихъ культуръ естественную эволюцію человѣчества къ блеску и гуманности, но чтобы эта смѣна была дѣйствительнымъ осуществленіемъ міровой эволюціи (а не случайнымъ отклоненіемъ процесса), доктрина требовала, чтобы каждая послѣдующая культура была предварительно оплодотворена усвоеніемъ главныхъ и важнѣйшихъ сторонъ предыдущихъ культуръ. Отсюда и для Россіи требованіе усвоенія западно-европейской культуры, безъ чего русская культура никогда не станетъ міровою культурою, не въ состояніи будетъ проявить своей національной самобытности, не въ состояніи будетъ стать великою и благодѣтельною. Въ такомъ чистомъ и законченномъ видѣ западническая доктрина процвѣтала

лишь въ сороковыхъ годахъ. Въ пятидесятые годы она была поколеблена тяжелыми уроками европейской и русской имперіи и разбилась на массу мелкихъ группъ, изъ которыхъ въ шестидесятые годы выросли новыя школы, взаимно враждебныя и другъ другу больше далекія, чѣмъ были западники и славянофилы. Сохранялся еще терминъ, потому что сохранялись еще славянофилы. Съ исчезновеніемъ послѣднихъ вышло изъ употребленія и слово *западники*. Расширять значеніе этого названія до включенія въ него всѣхъ сторонниковъ западной культуры отъ Петра Великаго до нашего времени, какъ это иногда дѣлается, несправедливо. Имя это принадлежитъ опредѣленной доктринѣ, строго законченной и занимающей въ русской исторіи свое особое мѣсто.

Тимоѳей Николаевичъ Грановскій.

Т. Н. Грановскій, змаменитый профессоръ московскаго университета, родился 9-го марта 1813 г. въ Орлѣ, а умеръ 4-го октября 1855 года въ Москвѣ. По происхожденію онъ принадлежалъ къ зажиточной помѣщичьей семьѣ, благосостояніе которой было однако съ теченіемъ времени разстроено безпорядочностью отца Грановскаго. Первоначальное образованіе Грановскій, благодаря беззаботности отца, было крайне безсистемно и недостаточно. Сперва онъ воспитывался дома подъ надзоромъ гувернеровъ иностранцевъ, ознакомившихъ его съ французскимъ и англійскимъ языками, затѣмъ 13 лѣтъ отъ роду былъ отданъ въ одинъ изъ нѣмецкихъ пансіоновъ въ Москвѣ, гдѣ пробылъ однако лишь неполныхъ два года, не успѣвъ за это время даже научиться нѣмецкому языку. Съ 15 лѣтъ Грановскій былъ уже предоставленъ самому себѣ и жилъ въ родительской семьѣ, то въ Орлѣ, то въ подгородномъ имѣніи отца Богорѣльцѣ. Въ эти годы въ немъ развилась, какъ кажется отчасти подъ вліяніемъ матери, страсть къ чтенію, но читалъ онъ по преимуществу произведенія изящной литературы, мало помышляя о своемъ образованіи. Повидимому, впрочемъ, увлеченіе романами Вальтеръ-Скотта уже тогда вызывало въ немъ интересъ къ исторіи. Въ 1831 году отецъ опредѣлилъ Грановскаго на службу въ департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Пріѣхавъ съ этой

цѣлью въ Петербургъ, Грановскій въ новой обстановкѣ скоро однако почувствовалъ себя „невѣждой и глупцомъ" и рѣшилъ изъ чиновника обратиться въ студента. Съ большимъ трудомъ, терпя серіозныя матеріальныя лишенія, подготовился онъ къ экзамену и въ 1832 году вступилъ въ число студентовъ юридическаго факультета. Выборъ факультета былъ всего болѣе обусловленъ незнакомствомъ Грановскаго съ греческимъ языкомъ, необходимымъ для поступленія въ историко-филологическій факультетъ. Въ сущности же Грановскій, не собираясь становиться юристомъ, искалъ въ университетѣ главнымъ образомъ общаго образованія и въ годы студенчества занимался по преимуществу изученіемъ западно-европейской исторіи и литературы. Петербургскій университетъ, не блиставшій въ ту пору сколько-нибудь замѣтными научными силами и скорѣе напоминавшій среднюю школу, не могъ дать ему многаго и развѣ лишь пріучилъ его къ систематическимъ занятіямъ. Но за эти годы Грановскій самъ энергически трудился надъ своимъ образованіемъ и пріобрѣтенное имъ знакомство съ трудами такихъ корифеевъ французской и англійской исторической литературы, какъ Мишле, Гизо, Тьерри, Робертсонъ, Юмъ и Гиббонъ, окончательно укрѣпило въ немъ зародившійся раньше интересъ къ исторіи. Будучи еще студентомъ, онъ и самъ сталъ печатать компилятивныя историческія статьи въ „Библіотекѣ для Чтенія" Сенковскаго. Богатыя способности Грановскаго обратили на себя вниманіе, и съ окончаніемъ имъ въ 1835 году курса въ университетѣ ему предложено было отправиться на казенный счетъ заграницу для приготовленія къ профессурѣ. По личнымъ соображеніямъ Грановскій отклонилъ однако это предложеніе. Онъ поступилъ на службу въ морское министерство и продолжалъ заниматься литературой, помѣщая свои работы въ журналѣ Сенковскаго и въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ" Плюшара. Вскорѣ однако онъ снова получилъ приглашеніе ѣхать заграницу для приготовленія къ профессурѣ, исходившее отъ московскаго попечителя, графа Строганова, который прилагалъ въ то время энергичныя усилія къ обновленію профессорскаго состава московскаго университета. На этотъ разъ Грановскій принялъ предложеніе и въ 1836 году отправился въ Берлинъ. Здѣсь онъ прожилъ три года, изъ нихъ два вмѣстѣ съ Н. В. Стан-

кевичемъ, съ которымъ онъ познакомился передъ выѣздомъ заграницу, и который оказалъ на него могущественное вліяніе. Въ берлинскомъ университетѣ, пользовавшемся тогда громкою славой во всей Европѣ, Грановскій нашелъ богатую пищу для своего ума. Среди другихъ профессоровъ онъ слушалъ лекціи Ранке, Савиньи и Риттера, изъ которыхъ два послѣдніе особенно сильно повліяли на него. На ряду съ этимъ онъ подъ руководствомъ профессора Вердера изучалъ философію Гегеля, главныя идеи которой были прочно усвоены имъ и легли затѣмъ въ основу его собственнаго міросозерцанія. Три года проведенные Грановскимъ въ упорной и сосредоточенной работѣ заграницей, дали ему возможность хорошо ознакомиться съ главными направленіями научной мысли Запада и овладѣть пріемами и выводами современной ему исторической науки. По мѣрѣ возможности онъ наблюдалъ въ это время и общественную жизнь Западной Европы, ища въ ней дополненій и поправокъ къ своимъ научнымъ воззрѣніямъ. Наука уже въ это время настолько имѣла цѣну въ глазахъ Грановскаго, насколько она бралась и была способна истолковывать и объяснять жизнь, и онъ не стремился замкнуться въ тѣсныя рамки узкой спеціальности. Въ 1839 году онъ вернулся въ Россію, вступилъ на каѳедру западно-европейской исторіи въ московскомъ университетѣ, на которой и оставался въ теченіе 16 лѣтъ, до самой смерти. Въ 1845 году онъ выпустилъ въ свѣтъ и защитилъ свою магистерскую диссертацію: „Волинъ, Іомсбургъ и Винета“, въ 1849 году докторскую: „Аббатъ Сугерій“. Кромѣ этихъ книгъ, Грановскій время отъ времени писалъ статьи историческаго содержанія въ журналахъ, по примуществу по вовопросамъ средневѣковой исторіи, которую онъ выбралъ своею спеціальностью. Его сочиненія, собранныя послѣ его смерти въ двухъ томахъ, выдержали до настящаго времени 3 изданія.

Главное значеніе Грановскаго заключалось, впрочемъ, не въ литературной, а въ профессорской его дѣятельности. Русскіе университеты той поры, когда онъ вступилъ на каѳедру, только еще начинали выходить изъ долго длившагося младенческаго періода своего существованія, и Грановскій явился однимъ изъ самыхъ крупныхъ и благородныхъ дѣятелей того поворота въ судьбѣ этихъ учрежденій, которыя обратилъ ихъ въ истинные разсадники высшаго научнаго

знанія въ странѣ и на нѣсколько десятилѣтій обезпечилъ болѣе виднымъ ихъ представителямъ серіозный нравственный авторитетъ въ глазахъ образованной части общества. Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ сферѣ умственныхъ интересовъ передовыхъ слоевъ русскаго общества произошла крутая перемѣна. Характерное для начала XIX столѣтія увлеченіе французскими и англійскими политическими теоріями послѣ того круженія, какое въ половинѣ 20-хъ годовъ потерпѣли эти теоріи на почвѣ русской дѣйствительности, смѣнилось въ слѣдующемъ десятилѣтіи увлеченіемъ нѣмецкой идеалистической философіей, въ которой надѣялись найти истолкованіе дѣйствительности, а примиреніе съ нею. Съ конца тридцатыхъ годовъ московскій университетъ сталъ играть видную роль въ этомъ умственномъ теченіи. Грановскій засталъ уже въ Москвѣ нѣсколько талантливыхъ молодыхъ профессоровъ, подобно ему испытавшихъ на себѣ вліяніе нѣмецкой философіи и науки и вводившихъ своихъ слушателей въ кругъ ея идей. Позднѣе число такихъ профессоровъ еще увеличилось. Въ самомъ скоромъ времени Грановскій занялъ однако въ ихъ ряду первое мѣсто и, по общему признанію, сохранялъ его до своей смерти, пользуясь наибольшимъ авторитетомъ среди товарищей и наибольшею популярностью въ среди студентовъ и общества. Въ его богато одаренной личности сильный и проницательный умъ ученаго изслѣдователя счастливо соединялся съ блестящимъ талантомъ художника слова, неотразимо увлекавшимъ аудиторію, а его чистый и благородный характеръ налагалъ неизмѣнный отпечатокъ гуманности на все его мышленіе и давалъ ему возможность такого глубокаго нравственнаго вліянія на слушателей, какое было бы недоступно для людей съ менѣе тонкой духовной организаціей.

Въ своихъ научныхъ воззрѣніяхъ Грановскій первоначально всецѣло стоялъ на почвѣ идей, воспринятыхъ имъ изъ ученія т. н. органической школы нѣмецкихъ историковъ и изъ философіи Гегеля. Въ прямую противоположность французскимъ теоретикамъ XVIII вѣка онъ отказывался видѣть въ духовной природѣ человѣка простой результатъ внѣшнихъ условій и усматривалъ въ обществѣ не механическое соединеніе отдѣльныхъ личностей, возникшее въ силу ихъ свободнаго договора или насильственнаго подчиненія,

а живой организмъ, развивающійся по опредѣленнымъ и неизмѣннымъ законамъ. Принимая положеніе Гегеля о тождествѣ быта и мышленія, въ силу котораго субъективный духъ и міръ подчинены одному закону, онъ представлялъ всю исторію въ видѣ процесса развитія всемірнаго духа, совершающагося путемъ смѣны противорѣчивыхъ и затѣмъ примиряющихся въ высшемъ синтезѣ идей, которыя воплощаются въ отдѣльныхъ народахъ съ ихъ національнымъ духомъ. Исторія каждаго народа создается, по этому взгляду, его духомъ, который въ качествѣ живой и дѣятельной силы переработываетъ всѣ приходящія извнѣ вліянія и порождаетъ всѣ существенныя явленія въ жизни народа: „дѣла народа, его судьбы, учрежденія, религія, языкъ, искусство—суть откровенія народнаго духа, органы его дѣятельности“. Отдѣльныя личности, не исключая и великихъ людей, служатъ лишь орудіями проявленія этого народнаго духа. Происхожденіе и сущность послѣдняго покрыты непроницаемой тайной, но наука можетъ изслѣдовать законы его развитія, и задача историка заключается въ томъ, чтобы „показать, что случившееся должно было случиться по внутреннему логическому закону, оправдать исторію“. Въ свѣтѣ этихъ представленій исторія переставала быть собраніемъ разрозненныхъ и случайныхъ фактовъ. Она обращалась въ строго закономѣрный процессъ развитія, и ея изученіе становилось главнымъ источникомъ пониманія современности. Такое понятіе объ исторіи Грановскій сохранилъ въ теченіе всей своей дѣятельности, но остальныя положенія указанной схемы подверглись съ теченіемъ времени въ его умѣ серіозной переработкѣ, въ значительной мѣрѣ устранившей ихъ первоначальную узость и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожившей тѣ слѣды общественнаго консерватизма, которые были наложены на эту систему идей ея первоначальными творцами. Матеріалъ для такой переработки былъ доставленъ ему частью дальнѣйшимъ развитіемъ философіи Гегеля въ трудахъ т. н. лѣвыхъ гегельянцевъ, частью работами французской исторической школы, разыскивавшей зародыши и начала личности и политической свободы въ среднихъ вѣкахъ, частью, наконецъ, историко-этнографической литературой его времени и естественными науками, за быстрымъ прогресомъ которыхъ онъ слѣдилъ и непосредственно и при помощи своихъ друзей, главнымъ

образомъ, Герцена. Эти разностороннія занятія помогли Грановскому высвободиться изъ-подъ власти первоначально усвоенныхъ формулъ и выработать болѣе глубокіе взгляды на задачи и содержаніе исторіи. Уже очень скоро онъ также опредѣлилъ наукою задачу историка лишь какъ объясненіе фактовъ, которое не должно и не можетъ быть тождественно съ оправданіемъ ихъ. При этомъ онъ не уклонялся отъ нравственнаго суда надъ событіями прошлаго и даже считалъ такой судъ необходимымъ въ интересахъ живущихъ поколѣній, но строго отдѣлялъ его отъ научнаго объясненія хотя исторіи и съ горькимъ осужденіемъ отзывался о тѣхъ историкахъ, которые видятъ въ успѣхѣ конечное оправданіе, въ неудачѣ — приговоръ всякаго историческаго подвига. Равнымъ образомъ скоро была отвергнута Грановскимъ и та прямолинейность процесса развитія народнаго духа, которую онъ сперва признавалъ вслѣдъ за органическою школой. Въ этомъ процессѣ онъ сталъ позднѣе различать два противоположныхъ теченія — массовой и индивидуальной психологіи и главное содержаніе исторіи въ его глазахъ составило развитіе индивидуализма. Массы, писалъ онъ, „коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи. Ея задача — нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій, личность и сообразно требованіямъ такой личности общество“. Наконецъ, Грановскій измѣнилъ современемъ и свою оцѣнку матеріальныхъ факторовъ въ жизни человѣчества. Отъ идеалистическаго монизма онъ перешелъ къ дуализму духа и матеріи, признавая, что сами свойства народнаго духа создаются въ значительной мѣрѣ внѣшними условіями, и что въ исторіи такимъ образомъ сверхъ логической необходимости имѣется еще естественная, которую нельзя ни вывести изъ законовъ разума, ни отнести къ сферѣ случайности. Соотвѣтственно этому, онъ считалъ необходимымъ отказаться отъ старыхъ умозрительныхъ построеній исторіи и вывести научную исторію изъ тѣснаго круга филолого-юридическихъ наукъ на обширное поприще наукъ естественныхъ, не въ смыслѣ однако простаго заимствованія метода послѣднихъ, а въ смыслѣ выработки новаго метода путемъ изученія фактовъ міра духовнаго и при-

роды въ ихъ взаимодѣйствіи. Предусматривая возможность возстановленія монистическаго міросозерцанія за предѣлами исторіи и разрѣшенія ея загадокъ на почвѣ естественныхъ наукъ, Грановскій однако же не присоединился къ философскому матеріализму. Исторія сохранила въ его глазахъ свое самостоятельное значеніе и въ ней самой онъ во всякомъ случаѣ различалъ двѣ стороны — творчество человѣческаго духа и данныя ему природой условія дѣятельности. Начавъ съ воспроизведенія схемъ нѣмецкой идеалистической философіи, Грановскій перешелъ такимъ образомъ на путь, ведшій къ созданію новой реальной науки обществовѣдѣнія, поскольку такой путь былъ намѣченъ европейскою мыслью его времени. Свои общія воззрѣнія Грановскій рѣдко облекалъ однако въ форму теоретическихъ разсужденій. Столь же рѣдко прибѣгалъ онъ и къ детальному анализу историческихъ фактовъ. Главное его орудіе, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, былъ синтезъ и любимымъ способомъ его работы было художественное воспроизведеніе историческихъ личностей и эпохъ во всей ихъ цѣльности. Такой характеръ носили его университетскія и публичныя лекціи, такой же характеръ былъ присущъ и большинству его печатныхъ трудовъ. Писалъ онъ, впрочемъ, мало, какъ въ силу большей любви къ устному слову, такъ и потому, что условія его эпохи мало благопріятствовали печатному изложенію его взглядовъ. Немногіе изъ видныхъ русскихъ историковъ оставили по себѣ такъ мало трудовъ — вмѣстѣ съ тѣмъ такъ много содѣйствовали развитію въ обществѣ интереса къ исторіи, какъ Грановскій.

Тѣсно связывая въ своихъ общихъ представленіяхъ науку съ жизнью, Грановскій и дѣятельность ученаго спеціалиста ставилъ въ извѣстную зависимость отъ нуждъ окружающаго его общества, зависимость, которая, не нарушая свободы науки, дѣлала однако ее средствомъ служенія идеаламъ человѣчности. Самъ Грановскій въ полной мѣрѣ выполнилъ эту задачу. Начало его профессорской дѣятельности въ Москвѣ совпадало съ образованіемъ въ русскомъ обществѣ враждебныхъ партій славянофиловъ и западниковъ. Весь складъ научныхъ и общественныхъ убѣжденій Грановскаго заставлялъ его примкнуть ко второй изъ этихъ партій, и онъ на ряду съ Бѣлинскимъ и Герценомъ явился однимъ

изъ духовныхъ вождей западничества, принявъ дѣятельное участіе и въ борьбѣ его съ славянофилами, и въ выработкѣ основныхъ воззрѣній самаго западническаго кружка. Единство взглядовъ послѣдняго было нарушено лишь въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда Грановскій разошелся съ своими друзьями и на почвѣ философскихъ вопросовъ, въ которыхъ онъ отказывался итти по пути матеріализма, и въ вопросахъ соціальныхъ, въ которыхъ онъ проявлялъ большую умѣренность. Но время и внѣшнія условія частью устранили эти разногласія, частью ослабили ихъ остроту. Съ отъѣздомъ заграницу Герцена и смертью Бѣлинскаго Грановскій остался въ Россіи единственнымъ признаннымъ вождемъ западничества. Онъ съ честью занималъ этотъ постъ въ теченіе тяжелаго для русскаго просвѣщенія періода 1848—54, не сломившись подъ вліяніемъ реакціи и ни въ чемъ не измѣнивъ своему научному и общественному направленію, неразъ навлекавшему на него опасныя подозрѣнія. Но этотъ подвигъ, соединенный съ непрерывнымъ самоотреченіемъ, въ концѣ подорвалъ его силы и въ самомъ началѣ новаго періода русской исторіи, въ которомъ его достигшій полной зрѣлости талантъ могъ бы найти для себя достойное поприще, Грановскаго постигла неожиданная смерть.

Николай Владиміровичъ Станкевичъ.

Н. В. Станкевичъ родился 1813 года, а умеръ въ 1840; онъ родился въ богатой помѣщичьей семьѣ въ Воронежской губерніи. Первые годы дѣтства провелъ на полной барской волѣ, среди деревенскаго простора, 10 лѣтъ былъ отданъ въ острогожское училище, а затѣмъ въ воронежскій благородный пансіонъ. Въ 1830 году Станкевичъ поступилъ въ московскій университетъ и здѣсь скоро сдѣлался центромъ цѣлаго кружка молодыхъ людей, которыхъ привлекалъ своей женственно-нѣжной и болѣзненно-чуткой натурой, умомъ живымъ и воспріимчивымъ. Популярные профессора московскаго университета того времени Надеждинъ и Павловъ оказали наиболѣе сильное вліяніе на Станкевича, воспитавъ въ немъ своими лекціями любовь къ эстетикѣ и нѣмецкой философіи. По окончаніи университетскаго кур-

са, онъ уѣхалъ въ деревню и сталъ искать себѣ занятій. Но ни въ личной его жизни, ни въ общественной онъ не находилъ достаточно сильныхъ стимуловъ, которые могли бы подвинуть его на какое-нибудь живое дѣло, поэтому онъ обратился къ своимъ прежнимъ теоретическимъ занятіямъ. Однако только съ переѣздомъ въ Москву въ 1835 году Станкевичъ всецѣло отдался имъ, онъ усердно изучаетъ нѣмецкую философію, составляетъ планы литературныхъ работъ, но развившаяся чахотка вынуждаетъ его отказаться отъ ученой дѣятельности и уѣхать сначала на Кавказъ, а потомъ заграницу. Заграницей онъ возобновилъ занятія философіей: въ Берлинѣ слушалъ онъ лекціи Вердера, Ренне и др. и здѣсь же сблизился съ Грановскимъ. Въ 1839 году переѣхалъ въ Италію, гдѣ и скончался 27 лѣтъ отъ роду.

Въ литературѣ Станкевичъ не оставилъ почти никакого слѣда. Все его значеніе опредѣляется тѣмъ умственнымъ и моральнымъ вліяніемъ, которымъ онъ пользовался въ кругу собиравшейся около него молодежи, выдѣлившей изъ себя позднѣе нѣсколько лицъ, ставшихъ украшеніемъ и гордостью русской литературы; достаточно назвать одного Бѣлинскаго. Насколько благотворно было вліяніе Станкевича на окружающихъ, показываетъ отзывъ такого человѣка, какъ Грановскій. „Никому на свѣтѣ, писалъ онъ послѣ смерти друга, не былъ я такъ много обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно“. Извѣстно также, что Станкевичъ первую горячую поддержку оказалъ Кольцову. Станкевичъ былъ наиболѣе типичнымъ и яркимъ представителемъ той группы русской интеллигенціи, за которой установилось названіе „идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“. „Болѣзненный и тихій, какъ характеризуетъ его Герценъ — поэтъ и мечтатель, Станкевичъ, естественно, долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто практическіе“. Его стремленія были возвышенны и идеальны. Отрѣшившись отъ жизни, съ восторгомъ отдаваясь философіи и искусству, Станкевичъ уносился на такія высоты умозрѣнія, куда не достигалъ шумъ изъ міра дѣйствительности.

Личная дружба, но прежде всего солидарность симпатій въ поэзіи и философіи, создавала связь между членами кружка, изъ-за отвлеченныхъ же вопросовъ, послѣ отчаян-

ныхъ споровъ, длившихся иногда цѣлыя ночи напролетъ, люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли. Самъ Станкевичъ при этомъ сохранялъ ту обычную для него ясность, безмятежность, цѣльность натуры, которая внушала его друзьямъ такое глубокое уваженіе и такую горячую привязанность къ нему. Нравственное обаяніе его личности не заслоняетъ также и положительной заслуги Станкевича: именно его авторитетнымъ указаніямъ кружокъ обязанъ былъ тѣмъ, что могъ воспринимать все лучшее, имѣвшееся въ современныхъ философіи, наукѣ и литературѣ. Это умственное общеніе кружка было продолженіемъ университетскаго товарищества, которое связало молодыхъ людей однимъ увлеченіемъ шеллинговой философіей и эстетикой, обнаружившимися еще на студенческой скамьѣ. У себя на квартирѣ собиралъ Станкевичъ своихъ друзей, читалъ имъ своихъ любимыхъ нѣмецкихъ поэтовъ Шиллера, Гете, Гофмана, а изъ русскихъ – Пушкина, Жуковскаго, а потомъ Лермонтова и Гоголя. Въ философіи, начавъ съ Шиллинга, Станкевичъ затѣмъ перешелъ къ послѣдовательному изученію всѣхъ германскихъ философовъ, начавъ съ Канта. Съ Гоголемъ онъ основательнѣе познакомился въ 1835 году и, явившись первымъ послѣдователемъ знаменитаго нѣмецкаго мыслителя, своимъ энтузіазмомъ привлекъ къ нему олимпійское величественное отношеніе къ жизни со всѣми ея тѣневыми сторонами и наше равнодушіе ко всему, что лежало за предѣлами чистой эстетики и отвлеченной философіи. Въ этомъ отношеніи Станкевичъ и его кружокъ сильно отличались отъ другого замѣчательнаго кружка того времени, Герцена и Огарева, который въ противоположность первому имѣлъ довольно ярко выраженную общественно-политическую тенденцію. Какъ натура по преимуществу созерцательная, Станкевичъ былъ далекъ отъ подобныхъ тенденцій. Однако въ послѣдніе годы своей короткой жизни отчасти подъ вліяніемъ заграничной обстановки, отчасти подъ вліяніемъ сближенія съ Грановскимъ, отчасти же подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ личныхъ разочарованій онъ начинаетъ чувствовать утомленіе отъ схоластическихъ занятій отвлеченными философскими вопросами, интересъ къ нимъ мало-по-малу отступаетъ передъ громко заявлявшими о себѣ требованіями положительной жизни. Станкевичъ, повидимо-

му, былъ уже близокъ къ признанію важности для человѣка живого общественнаго дѣла; въ письмахъ своихъ онъ неоднократно высказываетъ мысль о необходимости подготовки къ такому дѣлу нравственнымъ опытомъ и научными занятіями. „Философію я не считаю своимъ призваніемъ, писалъ Станкевичъ, она, можетъ быть, ступень, черезъ которую я перейду къ другимъ занятіямъ, но прежде всего я долженъ удовлетворить этой потребности". И чѣмъ ближе къ роковому концу, тѣмъ мучительнѣе становилось сознаніе о прожитой жизни, не оставившей по себѣ прочнаго слѣда; тѣмъ настойчивѣе заявляла о себѣ потребность пріобщиться къ міру дѣйствительности, которая въ концѣ концовъ властно напомнила о себѣ и на высочайшихъ вершинахъ чистой поэзіи и философскаго идеализма, и безъ прикосновенія съ которой счастье человѣка не можетъ быть полнымъ; Станкевичъ начинаетъ далѣе осуждать лишнее занятіе собою и грѣшную любовь къ спокойствію. Но прежде, чѣмъ это новое наступленіе успѣло отлиться въ какія-либо внѣшнія формы, наступила смерть.

Философія Гегеля.

Философія Гегеля не есть лишь его личное созданіе; она была подготовлена прежними философскими направленіями и представляетъ, съ одной стороны, завершеніе пути, проложеннаго Лейбницомъ, а съ другой, выполненіе одной изъ двухъ возможностей, оставленныхъ на выборъ Кантомъ и его преемниками, въ идеалистическую сторону. Кантъ вмѣсто прежняго пониманія знанія, какъ дѣйствія вещи (объекта) на представляющаго (субъекта), полагалъ, что оно есть болѣе слѣдствія организаціи человѣка, его познавательной способности, хотя и не только ея одной. Это ученіе Канта о познаніи и проложило путь философіи Гегеля. По Канту, познавательная способность для развитія познанія нуждается въ воздѣйствіи внѣшняго фактора — вещи въ себѣ, въ познавательной способности заключалась только форма познанія, но не содержаніе; „инвентарь чистаго разума", какъ ни былъ онъ богатъ, заключая, кромѣ чистыхъ формъ чувственнаго воззрѣнія (пространства и времени), еще категоріи

разсудка и идеи разума, простирался лишь на субъективную сторону познанія, но не на объективный факторъ его (вліяніе, исходящее отъ вещи въ себѣ). Фихте въ своей философіи устранилъ объективный факторъ, чистый разумъ сдѣлался единственнымъ источникомъ знанія, не только его формы, но и содержанія признавательная способность заключала въ себѣ основы всего возможнаго знанія, такъ что оставалось только выяснить тотъ процессъ, которымъ чистый разумъ изъ самого себя развиваетъ все знаніе. Этотъ процессъ по Фихте совершался въ Я, по Шеллингу, въ абсолютномъ и проходитъ три ступени: несознательнаго положенія (тезисъ), сознательнаго противоположенія (антитезисъ) и сознательнаго сочетанія (синтезъ) полагающаго и положеннаго. Гегель принималъ также три ступени въ развитіи познающей силы, но устранялъ изъ этого процесса всякій видъ произвольной дѣятельности, считая весь процессъ необходимымъ движеніемъ отъ одной ступени развитія къ другой — отъ бытія въ себѣ чрезъ бытіе внѣ себя къ бытію въ себѣ и для себя (идея, природа, духъ). Необходимый процессъ саморазвитія совершается по Гегелю въ чистомъ или абсолютномъ разумѣ (идеѣ), вслѣдствіе чего разумъ (мышленіе) оказывается единственнымъ и дѣйствительно сущимъ, а все дѣйствительное необходимо разумнымъ. Разумъ есть, слѣдовательно, единственная субстанція, но не реальная, а чисто идеальная и логическая (панлогизмъ). Превратить эту субстанцію въ субъектъ, т. е., первоначальный безсознательный разумъ въ самостоятельный, въ духъ и даже въ абсолютный духъ, такъ какъ субстанція есть абсолютный разумъ, составляетъ задачу мірового процесса; выхожденіе субстанціи изъ ея первоначальнаго вида существованія, какъ логической идеи, въ инобытіе, какъ природы, и заключительное пониманіе себя самой, какъ единаго и истинно дѣйствительнаго, пониманіе, что такое абсолютная идея, какова она есть въ развитомъ своемъ существѣ, составляетъ ступени мірового процесса.

Отсюда возникаютъ три части системы Гегеля: 1) логика, изображающая разумъ, или идею въ ея бытіи въ себѣ (An-sich-sein), 2) философія природы, изображающая ту же идею въ ея инобытіи (Andersein) и 3) философія духа, изображающая идею въ ея бытіи въ себѣ и для себя (An-und-

für-sich-sein). Абсолютъ или логическая идея существуетъ сначала, какъ система доміровыхъ понятій, затѣмъ онъ спускается въ безсознательную среду природы, пробуждается къ самосознанію въ человѣкѣ, выражаетъ свое содержаніе въ общественныхъ установленіяхъ, чтобы въ искусствѣ, религіи и философіи возвратиться къ самому себѣ, достигнувъ болѣе высокой и развитой законченности, чѣмъ какою онъ владѣлъ. По этому логика должна быть „изображеніемъ Бога, каковъ онъ есть въ своемъ вѣчномъ существѣ, прежде созданія природы и конечнаго духа". Такъ какъ разумъ есть единственно существующее, такъ какъ тотъ же разумъ становится и природой и потомъ самосознающимъ духомъ, то логика у Гегеля совпадаетъ съ антологіей или метафизикой, она есть не только наука о мышленіи, но и о бытіи: „Что разумно, то дѣйствительно и что дѣйствительно, то разумно". Методъ, которымъ Гегель развиваетъ содержаніе логики, т. е., абсолютной идеи, называется діалектическимъ.

Абсолютная идея, осуществляющаяся въ мірѣ, не есть неподвижная, покоющаяся субстанція, а есть начало вѣчно живое и развивающееся. Абсолютное есть процессъ, все дѣйствительное — изображеніе этого процесса. Философія есть изображеніе этого движенія мысли, Бога и міра, она есть система органически связанныхъ и необходимо одно изъ другого развивающихся понятій. Побудительной силой въ развитіи мышленія служитъ противорѣчіе, безъ него не было бы никакого движенія, никакой жизни. Все дѣйствительное полно противорѣчія и тѣмъ не менѣе разумно. Противорѣчіе не есть что-либо неразумное, останавливающее мысль, но побужденіе къ дальнѣйшему мышленію. Его не надо уничтожать, а „снимать", т. е., сохранять, какъ отрицаемое, въ высшемъ понятіи. Противорѣчащія понятія мыслятся вмѣстѣ въ третьемъ, болѣе широкомъ и богатомъ, въ развитіи котораго они составляютъ только моменты. Воспринятыя въ высшее понятіе противорѣчивыя прежде понятія дополняютъ одно другое. Ихъ противорѣчивость побѣждена Но новое высшее понятіе въ свою очередь оказывается противорѣчащимъ другому понятію, и эта противорѣчивость опять должна быть преодолѣна согласованіемъ въ высшемъ понятіи и т. д. Каждое отдѣльное понятіе одностороние, представляетъ лишь частицу истины, оно нуждается въ до-

полненіи своею противоположностью, по соединеніи съ которой образуетъ высшее понятіе, болѣе приближающееся къ истинѣ. Абсолютное въ своемъ вѣчномъ созиданіи проходитъ черезъ всѣ противоположности, попеременно создавая и снимая ихъ и пріобрѣтая такимъ путемъ при каждомъ новомъ движеніи впередъ болѣе ясное сознаніе своей настоящей сущности. Только благодаря такой діалектикѣ понятія, философія вполнѣ соотвѣтствуетъ живой дѣйствительности, которую должна понять. И такъ положеніе, противоположеніе и ихъ объединеніе составляютъ сущность, душу діалектическаго метода. Самый широкій примѣръ этой тріады — идея, природа, духъ — даетъ дѣленіе системы. Всѣ части системы строятся постоянно на этомъ же основаніи.

Въ частности логика подраздѣляется на ученіе о бытіи, сущности и понятіи, при чемъ въ первой части изслѣдуются понятія качества, количества и мѣры, во второй, сущности, явленія и дѣйствительности, въ третьей, субъективности (понятіе, сужденіе, умозаключеніе), объективности (механизмъ, химизмъ, телеологія) и идеи (жизнь, познаніе и абсолютная идея). Начало логики Гегеля даетъ прекрасный примѣръ его діалектическаго метода: если отвлечься отъ всякаго опредѣленнаго содержанія мысли, то у насъ останется самое общее и неопредѣленное понятіе, отъ котораго болѣе отвлечься невозможно, бытіе. Оно лишено всякаго содержанія и качества, оно нужно и, какъ таковое, равно небытію. Такимъ образомъ бытіе переходитъ въ небытіе, мысль о небытіи невольно приводитъ къ противоположному понятію небытія. Переходъ небытія въ бытіе, объединеніе обоихъ есть бываніе, въ которомъ противорѣчіе между бытіемъ и небытіемъ снято. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи бываніе, подобно бытію, оказывается одностороннимъ, возбуждающимъ противорѣчащее понятіе и т. д.

Философія природы изображаетъ идею въ ея инобытіи, идея становится природой, чтобы развиться въ истинный сознательный духъ, проходя три ступени механическихъ явленій, физическихъ и органическихъ.

Философія духа, одинъ изъ наиболѣе разработанныхъ Гегелемъ отдѣловъ системы, раздѣляется на ученіе о субъективномъ духѣ, объективномъ и абсолютномъ. Человѣкъ сначала живетъ въ естественномъ состояніи, подчиняясь раз-

нообразнымъ вліяніямъ природы: различіемъ расъ, народовъ, половъ, возрастовъ, темпераментовъ, естественныхъ способностей и пр., и затѣмъ постепенно освобождается отъ этихъ вліяній, противополагаетъ себя природѣ, какъ не я, и развивается, проходя ступени простого сознанія, самосознанія и разума, въ свободный духъ, который осуществляетъ себя въ правѣ, нравственности и исторіи. Индивидуумъ можетъ развиваться только въ гражданскомъ обществѣ, въ государствѣ, которое составляетъ „субстанцію индивидуума", личность вполнѣ подчинена государству. Для послѣдняго и семья такое же средство, какъ и личность. Вообще Гегель является сторонникомъ абсолютическихъ политическихъ взглядовъ.

Абсолютный духъ есть единство субъективнаго и объективнаго. На этой ступени духъ становится совершенно свободнымъ отъ всякихъ противорѣчій и примиряется съ самимъ собою. Абсолютный духъ достигаетъ истиннаго, совершеннаго знанія о себѣ самомъ, проходя три ступени: созерцанія въ искусствѣ, дѣятельности чувства и представленія религіи и жизни чистой мысли въ философіи. Прекрасное есть абсолютное въ чувственномъ явленіи, идея въ ограниченномъ существованіи. Смотря по отношенію этихъ двухъ элементовъ: внѣшняго образа и внутренняго содержанія, ихъ преобладанію или равновѣсію, искусство бываетъ или символическимъ (преобладаніе внѣшняго образа, восточное искусство, архитектура) или классическимъ (равновѣсіе идеи и образа, греческое искусство, пластика) или романтическимъ (перевѣсъ идеи надъ образомъ, христіанское искусство, поэзія). Въ религіи абсолютная идея выражается не въ грубомъ матеріалѣ, а въ духовныхъ образахъ и чувствахъ. Религія и философія въ сущности тожественны, обѣ стремятся къ единенію конечнаго съ безконечнымъ, и различаются только по формамъ: религія изображаетъ въ образахъ, въ представленіяхъ то, что философія содержитъ въ формѣ понятія. Въ философіи абсолютный духъ достигаетъ высокой ступени самосознанія, возвращается, какъ бы къ себѣ, обогащенный длинной исторіей саморазвитія. Философія есть мыслящая самое себя идея, въ ней духъ стоитъ лицомъ къ лицу и самимъ собою. Въ такомъ самопознаніи нѣтъ ничего внѣшняго, оно есть само мышленіе, вошедшее

въ себя и признающее себя сущностью вещей, внѣ такого абсолютнаго ничего не существуетъ и, напротивъ, въ немъ все существуетъ. Такъ какъ такое познаніе абсолютнаго есть высшая цѣль философіи, то, слѣдовательно, гегелянство есть абсолютная философія, превосходящая всѣ другія философскія системы, религіи и искусства, оно даетъ разгадку вселенной.

Въ Россіи философія Гегеля сыграла въ свое время не малозначительную культурную роль. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ философіей Гегеля живо интересовались образованные русскіе люди, о взглядахъ Гегеля горячо и долго спорили; брошюры о Гегелѣ зачитывались до невозможности. Гегелевскія идеи объ эстетикѣ, религіи, философіи, правѣ, морали были ходячими идеями. Два весьма видныя теченія русской общественно-философской мысли, славянофильство и западничество находились въ довольно тѣсныхъ отношеніяхъ съ философіей Гегеля.

Философія Шеллинга.

Будучи богато одаренной и многосторонней натурой и вмѣстѣ съ тѣмъ образцовымъ писателемъ, Шеллингъ оставилъ глубокіе слѣды въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ: въ естествознаніи, медицинѣ, теоріи искусства, наукѣ права и государства и, наконецъ, въ богословіи. Въ отношеніи Гегеля, котораго встрѣтилъ сначала очень дружественно, онъ постепенно занялъ враждебное положеніе, послѣ того какъ тотъ въ своихъ сочиненіяхъ не раздѣлялъ его взглядовъ. Его философія вслѣдствіе его впечатлительности претерпѣла такъ много превращеній, что его не безъ основанія называли „Протеемъ философіи“. Поочередно онъ опирался на Фихте, самымъ геніальнымъ ученикомъ и худшимъ комментаторомъ котораго еще раньше считался, на Спинозу, Платона, Дж. Бруно, новоплатониковъ, Якова Беме, гностиковъ и другихъ. Поэтому въ его философскомъ развитіи различаютъ три, даже пять или шесть періодовъ. Тѣмъ не менѣе, разсматриваемое въ цѣломъ, оно распадается на два главныхъ періода, отдѣленныхъ одинъ отъ другого появившимся въ 1809 сочиненіемъ „Über das Böse“, и охарактеризованныхъ имъ са-

нимъ какъ отрицательный и положительный, а другими (болѣе правильно) какъ пантенетическій и тентическій. Въ первомъ онъ стремится, какъ и Фихте, изложить философію въ смыслѣ науки о разумѣ; во второмъ онъ, по собственнымъ словамъ, опять вернулся къ Канту, онъ, напротивъ, старается изложить ее какъ „положительную науку, простирающуюся далеко за предѣлы познанія однимъ разумомъ“. Обоимъ періодамъ свойственно стремленіе систематически вывести цѣлое науки изъ единаго начала, съ той однако разницей, что въ первомъ періодѣ (философія-наука о разумѣ) это начало разсматривается, какъ содержащееся въ предѣлахъ самого разума (имманентное, раціональное начало), во второмъ періодѣ (философія — положительная наука) оно стоитъ уже выше разума (трансцендентное начало), и его слѣдствія познаются „свободно“ (т. е., независимо отъ желанія или нежеланія) и, слѣдовательно, только чрезъ „опытъ“ (исторія и откровеніе). Принципомъ философіи въ первомъ періодѣ, примѣнительно къ фихтевскому наукословію, является творческое я, какъ единственное реальное начало, чрезъ неустанную творческую и опять разрушительную дѣятельность котораго возникаетъ совокупность знанія; отсюда система Шеллинга является идеализмомъ. Но въ то время какъ Фихте понималъ я исключительно въ человѣческомъ смыслѣ, Шеллингъ разумѣлъ его съ самаго начала въ смыслѣ всеобщемъ, или абсолютномъ; безсознательно (въ формѣ природы) творческая дѣятельность этого я образуетъ реальный міръ природы, а сознательно (въ формѣ духа) творческая дѣятельность — идеальный міръ духа, но оба они, реальный и идеальный міръ, въ корнѣ своемъ тождественны, какъ *стороны* того же самаго (абсолютнаго) я. Дедукція всего бытья природы (natura naturata) изъ абсолютнаго, какъ безсознательно творческаго реальнаго начала (natura naturans), составляетъ предметъ натурфилософіи, той формы его философіи, благодаря которой онъ, какъ похвалялся, „открылъ новую страницу въ исторіи философіи“. Дедукція всего духовнаго содержанія сознанія въ трехъ слѣдующихъ одна за другой сферахъ искусства, религіи и философіи (науки) изъ абсолютнаго какъ (послѣ пробужденія сознанія) творческаго идеальнаго начала составляетъ философію духа, или системы трансцендентальнаго идеализма. Заимствованное у Спинозы и Бруно ученіе

о тождествѣ обѣихъ сферъ, реальной и идеальной, составляющихъ только различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же единый абсолютъ, образуетъ содержаніе такъ наз. философіи тождества, которую Шеллингъ первоначально развивалъ въ издаваемомъ вмѣстѣ съ Гегелемъ журналѣ „Zeitschrift für speculative Physik", а затѣмъ присоединивъ къ ней еще ученіе Платона объ идеяхъ, діалогѣ „Bruno" и „Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums". Изъ этихъ сочиненій натурофилософія получила наиболѣе широкое распространеніе, хотя оказанное ею вліяніе на естествознаніе и даже на медицину не можетъ быть названо особенно благотворнымъ. Ея авторъ, объясняя природу какъ „безсознательно" (въ формѣ природы) творческій духъ, слѣдовательно, дѣятельность природы, какъ „безсознательную" дѣятельность духа, освѣщалъ мракъ созидающей природы факеломъ фихтевскаго наукословія. Какъ знаніе не есть нѣчто мертвое, напротивъ, всякій продуктъ знанія возникаетъ въ силу вѣчно дѣятельной ритмической игры противоположныхъ духовныхъ силъ и въ свою очередь продолжаетъ развиваться далѣе, такъ и природа не есть косное бытье, напротивъ, безпрерывная жизнь, ибо въ силу ритмической игры противоположныхъ естественныхъ силъ, одно безгранично положительно (дающей матеріалъ) и другой безгранично отрицательной (созидающей форму), возникаетъ каждый отдѣльный продуктъ природы и въ свою очередь продолжаетъ развиваться далѣе. Въ качествѣ самыхъ первоначальныхъ силъ природы дѣйствуютъ безконечное расширеніе и безконечное сжатіе, изъ взаимнаго напряженія которыхъ возникаетъ матерія (какъ первый продуктъ принципа природы). Оба они сравниваются Шеллингомъ съ аналогичной сознательной дѣятельностью (безпредметнаго) зрѣнія и (опредѣленнаго) ощущенія, изъ взаимнаго напряженія которыхъ возникаетъ первый продуктъ духа, созерцаніе. Какъ изъ этого послѣдняго путемъ дальнѣйшей дѣятельности духа исходятъ всѣ высшіе продукты сознательной жизни (понятіе, сужденіе, умозаключеніе) въ качествѣ скрытыхъ возможностей созерцанія, такъ путемъ дальнѣйшей дѣятельности природы возникаютъ всѣ ея высшіе продукты, неорганическій естественный процессъ, органическая жизнь и сознаніе въ качествѣ скрытыхъ возможностей матеріи, составляющей реальную жизнь универсальнаго или

абсолютнаго я (мірового я). Завершеніе матеріи на высшей ступени природы, въ человѣкѣ, образуетъ пробудившееся сознаніе, когда дотолѣ безсознательный, но цѣлесообразно дѣйствовавшій духъ природы, міровая душа какъ бы открываетъ глаза и дѣлаетъ самого себя, единственное реальное, объектомъ своего созерцанія. Вмѣстѣ съ этимъ со стороны (въ качествѣ человѣка во вселенной) созерцающаго самого себя абсолюта начинается новый, аналогичный процессу природы, въ которомъ абсолютъ постепенно возвышается до самаго совершеннаго продукта природы (до человѣка), духовный процессъ, въ которомъ воплощенный въ человѣкѣ, слѣдовательно, самъ ставшій частью природы абсолютъ возвышается до сознанія себя, какъ абсолюта (своей собственной безконечности и свободы). Какъ ходъ перваго процесса составляетъ исторію природы, становленіе человѣка, такъ теченіе послѣдняго процесса образуетъ всемірную исторію, становленіе Бога, въ концѣ котораго, какъ выражается тогда Шеллингъ „Богъ становится бытіемъ". Фазы послѣдняго (подобно ступенямъ процесса природы: неорганической, органической и человѣческой) протекаютъ такимъ образомъ, что абсолютъ первоначально (объективно) созерцается подъ формой видимой природы (реально, видимые боги, язычество), затѣмъ (субъективно) чувствуется подъ формой невидимаго духа (идеально: невидимый Богъ; христіанство), и, наконецъ, сознается какъ единое съ познающимъ (какъ субъектъ объектъ), этими же моментами характеризуются три формы открыванія абсолюта: искусство, религія и философія, и три главные періода всемірной исторіи: древній міръ, средніе вѣка и новое время, долженствующее начаться съ появленіемъ философіи Шеллинга.

Эту несомнѣнно пантеистическую форму своей философіи Шеллингъ рѣшительно отрицалъ во второмъ своемъ періодѣ, и въ то время, какъ первоначально она должна была составлять всю философію, теперь она низведена была до степени подчиненнаго члена общаго организма науки. Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ мыслится, какъ конецъ и результатъ нашего мышленія, а не какъ результатъ объективнаго процесса, то отсюда слѣдуетъ, что вся бывшая до сего времени раціональная философія, даже его собственная, находилась въ недоразумѣніи относительно себя самой, такъ какъ предста-

вляла себѣ весь процессъ („Богъ становится бытіемъ“) какъ реальный, тогда какъ онъ есть только идеальный. Результатъ чисто раціональной философіи, именно по этому охарактеризованной имъ какъ отрицательная, является исключительно дѣломъ мысли, не дѣйствительнымъ Богомъ, а только мыслью о Богѣ: дѣйствительный міръ могъ бы быть понятъ не изъ чистой мысли, а только изъ объективнаго процесса, изъ дѣйствительнаго Бога. Поэтому, училъ Шеллингъ, онъ возвращается опять къ высказанному Кантомъ взгляду, что изъ чистой мысли нельзя извлечь существованія Бога. Въ то время какъ отрицательная философія имѣетъ Бога, какъ принципъ „въ концѣ“, положительная философія (для которой первая должна приготовить лишь средства) возводитъ его съ самаго начала „въ принципъ“. Богъ является абсолютнымъ началомъ, существованіе котораго по этому ничѣмъ не можетъ быть доказано и котораго ничто не могло бы принудить создать міръ. Послѣдній можетъ быть только слѣдствіемъ свободнаго божественнаго акта и, какъ таковой, не предметомъ раціональнаго познанія, а лишь познаніемъ изъ опыта. Отсюда задача позитивной философіи формулируется такимъ образомъ, что она „должна въ свободномъ мышленіи на почвѣ письменныхъ преданій вывести данное въ опытѣ не какъ возможное, подобно отрицательной философіи, а какъ дѣйствительное“. Поэтому вѣрность „источникамъ“ откровенія предписана философія какъ ея руководящее начало, и ей поставлена задача данный изъ опыта міръ вывести изъ Бога, какъ первоначала всякаго опыта. Но изъ всѣхъ фактовъ слѣдующей за откровеніемъ исторіи ни одинъ не стоитъ, повидимому, въ большемъ противорѣчіи съ существованіемъ божественнаго творца фактическаго міра, какъ существованіе зла въ мірѣ, поэтому естественно, что поворотъ въ философіи Шеллинга начался съ него „Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit“, толчкомъ съ которымъ, по его собственному признанію, послужило его знакомство съ сочиненіями христіанскаго мистика и теософа Якова Беме. Богъ не можетъ быть мыслимъ источникомъ зла, такъ же, какъ и самое существованіе послѣдняго не можетъ быть мыслимо безпричиннымъ, поэтому причина его находится исключительно въ основѣ, независимой отъ Бога; но такъ какъ нельзя мыслить ничто отъ него незави-

симаго, то эта основа кроется въ темной „безднѣ“, которая, хотя и мыслится въ Богѣ, но не есть Богъ. Это признаніе въ Богѣ чего-то такого, что не есть Богъ, переноситъ мысль отъ совершеннаго, вызваннаго библейскимъ грѣхопаденіемъ состоянія человѣчества, къ тому періоду времени до мысли и до исторіи, когда первоначальное совершенное твореніе „замкнутаго внутри Бога“ міра, благодаря возникновенію перваго человѣка Адама, получило свое окончательное завершеніе. Въ противорѣчіи съ этимъ созданнымъ божественной волей міромъ стоитъ другой, внѣ Бога пребывающій міръ, котораго Богъ не хотѣлъ, но возниковенію котораго не препятствовалъ; онъ возникъ вслѣдствіе грѣхопаденія человѣка и образуетъ единственно намъ извѣстный, т. н. реальный міръ полный зла. Возвращеніе его къ первоначальному единству съ Богомъ начинается въ человѣческомъ сознаніи сперва какъ внѣ Бога совершающійся теологическій процессъ, порождающій представленія о богахъ; изложеніе этого процесса образуетъ у Шеллинга содержаніе философіи миѳологіи. Міръ достигнетъ своего завершенія, и вмѣстѣ съ нимъ достигнута будетъ цѣль всего творенія лишь послѣ преодолѣнія миѳологическаго процесса, когда человѣкъ и міръ возвратятся къ Богу при помощи откровенія, исшедшаго изъ свободнаго божественнаго акта и отчасти ставшаго въ христстіанствѣ достояніемъ человѣчества; изложеніе этого послѣдняго процесса, какъ философіи откровенія, составляетъ у Шеллинга увѣнчаніе всей системы, благодаря которой пріобрѣтается новая философская, т. е., свободная и истинная религія, совершенно отличная отъ т. н. естественной религіи.

Гончаровъ, какъ одинъ изъ представителей Гоголевскаго періода русской литературы.

Этотъ періодъ обнимаетъ время отъ появленія „Ревизора“ Гоголя въ 1836 году до выхода „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“ Чернышевскаго въ 1855 году, охватывая два десятилѣтія, въ составъ которыхъ сороковые годы занимаютъ не только центральное, но и господствующее положеніе.

Извѣстно, что разочарованія, понесенныя пушкинскимъ поколѣніемъ, вызвали усиленную критику и руководящихъ началъ этого поколѣнія и той сферы, къ которой поколѣніе обращалось съ своими идеалами и планами. Уже Грибоѣдовъ заклеймилъ эту среду, но онъ всетаки противопоставилъ ей Чацкаго и, очевидно, полагалъ въ немъ и въ ему подобныхъ найти элементъ развитія. Чацкій типичный представитель идеалистовъ двадцатыхъ годовъ и можетъ быть названъ какъ бы олицетвореніемъ всего поколѣнія обращавшагося съ своими пламенными рѣчами къ Фамусовымъ, Скалозубамъ и Молчалинымъ. Самъ Грибоѣдовъ не видѣлъ въ Чацкомъ и его рѣчахъ никакого донъ-кихотства, и читавшее „Горе отъ ума“ пушкинское поколѣніе тоже этого не замѣтило. Различно оцѣнивая идеи Грибоѣдова, высказанныя устами Чацкаго, современники не чувствовали ихъ безсилія передъ весною и пошлою средою, здѣсь же, въ этой комедіи съ такою силою изображенной. Слѣдующее поколѣніе увидѣло это совершенно ясно. И показалъ ему это съ поразительною яркостью Гоголь, второй геній русской литературы. Первый періодъ его дѣятельности, объемлющій „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Арабески“ и „Миргородъ“, почти цѣликомъ занятъ изображеніемъ сельской народной жизни въ Малороссіи и воспроизведеніемъ въ художественной обработкѣ мотивовъ малорусскаго фольклора. Теплое отношеніе къ родному народу, превосходныя картины родной природы, свѣтлый юморъ, сопровождающій повсюду эти изображенія и не мѣшающій имъ порою возвышаться до глубокаго трагизма, эти черты гоголевскаго творчества сразу даровали ему и огромный успѣхъ и огромное литературное значеніе; но это поэтическое творчество, обогащая русскую литературу и прокладывая путь будущему, двигалось не по тому пути, на которомъ шло главное умственное теченіе эпохи. Оно было чуждо наболѣвшихъ вопросовъ, волновавшихъ современное поколѣніе. Однако въ послѣднихъ произведеніяхъ и этого времени Гоголь уже начиналъ подходить къ великой проблемѣ, отвѣтъ на которую составилъ славу великаго писателя. „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ дала картину жизни уѣзднаго городка въ первой четверти XIX вѣка. Произведеніе какъ будто не задавалось никакими идейными задачами и какъ будто ограничивалось

желаніемъ посмѣшить и позабавить, не больше. Оно и въ самомъ дѣлѣ смѣшило и забавляло, исполненное юмора и молодой веселости. Тѣмъ не менѣе это смѣшное и веселое чтеніе оставляло послѣ себя грустное впечатлѣніе. Изображенная жизнь была конечно смѣшна и забавна, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была жалка, ничтожна, безцѣльна, безплодна... Чего можно ждать отъ этихъ людей, отъ этого общества? Недаромъ „Повѣсть" вызвала еще до „Ревизора" рѣзкія нападки Сеньковскаго, Булгарина, даже Полевого, который не понялъ Гоголя и въ его юморѣ видѣлъ только безцѣльное зубоскальство. Пушкинъ однако понялъ и оцѣнилъ. „Повѣсть" была помѣщена въ сборникѣ, озаглавленномъ „Миргородъ", вмѣстѣ съ „Тарасомъ Бульбою", „Старосвѣтскими помѣщиками" и „Віемъ", Этимъ сборникомъ Гоголь завершилъ свой украинскій періодъ, а упомянутою „Повѣстью", хотя и не выѣхавшею еще изъ Малороссіи, онъ уже вступалъ на новую дорогу всесторонняго изображенія русскаго общества, русскихъ господствующихъ классовъ. Такими же первыми шагами по новой дорогѣ явились помѣщенныя въ „Арабескахъ" въ томъ же 1835 г. повѣсти „Невскій Проспектъ" и, Записки сумасшедшаго". И здѣсь читатель смѣется во время чтенія, а прочитавъ, поддается чувству невольной грусти. И здѣсь жизнь не только смѣшная, но и жалкая и ничтожная. Появились въ 1836 г. повѣсть „Носъ" и въ томъ же году разсказъ „Коляска" въ томъ же годѣ. Но все это миніатюры этой жалкой и ничтожной жизни, чуждой всякихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, не вѣдающей ни идеаловъ, ни принциповъ, ни даже отечества. Все это уголки этой культурной дикости; но въ томъ же 1836 году Гоголь развернулъ передъ обществомъ потрясающую картину во всю стѣну. Онъ создалъ „Ревизора". Съ своей комедіей Гоголь какъ бы обратился къ идеалистамъ пушкинскаго поколѣнія и пригласилъ ихъ внимательнѣе разсмотрѣть галлерею представителей русскаго общества, того общества, на сочувствіе котораго разсчитывали идеалисты, рядившіе этихъ милыхъ Хлестаковыхъ, Дмухановскихъ, Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ и т. п въ хитоны временъ Перикла и тоги временъ Катона. Но это чиновничество, могли возразить идеалисты, это только половина культурнаго класса. Есть еще дворянство, благородное и просвѣщенное сословіе... Но Гоголь не пожелалъ оставить и этой

иллюзіи. Его „Мертвыя души“ (первый томъ) разбивали въ дребезги и эти надежды. Новая галлерея Маниловыхъ, Собакевичей, Коробочекъ, Плюшкиныхъ заканчивала предпринятое изслѣдованіе. И здѣсь та же культурная дикость безъ идеаловъ и принциповъ, безъ чести и совѣсти, безъ религіи и отечества, таже жалкая и ничтожная жизнь, безцѣльная и безплодная. Ужасна галлерея „Ревизора“. Едвали не ужаснѣе еще галлерея „Мертвыхъ душъ“. Взаимно дополняя, эти двѣ картины дали полное объясненіе неудачѣ предшествовавшаго умственнаго движенія. Между какимъ бы то ни было умственнымъ движеніемъ и этимъ обществомъ не можетъ быть ничего общаго. Комедія „Женитьба“, повѣсть „Шинель“, сцены „Тяжба“, „Утро дѣлового человѣка“ и др. дорисовывали картину, отдѣлывая детали, но главная проблема гоголевскаго творчества совершена изданіемъ „Ревизора“ и перваго тома „Мертвыхъ душъ“. Строго говоря, продолженія „Мертвыхъ душъ“ не требовало выпавшее на долю Гоголя дѣло. Онъ и не справился съ продолженіемъ. Сохранившіеся отрывки второго тома доказываютъ это, хотя съ другой стороны нѣсколько дополняютъ галлерею.

Такова была главная задача гоголевскаго творчества, имъ блистательно выполненная. Другое огромное дѣло выпавшее на долю Гоголя, было основаніе „натуральной школы“, какъ тогда называли художественный реализмъ. Ввелъ реализмъ въ русскую литературу Пушкинъ, но онъ ввелъ такъ много еще, что это нововведеніе было замѣчено только тогда, когда въ этомъ духѣ развившееся творчество Гоголя его обнаружило уже съ поразительной яркостью. Возстали, конечно, противъ содержанія гоголевекаго творчества, но при этомъ смѣшали его съ реализмомъ. Отсюда безконечныя нападки на реализмъ Гоголя, торжество котораго было поэтому и торжествомъ реализма. Съ реализмомъ Гоголя сочеталъ юморъ, до него мало распространенный въ русской литературѣ, а послѣ него сдѣлавшійся одною изъ отличительныхъ сторонъ русскаго художественнаго творчества. Этотъ смѣхъ сквозь слезы ввелъ въ русскую литературу Гоголь.

Другой великій преемникъ Пушкина, Лермонтовъ, тоже явился отвѣтомъ на идеализмъ пушкинскаго времени. Вѣра въ человѣка есть основная нота пушкинской поэзіи, сомнѣніе въ человѣкѣ является такою же основною нотою лермонтов-

ской поэзіи. По Пушкину, любовь возвышаетъ человѣка, облагораживаетъ его душу, очеловѣчиваетъ дикаря. По Лермонтову, любовь ведетъ только къ горю и несчастью, а мечты о возвышеніи черезъ любовь—одна красивая иллюзія. По Пушкину, въ душѣ человѣка всегда таится человѣчность, подавленная условіями, и надо только освободить эту душу и пробудить въ ней всегда существующее, хотя дремлющее благородство. По Лермонтову, душа человѣка есть мерзость запустѣнія и обыкновенно пробудить въ ней можно только звѣря, мстительнаго, жестокаго, грязнаго, грубаго. „Провозглашать я сталъ любви и правды чистыя ученья, въ меня же ближніе мои бросали бѣшено каменья", это основная, воспроникающая мысль лермонтовскаго творчества. Лермонтовъ знаетъ, что есть на свѣтѣ „любви и правды чистыя ученья", но онъ знаетъ, что за нихъ пророки побиваются каменьями. Чистыя ученья правды и любви дороги Лермонтову, но не этой толпѣ, что окружаетъ насъ, живетъ, работаетъ и умираетъ. Вокругъ насъ дано осуществить эти ученія и особенно не этому поколѣнію принадлежатъ, къ которому судьба Лермонтову назначила. „Къ добру и злу постыдно равнодушны, мы рано вянемъ безъ борьбы", говоритъ онъ о своемъ поколѣніи и пророчески замѣчаетъ, что подъ бременемъ познанья и сомнѣнія въ бездѣйствіи состарится оно", Онъ это ясно видѣлъ и вѣрно оцѣнилъ. Жестокое сомнѣніе въ человѣкѣ и пламенная преданность чистымъ ученьямъ любви и правды одинаково проникаютъ лермонтовскую поэзію и, сочетаясь въ одно настроеніе, даютъ иногда его мятежной и сомнѣвающейся душѣ успокоеніе и просвѣтленіе: „тогда смиряется души моей тревога, расходятся морщины на челѣ, и счастье я могу постигнуть на землѣ, и въ небесахъ я вижу Бога". И вотъ причина, почему отъ поэзіи Лермонтова, несмотря на всѣ ея сомнѣнія, несмотря на проникающее ее презрѣніе къ человѣку и человѣчеству, вѣетъ не холоднымъ и безплоднымъ пессимизмомъ, а призывомъ къ любви и правдѣ. Человѣкъ гадокъ, но, собственно говоря, гадокъ по преимуществу современный человѣкъ, и бичующіе стихъ поэта клеймитъ именно эту жалкую и нищую духомъ современность, этихъ „наперсниковъ разврата", „свободы, генія и славы палачей". „и вы не смоете всей вашей черной кровью поэта праведную кровь", говоритъ

онъ имъ, признавая, что есть въ мірѣ и праведная кровь. Не она владѣетъ человѣкомъ, не она торжествуетъ, но это-то торжество черной крови и вызываетъ негодованіе велика го поэта. Какъ яркій метеоръ, пронесся геній Лермонтова по небу русской литературы, но и этого мгновенія было довольно, чтобы освѣтить и до мучительной боли вскрыть этотъ роковой вопросъ, который поставило пушкинское поколѣніе своимъ идеализмомъ и своей судьбой. Гоголь освѣтилъ его съ фактической стороны, показавъ дикую изнанку культурнаго общества, — Лермонтовъ заглянулъ въ душу современнаго человѣка и показалъ и въ душѣ ту же дикую изнанку. Напрасно къ этому человѣку обращаться, какъ то дѣлало пушкинское поколѣніе, съ призывомъ къ добру и провозглашать ему любви и правды чистыя ученья. Лермонтовъ такъ рано погибъ и такъ недолго писалъ, что въ этомъ скорбномъ отвѣтѣ идеализму предыдущаго поколѣнія и заключается главное содержаніе лермонтовской поэзіи; но одна указанная Н. К. Михайловскимъ особенность лермонтовской поэзіи позволяетъ думать, что едва ли содержаніе ея ограничилось бы такими рамками. Лермонтовъ останавливалъ свой выборъ и свою симпатію на герояхъ дѣятельныхъ и смѣлыхъ, на все дерзающихъ, одинаково великихъ въ добрѣ и злѣ. Въ этой дѣятельной смѣлости идеалъ Лермонтова. Ея отсутствіе въ современникахъ; главная причина ихъ ничтожества. Мысль и чувство должны переходить въ поступокъ, въ дѣло и „стариться въ бездѣйствіи“ печально и постыдно. Это уже есть обращеніе къ идеѣ дѣятельнаго добра, судьба не дозволила поэту воспользоваться вполнѣ этимъ обращеніемъ; но и неоконченный аккордъ прозвучалъ недаромъ и не могъ не оставить глубокаго слѣда въ милліонахъ сердецъ, съ тѣхъ поръ читавшихъ и почитавшихъ великаго поэта. Критика идеаловъ и критика дѣйствительности, совершенно естественныя и необходимыя послѣ пушкинскаго періода, это и есть творчество Лермонтова и творчество Гоголя. Но критика есть только первый шагъ новаго движенія. Сомнѣніе ведетъ къ изслѣдованію, изслѣдованіе къ выработкѣ новаго идеала къ новому творчеству идей. И крупные люди сороковыхъ годовъ, продолжавшіе дѣло, начатое Лермонтовымъ и Гоголемъ, дѣйствительно создали цѣлое новое міросозерцаніе. Дѣйствительность наша непригля-дная, это совершенная правда, и Гоголь тому порукую, сказали

они, но изъ этого слѣдуетъ, что ее надо измѣнить. Одни усмотрѣли причину неприглядности въ отсталости отъ западно-европейской культуры, ихъ назвали *западниками*. Другіе находили, что причину слѣдуетъ искать въ разрывѣ съ до-петровскою стариною и въ возвратѣ къ ней видѣли спасеніе; такіе назвались *славянофилами*. Первое теченіе было главное и могучее, но и второе побочное было настолько ярко и значительно, что не безъ труда была одержана побѣда его противниками. Борьба между двумя направленіями наполнила литературный періодъ.

Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ среди студентовъ московскаго университета возникло два кружка мыслящей молодежи, ищущей правды и знанія. Въ одномъ кружкѣ руководящая роль принадлежала Герцену, и здѣсь соціально-философское ученіе Сенъ-Симона явилось главнымъ предметомъ изученій, а съ нимъ вмѣстѣ и вообще вопросы общественнаго значенія. Другой кружокъ, сгруппировавшійся вокругъ раноумершаго Станкевича, предался изученію Гегеля и отвлеченнымъ философскимъ вопросамъ. Здѣсь мыслилъ, страдалъ и волновался Бѣлинскій. Извѣстно, что идеи, первоначально выработанныя обоими кружками, были далеко не солидарными и повели даже къ серьезному столкновенію между Герценомъ и Бѣлинскимъ, а это столкновеніе въ свою очередь повело къ тому, что оба противника принялись за изученіе идей и доктринъ другъ друга и въ концѣ концовъ сошлись на общихъ принципахъ и программахъ. Это снова былъ идеализмъ, снова вѣра въ человѣка и человѣчество, снова призывъ къ дѣятельному добру, но съ яснымъ сознаніемъ властнаго значенія тяжелой дѣйствительности, съ яснымъ пониманіемъ ея черныхъ сторонъ и съ надеждами на неиспорченный народъ, на силу культурнаго вліянія Запада, на силу идей. Кромѣ Герцена и Бѣлинскаго, изъ сихъ сверстниковъ слѣдуетъ также назвать меланхолически-гуманнаго поэта Огарева, историка Грановскаго, философа-гегелянца Бакунина, В. Боткина, Нестроева. Всѣ они при всемъ разнообразіи и оригинальности взглядовъ составляли одну литературную школу, во главѣ которой стоялъ Герценъ, а наиболѣе популярнымъ выразителемъ былъ Бѣлинскій. Истолкованіе русской литературы, сдѣланное послѣднимъ, дало

русскому обществу впервые понятіе о значеніи и смыслѣ родной словесности.

Критика Гоголя коснулась преимущественно чиновничества и помѣщиковъ, оставивъ въ сторонѣ не только народъ, но и купечество, духовенство, войско. Между тѣмъ, именно чиновники и помѣщики были наиболѣе образованными классами тогдашней Россіи. При совершенномъ незнакомствѣ съ характеромъ до-петровской Россіи, такая европейская образованность, хотя чисто наружная, чиновниковъ и помѣщиковъ и навела на мысль, что виною тягостнаго положенія русскаго народа и русскаго просвѣщенія не что иное, какъ европеизація. Славянофилы сороковыхъ годовъ въ лицѣ лучшихъ ихъ представителей, какъ К. Аксаковъ, И. Кирѣевскій и Хомяковъ, были такими же врагами рабства, деспотизма, бюрократической опеки, стѣсненія свободы, цензурнаго гнета, народнаго невѣжества и суевѣрій, какъ и ихъ знаменитые противники, но отмѣну всѣхъ этихъ золъ видѣли въ возвратѣ къ до — петровскимъ порядкамъ, тѣмъ самымъ порядкамъ, которые взростили всѣ эти и многія другія плевелы русской жизни. Петербургскій періодъ ихъ унаслѣдовалъ отъ московскаго и во многомъ и весьма существенномъ смягчилъ и умолилъ. Выводы славянофиловъ были недоразумѣніемъ, но сопровождавшая эти выводы всесторонняя критика половины Россіи, успѣвшей слѣдовать взглядамъ запада, сдѣлала свое крупное дѣло и во многомъ дополнила и развила критику западниковъ. Славянофилы же много сдѣлали и для изученія народа и народной словесности.

Среди западниковъ, младшее поколѣніе сороковыхъ годовъ, напротивъ того очень богато и сильно представлено. Этому могучему и плодотворному теченію принадлежатъ Некрасовъ, Шевченко, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Григоровичъ, В. Милютинъ, П. Майковъ и др. Философъ В. Милютинъ и критикъ В. Майковъ были призваны продолжать дѣло Бѣлинскаго, но ранняя смерть пресѣкла дѣятельность обоихъ, успѣвшихъ только доказать, что не на безплодную ниву упали сѣмена западниковъ старшаго поколѣнія, и что эта преемственная связь съ старшимъ поколѣніемъ не мѣшаетъ и плодотворному общенію западною мыслью. Изъ другихъ вышеназванныхъ писателей большею частью довольно только отмѣтить. Остальные заслуживаютъ серьезнаго

вниманія, такъ какъ своей работой внесли много новаго и плодотворнаго въ дѣло старшаго поколѣнія. По строю идей, принадлежа сороковымъ годамъ, они значительною частью своей дѣятельности принадлежатъ слѣдующему періоду, вліяя на его движеніе, но и сами испытывая его вліяніе. Это нѣсколько разстраиваетъ цѣльность картины литературнаго періода, но вѣдь и въ жизни цѣльности нѣтъ, а постепенные переходы, перемѣны только нами, въ нашемъ представленіи сортируемые и распредѣляемые по категоріямъ мѣста, времени и причинности.

Гоголь изобразилъ намъ чиновниковъ и помѣщиковъ, но онъ же первый далъ реальную картину и народнаго быта въ Малороссіи. Одновременно съ нимъ, конечно, далеко не столь яркую и глубокую картину, картину малороссійской жизни писалъ Квитка (Основьяненко), а нѣсколько позже то же вниманіе великорусской народной жизни оказали Даль (казакъ Луганскій), довольно различный бытописатель, но знатокъ народной жизни, и Григоровичъ, котораго повѣсти, а потомъ и романы изъ народной сельской жизни производили сильное впечатлѣніе, воспитывая любовь къ ранѣе того презираемому мужику. Идеализованный народъ предсталъ передъ читателемъ совершенно въ иномъ свѣтѣ. Еще сильнѣе дѣйствовали въ томъ же направленіи „Записки охотника“ Тургенева и нѣкоторыя изъ произведеній Некрасова, который, съ одной стороны, бичевалъ среду, „гдѣ жизнь текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства, разврата грязнаго и мелкаго тиранства, гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ“, а съ другой стороны, указывалъ въ народѣ „столько славныхъ, благородныхъ, сильныхъ любящей душой“. И это рядомъ съ гоголевскими галлереями, „среди тупыхъ, холодныхъ и напыщенныхъ собой“. Да, не все погибло изъ—за культурныхъ дикарей, еще „бѣжитъ потокъ живой и чистый еще нѣмыхъ народныхъ силъ: такъ подъ корой Сибири льдистой золотоносныхъ много жилъ“. Эти первыя проявленія литературнаго народничества, столь пышно расцвѣтшаго въ слѣдующій періодъ, вносили новую струю въ литературное движеніе сороковыхъ годовъ и вливали новую вѣру въ торжество чистыхъ ученій любви и правды, такъ страшно затребованную уже Лермонтовымъ и такъ сближавшую некрасовскую

поэзію и съ пушкинскою и съ лермонтовскою. Это сліяніе мотивовъ пушкинскаго идеализма и лермонтовскаго скептицизма составляетъ главную силу некрасовской поэзіи и ея мучительно чарующую притягательность: „и вѣря и не вѣря вновь мечтѣ высокаго призванья, онъ проповѣдуетъ любовь враждебнымъ словамъ отрицанія". Глубоко сомнѣвающаяся, но и глубоко вѣрующая муза Некрасова призвана была „воспѣть твои страданья, терпѣньемъ изумляющій народъ, и бросить хоть единый лучъ сознанья на путь, которымъ Богъ тебя ведетъ". Она честно исполняла эту миссію, и третій великій поэтъ Россіи, примирившій и сочетавшій мотивы пушкинскаго и лермонтовскаго творчества, воздвигъ этимъ примиреніемъ и построеннымъ на его основѣ собственнымъ творчествомъ вѣчный памятникъ своему генію. Некрасовская поэзія принадлежитъ двумъ періодамъ русской литературы, но это значеніе отрицательнаго отношенія къ современному культурному человѣку (мотивы лермонтовской поэзіи) и въ то же время глубокой вѣры въ человѣка вообще (пушкинскій мотивъ) и въ русскій народъ въ честности одинаково принадлежитъ обоимъ періодамъ некрасовскаго творчества. Во второй періодъ прибавилась еще горячая вѣра въ молодыя поколѣнія, народившіяся при новыхъ условіяхъ. О нихъ онъ молитъ: „И отъ ярма порабощенья своихъ избранниковъ спаси, которымъ знамя просвѣщенья, Господь, ты ввѣрилъ на Руси". Доля женщины тоже очень рано привлекла вниманіе отзывчивой музы Некрасова, какъ и вообще судьба всѣхъ обездоленныхъ и гонимыхъ. Страданья во всѣхъ своихъ проявленіяхъ и на всѣхъ ступеняхъ человѣческой жизни составляютъ предметъ постояннаго вниманія Некрасова и вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ его жгучаго страданія. Это страданіе самого поэта страданіями его героевъ дѣлаетъ музу Некрасова въ самомъ дѣлѣ музою печали, но „не мести и печали", потому что въ противоположность Лермонтову месть и мало интересуетъ Некрасова и мало ему знакома. За то ему хорошо знакомъ мотивъ прощенія, который вмѣстѣ со страданіями и печалями проходитъ красною нитью по всему некрасовскому творчеству. Богатая горемъ и страданіями, русская жизнь не богата радостями. Поэтому и некрасовская поэзія, русская по преимуществу, не богата радостями, но она ихъ знаетъ. И тогда она бы-

ваетъ обаятельно прелестна, какъ въ „Сашѣ“, нѣкоторыхъ мѣстахъ „Мороза Краснаго Носа“. Таково основное содержаніе и главные мотивы поэзіи Некрасова. Кромѣ поэтическаго творчества, Некрасовъ оставилъ въ русской литературѣ значительный слѣдъ и какъ журналистъ. Въ 1846 году онъ вмѣстѣ съ Панаевымъ пріобрѣлъ „Современникъ“ и во главѣ журнала поставилъ Бѣлинскаго. Послѣ смерти великаго критика онъ велъ журналъ по возможности въ духѣ и традиціяхъ передового западничества сороковыхъ годовъ, но уже въ 1855 году пригласилъ Чернышевскаго, въ 1856 г. Добролюбова и скоро сдѣлалъ ихъ руководителями журнала и послѣ смерти Добролюбова и ссылки Чернышевскаго продолжалъ вести дѣло въ ихъ духѣ, вмѣстѣ съ прежними ихъ товарищами, до закрытія „Современника“ въ 1866 г. Но уже въ 1868 году Некрасовъ снова становится во главѣ крупнаго журнала, заарендованныхъ у Краевскаго „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ скоро руководящею роль пріобрѣтаетъ Н. К. Михайловскій. Три послѣдовательныхъ вождя прогрессивной литературы Бѣлинскій, Чернышевскій Михайловскій послѣдовательно являются руководителями некрасовскихъ журналовъ, что показываетъ чуткость Некрасова и неослабное развитіе его идей и его міровоззрѣнія.

Любопытно отмѣтить, что такое же сочетаніе лермонтовскаго сомнѣнія, пушкинскаго идеализма и народничества представляетъ и поэзія Шевченка. Такимъ образомъ Шевченко является продуктомъ русскаго литературнаго движенія, хотя, конечно, входитъ въ исторію не русской, а малорусской литературы. Обращеніе къ народности Пушкина одинаково было тѣмъ шагомъ, который былъ нуженъ для появленія литературныхъ произведеній на народномъ языкѣ, на великорусскомъ Кольцова, на малорусскомъ — Шевченка. Съ другой стороны, развитіе отъ пушкинскаго идеализма черезъ критику Лермонтова и Гоголя привело одинаково къ Некрасову и Шевченку, воспринявшимъ въ свое творчество это огромное и богатое наслѣдство трехъ геніевъ русской литературы. Самъ Шевченко не былъ возможенъ, какъ продолженіе Котляревскаго и Квитки, но только, какъ продолженіе Пушкина, Лермонтова и Гоголя, съ Шевченкомъ выходящее за предѣлы русской литературы.

Тургеневъ, Гончаровъ и Достоевскій продолжали дѣло

изученія русской дѣйствительности и ея всесторонняго воспроизведенія. Галлереи Гоголя — превосходныя галлереи, но не всеобъемлющія и остаются цѣлыя стороны жизни и быта, въ нихъ невведенныя, а съ другой стороны жизнь не стоитъ, и нарождаются новыя явленія. Тургеневъ особенно выдвинулся, какъ чуткій наблюдатель перемѣнъ въ русской жизни. Сначала онъ останавливается на романтикахъ, но это былъ отживающій уже типъ (Пасынковъ). Болѣе живучъ оказался типъ „лишняго человѣка“, столь тщательно и детально разработанный Тургеневымъ. Эти люди для гоголевской галлереи не годятся, потому что имъ нѣтъ мѣста въ обществѣ Хлестаковыхъ, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ, но потому-то они и лишніе. Это люди съ умственными и нравственными интересами, но некуда примѣнить эти чувства. Средѣ они не надобны Не надобны и сами носители этихъ чувствъ. Цѣлую галлерею лишнихъ людей вывелъ Тургеневъ, разрабатывая драматизмъ коллизіи этихъ первыхъ ростковъ мысли и совѣсти съ гоголевскою дѣйствительностью. Наступило время однако, и на Руси стали не лишніе люди мысли и совѣсти, и Тургеневъ даетъ намъ и ихъ портреты, но при всей ихъ яркости и жизненности они отодвигаются на второй планъ сравнительно съ лишними людьми, главнымъ тургеневскимъ вкладомъ. Другимъ его важнымъ вкладомъ была галлерея женскихъ типовъ русскаго общества, обаятельныхъ героинь, образы которыхъ принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ русской литературы. Какъ поэтъ-стихотворецъ, Тургеневъ не возвысился до Некрасова и какъ-то пропустилъ даже Лермонтова. Онъ идетъ здѣсь за Пушкинымъ, между тѣмъ какъ въ повѣстяхъ онъ воспринялъ періодъ критики и сомнѣнія и продолжаетъ дѣло этого періода

Гончаровъ написалъ три романа и вывелъ трехъ героевъ, все „лишнихъ людей“, но сортомъ много ниже тургеневскихъ героевъ. Адуевъ оказался сначала лишнимъ только по недоразумѣнію, Обломовъ же и Райскій были бы лишними во всякомъ обществѣ, но и эта сторона жизни вполнѣ достойна вниманія и изученія. Гончаровъ эту задачу выполнилъ прекрасно и показалъ, какъ на почвѣ царства натуры, по существу своему не дикія и носящіяся человѣческія чувства, превращаются въ никуда и никому негодный хламъ. Рядомъ съ главными героями Гончаровъ всегда выводилъ

массу другихъ персонажей, что при его художественной обработкѣ, даетъ очень детальную картину преимущественно барской жизни, нѣсколько идеализуемую авторомъ, но достаточно правдивую, чтобы идеализація отпадала, какъ совершенно чуждая приправа. И у Гончарова замѣчательны женскіе типы.

„Не все дикость", такой отвѣтъ Гоголю и Лермонтову даютъ Некрасовъ, Тургеневъ и Гончаровъ, нисколько не оспаривая властнаго значенія дикости въ русской жизни. Тотъ же отвѣтъ пытается дать и Достоевскій въ первый періодъ дѣятельности, когда онъ отдаетъ преимущественное вниманіе „забитымъ людямъ", какъ назвалъ Добролюбовъ его героевъ. „Бѣдные люди", какъ называется первое произведеніе Достоевскаго, произвели огромное впечатлѣніе именно этимъ умѣніемъ въ забитыхъ и униженныхъ людяхъ показать много любви, гуманности и благородства. Впослѣдствіи Достоевскій сталъ интересоваться жестокими людьми и разрабатывать психологическіе сюжеты на тему различныхъ проявленій жестокости до патологической включительно. Такъ же какъ и Некрасовъ, Достоевскій выбралъ страданія русскихъ людей основною темою своихъ работъ, но отнесся къ темѣ совершенно иначе. Страданія героевъ у него не являются страданіями и автора. Страданія не выходятъ изъ условій среды, а изъ условій человѣческой природы, самодовлѣющими и неотмѣнимыми, и галлерея такихъ страдальцевъ, проходящая передъ взволнованными очами читателей, ничего не уясняетъ, ни вопросовъ русской жизни, ни ея проблемъ. Люди злы, жестоки, сладострастны, осуждены на страданія именно этою своей звѣриною природою, - такова приблизительна картина русской жизни въ послѣднихъ крупныхъ произведеніяхъ Достоевскаго. Это превращеніе литературной физіономіи Достоевскаго, отъ изображенія человѣчности забитыхъ людей перешедшей къ изображенію безчеловѣчности, совпало и съ другимъ его превращеніемъ. Изъ западника, какимъ онъ выступилъ въ сороковыхъ годахъ на литературное поприще, и либерала, какимъ онъ былъ въ качествѣ петрашевца, Достоевскій постоянно преобразился въ націоналиста и консерватора. Изъ писателей сороковыхъ годовъ, отчасти и послѣдующихъ, особую группу составляли поэты безразличнаго напраленія, впослѣдствіи примкнувшіе къ кон-

серватнвному. Это своего рода русскіе „парнасцы", поклонники чистаго искусства, взявшіе у Пушкина лишь его художественность и не замѣтившіе ни идеализма Пушкина, ни всего послѣдующаго движенія. Это были А. Майковъ, Фетъ, Полонскій, А Толстой, Тютчевъ, Мей и Щербина. Они обогатили русскую литературу многими прекрасными произведеніями, но отъ движенія литературнаго стояли въ сторонѣ Наконецъ, тяжелые годы 1849—55 заканчиваютъ собою періодъ и отдѣляютъ движеніе сороковыхъ годовъ отъ послѣдующаго.

